

Ю Р І Й С И М О Н О В И Ч Ъ

НА РОДИНЪ НАПОЛЕОНА

Съ иллюстраціями автора

1936

ИЗДАНІЕ СОДРУЖЕСТВА «ВОСХОДЪ», ПАРИЖЪ

НА РОДИНЪ НАПОЛЕОНА

„Восходъ“ на Корсикѣ
— Лѣто 1935 года —

Съ иллюстраціями автора

Юрій Симоновичъ

* *

*

Вотъ уже десять лѣтъ существуетъ „Восходъ“ (юные Алексѣевцы), содружество русскихъ мальчиковъ. Осеню, зимою и весной встрѣчи ихъ между собой происходятъ въ Парижѣ, проходя въ бесѣдахъ, чтеніи русскихъ книгъ, въ занятіяхъ искусствами; лѣтомъ „Восходъ“ отправляется въ лагерь, „на лоно“. Надо видѣть, какъ расцвѣтаютъ здѣсь, среди природы, знакомясь съ невиданными еще странами, юныя души. Какъ молодыя животныя, вырвавшіяся изъ клѣтки на волю, проникаются они восторгомъ, силой, удалью, и всѣми порами своего организма впиваются радость жизни. Но, кромѣ непосредственной, безсознательной радости молодыхъ существъ, укрѣпляющей ихъ физически, происходитъ и другой, болѣе глубокій, духовный процессъ: знакомство съ новыми мѣстами вызываетъ сравненіе съ видѣннымъ раньше, пробуждаетъ чувство красоты, будить много новыхъ мыслей, а совмѣстная жизнь вырабатываетъ чувство товарищества.

Результатомъ этихъ переживаній не разъ уже являлись „Сборники Восхода“; сюда юноши торопились вылить всѣ свои переживанія, здѣсь пробовали свои силы, въ качествѣ авторовъ и иллюстраторовъ.

Въ этихъ дилетантскихъ опытахъ было много интереснаго и еще больше незрѣлаго, но вотъ, изъ среды „восходцевъ“ выдѣлился авторъ предлагаемой книги, въ которомъ потребность подѣлиться своими впечатлѣніями съ читателями опирается уже не на дилетантизмъ.

Жадность, съ какой авторъ впитываетъ всѣ впечатлѣнія, острота наблюдательности, большая зритель-

ная память, хороший и точный языкъ, — наконецъ, молодая, растущая душа, глядящая изъ каждой строчки писаний, — все это создаетъ его право на вниманіе людей, интересующихся юношеской душою, и читателя вообще.

Большое мѣсто въ книгѣ занимаютъ разсказы о корсиканскихъ „бандитахъ чести“. Въ огромной степени объясняется это необыкновеннымъ бытомъ Корсики, а въ нѣкоторой—юношескимъ тяготѣніемъ къ романтику. Если это тяготѣніе всегда было симпатично, то въ наше время всеобщаго практицизма и прозаизма должно считаться большой цѣнностью. Пройдутъ годы, объектъ увлеченія перемѣнится; отъ бандитовъ чести перейдетъ на героевъ чести, дѣятелей чести, но самое понятіе честь и стремленіе къ ней останется сохраненнымъ.

Помимо той цѣли, какую имѣеть каждая книжка, у этой есть и своя, особенная: быть можетъ, продажа ея поможетъ въ слѣдующемъ году молодымъ членамъ „Восхода“ снова отправиться на лѣтній отдыхъ. Осуществленіе этихъ лагерей всегда соединялось съ немалыми материальными затрудненіями, а теперь сдѣлалось почти непосильнымъ, и невольно встаютъ сомнѣнія: удастся ли организовывать ихъ и дальше?

Можетъ быть, читатели „На родинѣ Наполеона“ найдутъ, что это дѣло слѣдуетъ поддержать, и „востходцы шумною толпой“ снова отправятся по Франціи, окрѣпнуть и тѣломъ, и духомъ.

Старшій Другъ-руководитель
Содружества „Восхода“
Пав. Никитинъ.

*Моему Содружеству
въ его десятильтие.*

Ю. С.

Вмѣсто предисловія.

Почти десять лѣтъ назадъ, нѣсколько мальчиковъ, учащихся во французскихъ школахъ и пожелавшихъ остаться русскими, образовали съ этой цѣлью Содружество; въ общихъ встрѣчахъ зимой и въ лѣтнихъ лагеряхъ, устроенныхъ собственными усилиями и съ помощью добрыхъ людей, они самообразовывались, самовоспитывались. А затѣмъ, пять лѣтъ назадъ, эти мальчики, подросшіе, уже ставшіе юношами, считая, что ихъ дѣло должно продолжиться, нашли себѣ приемниковъ, смѣну, съ которой отъ этихъ поръ и занимаются зимой и лѣтомъ, стараясь привить имъ ту же любовь, къ отечеству, ко всему русскому, какую пріобрѣли сами. Такова маленькая организація, таковы планы „Восхода“.

Въ устраиваемыхъ лѣтомъ на средства добрыхъ людей и заботами Старшаго Друга лагеряхъ мальчики отдыхаютъ, веселятся, забываютъ о всѣхъ суровыхъ лишеніяхъ прошедшей зимы . . .

Маріусъ и Оливъ.

По настоящему началось наше путешествіе не тогда, когда, попрощавшись съ родными, мы въ разныхъ концахъ великого града нырнули въ подземку и двинулись по направлению къ Ліонскому вокзалу—и даже не тогда, когда отошелъ отъ станціи южный экспрессъ, но лишь на слѣдующій день, когда замелькали передъ глазами надписи, гласившія, что до Марселя осталось шесть, четыре, два километра... Цифры быстро уменьшались. Именно тогда появилось на всѣхъ лицахъ выраженіе напряженного вниманія ко всему окружающему, какое бываетъ у путешественниковъ, когда они, ничѣмъ постороннимъ не озабоченные, попадаютъ впервые въ новое, незнакомое до сихъ поръ, мѣсто. Мы же почти всѣ находились въ этомъ положеніи.

Отъ Марселя всѣ, малые и большіе, ждали чего-то особенного. Въ сознаніи всѣхъ, живущихъ въ Парижѣ, съ названіемъ этого южнаго города связано не мало шуточекъ и анекдотовъ, не мало забавныхъ исторій, которыя должно рассказывать съ особымъ марсельскимъ акцентомъ и которыя повѣствуютъ объ остроуміи и самохвальствѣ марсельскихъ сыновъ: Маріуса и Олива. Марсельскій Маріусъ—это приблизительно нашъ армянскій Карапетъ, а разсказы про Канебъеръ подобны разсказамъ про Тифлисъ—“все въ сорыкъ разъ болшэ!”

И нашимъ ребятамъ, естественно, хотѣлось поскорѣе провѣрить — дѣйствительно ли марсельцы такой народъ, или это лишь „des blagues“. Напряженный слухъ уже на вокзалѣ улавливаетъ что-то „марсельское“ въ выкрикахъ носильщиковъ, въ восклицаніяхъ встрѣчающихъ, а чѣмъ больше углублялись мы въ центръ города, тѣмъ болѣе замѣчали специфическій акцентъ. Марсельцы не обманули нашихъ ожиданій, думаемъ мы, и получаемъ первое удовлетвореніе.

„Remember“.

Марсель славится своей извѣстной Ля Канебъеръ—главной улицей. И мы, лишь только освободились отъ хлопотъ по погрузкѣ на пароходъ багажа, поспѣшили отправиться на Канебъеръ. Парижанину эта широкая улица—шумная, наводненная разношерстной толпою на тротуарахъ, а на мостовой—желтыми трамвайчиками съ гудками вмѣсто звонковъ и такси съ надписью „Маттеи“ по бокамъ; съ бойкой торговлей съ лотковъ и въ магазинахъ, гдѣ вмѣсто дверей свисаютъ стеклярусныя занавѣски — эта улица, составляющая гордость марсельца, покажется парижанину, пожалуй, лишь жалкимъ подобіемъ какого-нибудь „Boulevard Sebasto“. Теперь она, независимо отъ своего облика, остается связанной навсегда съ трагическимъ событиемъ 9 октября 1934 года—убийствомъ короля Александра. На Канебъеръ, у площади противъ зданія Биржи, стоять два столба съ прибитыми къ нимъ овальными досками: „Здѣсь были убиты король Александръ Югославіи и министръ Луи Барту“ — и мы мысленно переносимся въ Парижъ, къ тому моменту, когда съ быстротой молніи распространилась въ столицѣ страшная новость.

— Да, вотъ здѣсь случилось непоправимое,— думается, и временно забыты Канебъеръ, марсельскій акцентъ и шуточки, а мысль обращается къ будущему: Что-то скажетъ еще исторія? . . .

„La Joliette“.

Съ Канебъеръ мы попали въ старый портъ, въ Ля Жольеттъ, и тутъ насъ захватила жизнь южнаго порта. Атмосфера здѣсь иная; что-то специфическое вдыхаешь вмѣстѣ съ морскимъ воздухомъ, а что именно—трудно опредѣлить. Грязная набережная, еще болѣе запруженная народомъ, нежели главная улица, еще болѣе наполненная шумомъ гудковъ, выкриковъ, скриповъ—имѣеть своеобразное очарованіе. Здѣсь покачиваются на привязи лодки и катера, яхты и баркасы, длинныя, пузатыя, съ высокими мачтами, парусныя, моторныя, бѣлыя, черныя, или вовсе некрашенныя, засмоленные, покрытыя рыбьей чешуей. А напротивъ, въ длинной вереницѣ прижавшихся другъ къ другу ресторанчиковъ и погребковъ, прерываемой только парикмахерскими да лавочками съ корабельной и рыбачьей утварью, въ разставленныхъ корзинкахъ лежать всѣ морскіе деликатессы, начиная ракушками и осьминогами и кончая...— да могу ли я знать названія всѣхъ этихъ жителей „Царства Всеморскаго“?

Мы ныряемъ въ одинъ изъ портовыхъ ресторанчиковъ, соблазнившись не столько дешевымъ при-фиксомъ, сколько бѣлизной свѣже выкрашенныхъ дверей и стѣнъ (чистота и блескъ здѣсь, въ старомъ порту, вещь очень рѣдкая!). Размѣщаемся вокругъ общаго длиннаго стола и... и уходимъ лишь черезъ два часа, еле дви-

гаясь отъ чрезмѣрной прибыли въ вѣсѣ, съ единой мыслью — непремѣнно еще разъ посѣтить эту столовку, гдѣ за очень дешевую плату такъ вкусно и сытно кормятъ.

По водамъ.

Третій гудокъ. Невольно мы подаемся къ борту, съ интересомъ слѣдя за послѣдними приготовленіями парохода къ отплытію. Такъ всегда: при отплытіи парохода пассажиры, чѣмъ бы они ни были заняты, высыпаютъ на палубу и осаждаются обращенный къ берегу бортъ.

Трапъ уже поднятъ, подъ ногами чувствуется легкая дрожь—заработали машины, забилось сердце парохода. Медленно, незамѣтно сначала для глаза, отчаливаетъ онъ отъ пристани, а потомъ вдругъ сразу разстояніе, отдѣляющее отъ земли, становится громаднымъ. Поѣхали!

Для многихъ изъ настъ страннымъ кажется мысль, что они ёдуть по водѣ — засидѣлись мы на сушѣ, десять лѣтъ, кто и больше, а кто и совсѣмъ не путешествовали по морю. У иныхъ такое путешествіе связано съ близкими и уже такими далекими днями крымской эвакуаціи... Время бѣжитъ быстро!

Быстро движется впередъ и пароходъ. Уже далеко позади, въ сторонѣ, оставленъ Шато д'Ифъ, увѣковѣченный повѣстью Дюма; уже скрылся за скалами большой марсельскій портъ и лишь на высокой горѣ, маякъ вѣрующихъ, еще долго, долго останется видна статуя Богоматери-Заступницы моряковъ на соборѣ Нотръ Дамъ де ля Гардъ.

Мы размѣстились на палубѣ второго класса.

У насъ билеты четвертаго, мы—voyageurs du pont, но, вѣдь не наша вина, что нижнія палубы уже биткомъ набиты бѣднымъ людомъ съ котомками! Помощникъ капитана, молоденькій офицеръ, съ улыбкой внемлетъ нашимъ доводамъ и любезно позволяетъ оставаться на чистой верхней палубѣ. Тутъ хорошо и просторно: можно устроиться на удобной скамье и любоваться моремъ, такимъ синимъ, что трудно оторваться отъ него; вдали—дымная полоска южныхъ береговъ. Если жарко на солнцѣ—еще только три часа пополудни—можно скрыться подъ брезентомъ, или пойти къ каютамъ; тамъ продуваетъ вѣтеркомъ. Но, еще бы лучше взять шезъ-лонгъ и подремать—мѣрное покачиваніе парохода съ боку на бокъ такъ успокаиваетъ и располагаетъ ко сну! Одинъ изъ нашихъ, не долго думая, притаскиваетъ замѣченный имъ гдѣ-то свободный шезъ-лонгъ. За нимъ слѣдуетъ и другой. На обоихъ удобно разваливаются... и черезъ минуту вскакиваютъ, какъ ужаленные: какой-то, еще молодой человѣкъ, явно южнаго типа, бранясь по французски, но примѣшивая въ свою рѣчъ вовсе непонятныя намъ слова, размахивая руками и гневно сверкая глазами, требуетъ свои кресла обратно.

— Какое нахальство,—кричить онъ,—я заплатилъ за наемъ ихъ по пяти франковъ, а эти канальи...

Подбѣгааетъ жена съ младенцемъ на рукахъ, одергиваетъ больно строптиваго мужа. Какой-то

французъ, затянувшись и выкинувъ за бортъ недокуренную папиросу, заступается за дѣтей:

— *N'avez-vous pas honte?* — вопрошаешь онъ. Но обиженный отецъ семейства уже побѣдоносно тащить обратно свою мебель, что-то бормоча себѣ подъ носъ въ то время, какъ одинъ изъ нашихъ старшихъ приносить съ нижней палубы другіе, оплаченные стулья, а спокойный французъ вздыхаетъ:

— *Ah, ces Corses, qu'ils sont troubles!*

Таково наше первое знакомство съ корсиканцами.

По мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ берега и онъ вовсе исчезаетъ изъ глазъ, возбужденіе, проявляющееся вначалѣ всякого непривычнаго путешествія, постепенно проходитъ. Наступаютъ будни путешественника. Подходящія къ моменту темы для разговоровъ уже исчерпаны. Къ кораблю привыкли, видѣ его уже не возбуждаетъ любопытства, взоръ равнодушно и скучающе скользитъ по палубѣ, по кабинкамъ, трюмамъ, лебедкамъ и мачтамъ. Медленно прохаживается дѣтвора, ищетъ, чѣмъ бы себя занять: тяжело оставаться безъ дѣла! „Хоть бы качка была и то развлеченіе было бы“. Но море, какъ на зло, спокойно, о качкѣ мечтать не приходится. Кто-нибудь крикнетъ: „дельфины!“ — и всѣ съ радостью бросаются смотрѣть на нихъ. Ихъ

много, они перегоняютъ пароходъ, провожаютъ его, выскакиваютъ то съ праваго, то съ лѣваго борта изъ воды, смѣша и забавляя. Павель Федоровичъ посыаетъ за фотографическимъ аппаратомъ и, стоя на носу парохода, прицѣливается и снимаетъ шалуновъ. Потомъ дельфины эта игра надоѣдаетъ, они отстаютъ и исчезаютъ. Мальчуганы вяло расходятся и бредутъ на свою палубу, заглядывая мимоходомъ въ двери открытыхъ кають, столовыхъ, кухонь... Изъ кухни идетъ пріятно щекочущій носъ запахъ, и они вдругъ вспоминаютъ, что не плохо было бы поѣсть. У насъ полны мѣшкіи провизіей, но ребята убѣждаютъ Павла Федоровича, если недорого, отвѣдать бортовой пищи. И когда гарсонъ со звоночкомъ въ рукѣ возвѣщаетъ о первомъ „сервисѣ“, мы устремляемся въ дешевую столовую.

На сушѣ.

Разсвѣтъ. Я встаю съ шезъ-лонга, растираю затекшія ноги, оглядываюсь по сторонамъ. Палуба вся усѣяна спящими пассажирами. Спятъ во всѣхъ уголкахъ, кто гдѣ устроился. Большинство спитъ, безхитростно растянувшись на чистомъ деревянномъ полу, подложивъ подъ голову руку—беззаботно похрапываетъ. Другіе устроились на брезентахъ. Люди, умѣющіе предвидѣть всевозможныя несчастья, забрались въ спасательныя шлюпки, спятъ тамъ...

Напрасно повторяя слова извиненія (вѣдь, все равно, не услышать моего „пардонъ“), пробираюсь сквозь эту спящую массу къ борту. Тамъ уже вѣчно бодрствующій и всюду поспѣвающій—Павелъ Федоровичъ. Подхожу къ нему. Онъ указываетъ мнѣ на неясныя очертанія горныхъ цѣпей.

— Корсика.

Я выражаютъ сомнѣніе: — Не тучи ли это?

Не легко разобраться въ предутренней мглѣ... Но звѣзды одна за другой тужнутъ на небѣ. Водное пространство, казавшееся темно-сѣрымъ, теперь снова пріобрѣтаетъ свой синій цвѣтъ. Быстро свѣтаетъ.

Мы находимся уже въ заливѣ. Съ трехъ сторонъ нась окружаютъ горы. Пароходъ торопливо бѣжитъ впередъ. А съ лѣваго борта уже видны домики, крѣпостная стѣна, длинный молъ.

Кто-то рядомъ со мной произносить слово: „Аяч-
чіо“, и я съ удивленіемъ гляжу на городокъ.
Въ моемъ воображеніи городъ, въ которомъ
родился Наполеонъ и который нынѣ считается
столицей Корсики, — великолѣпный, величавый
городъ, достойный своего прославленнаго сына.
А эти нѣсколько десятковъ домиковъ, выкра-
шенныхъ всѣ въ желтую краску, съ двумя паль-
мочками на пристани, безъ единаго стоящаго въ
гавани парохода . . . Это настоящій Аяччіо? Я не
скрываю своего разочарованія. То же выраженіе
читаю на лицахъ другихъ. Не время, однако,
раздумывать. Собираемъ нашъ ручной багажъ
и протискиваемся поближе къ выходу. Трапъ
уже спущенъ. Гуськомъ сходимъ на землю и
спѣшимъ другъ друга поздравить:

— Мы на Корсикѣ!

Первые дни.

Корсика произвела на меня по первоначалу впечатлѣніе русской колоніи. Не успѣли мы сойти на землю, какъ насы окружили соотечественники. Привѣтствія, рукопожатія, русская рѣчь. Прошли въ городъ, въ кіоскахъ продаются русскія газеты, въ витринахъ книжныхъ лавокъ выставленъ Достоевскій — „Дневникъ писателя за...“ На улицахъ, на базарѣ бросаются въ глаза русскія лица. Каюсь, въ первые дни туземнаго населенія я и не замѣчалъ. Оттого-ли, что одежда корсиканцевъ менѣе яркихъ цвѣтовъ? Оттого-ли, что на улицахъ корсиканцы ведутъ себя скромнѣе и разговариваютъ не такъ громко?... Русскіе держатъ себя здѣсь съ достоинствомъ и очень независимо; на ихъ лицахъ какъ бы написано: „мы здѣсь у себя дома“. Примѣрно такъ держали себя англичане и французы въ Константинополѣ во время послѣвоенной оккупации.

Русскіе, пріѣхавшіе этимъ лѣтомъ на Корсику, разбили близъ Аяччіо два лагеря. Первоначально мы предполагали, за неимѣніемъ въ этомъ году достаточныхъ средствъ, сдѣлаться пансионерами одного изъ этихъ лагерей, но этотъ планъ съ первыхъ же дней на мѣстѣ былъ признанъ неподходящимъ, поэтому мы вскорѣ нашли на окраинѣ Аяччіо, въ двухъ шагахъ отъ моря, специальное, прекрасное и удобное для нашей

Въ корсиканской избѣ.

группы помѣщеніе и, перебравшись туда, обсудили свое положеніе и дальнѣйшую судьбу неожиданного собственного лагеря на Корсикѣ. Такъ какъ все снаряженіе нашихъ лагерей осталось въ Парижѣ, то, чтобы не затрачивать и безъ того небольшихъ средствъ на пріобрѣтеніе новаго, мы порѣшили устроить на этотъ разъ „подвижной лагерь“, чѣмъ, кстати, онъ и отличался бы отъ всѣхъ прочихъ нашихъ лагерей. Благодаря наличію у большинства изъ насъ велосипедовъ, въ основу программы положили путешествіе по Корсикѣ, чтобы осмотрѣть „все, что есть“ на этомъ Островѣ Красоты, исколесивъ его вдоль и поперекъ. Аяччіо же и наше помѣщеніе въ немъ мы сдѣлали нашимъ исходнымъ пунктомъ, времененнымъ пристанищемъ послѣ всѣхъ предположенныхъ походовъ и экскурсій.

Нѣсколько дней пребыванія оказались достаточными, чтобы совершенно измѣнить нашъ вѣнчній обликъ. Кожа на тѣлѣ вовсе потемнѣла, волосы у всѣхъ повыгорали, бѣлки глазъ какъ будто стали еще бѣлѣе. Все это естественно, такъ какъ мы по пяти-шести часовъ въ день проводимъ на пляжѣ, поперемѣнно купаясь и полошась въ теплой водѣ, или лежа и ворочаясь на мягкому пескѣ, точно жарясь на вертелѣ подъ лучами южнаго солнца.

Соответственно съ измѣненіемъ наружности мы вошли и въ роль завоевателей острова, а именно, держимъ себя независимо, носимъ доста-

точно яркое платье и разговариваемъ на улицахъ, пожалуй, не тише всѣхъ другихъ русскихъ колонизаторовъ.

Далѣе я включаю въ дневникъ случай, произошедшій съ однимъ изъ піонеровъ нынѣшней русской колонизаціи острова, по разсказу одного изъ участниковъ того лагеря, въ которомъ мы провели первые дни нашего здѣсь пребыванія.

„Vendetta Corsa.“

1.

Петръ Семенычъ, человѣкъ пожилой и серьезный, оставилъ въ Парижѣ жену и собачку Лайку, отправлялся на Корсику по дѣламъ. Собственно говоря, дѣлъ у него на Корсикѣ никакихъ и не было, была лишь идея. Но идеей этой онъ тѣмъ болѣе дорожилъ, посвящая въ нее лишь своихъ испытанныхъ друзей, фактически же всѣхъ и каждого, кто желалъ его слушать — причемъ неизмѣнно требовалъ съ нихъ слова, что будутъ держать ее въ строжайшемъ секрѣтѣ.

Идея его заключалась въ томъ, что Корсика — та же Франція, и стало быть, намъ, безпаспортнымъ русскимъ, на нее такъ же легко попасть, какъ въ любой французскій департаментъ, а всѣ какъ будто обѣ этомъ позабыли; между тѣмъ, свобода въѣзда на островъ открывала большія возможности коммерческаго характера, и Петру Семенычу пришла въ голову мысль постараться ихъ использовать. Надо сказать, что Петръ Семенычъ работалъ въ Парижѣ по коммерческой части, а то и по представительству, но за послѣднее время доходы настолько сократились, что требовалось что-то немедленно предпринять, чтобы спасти положеніе.

— Я еще не имѣю точнаго плана дѣйствій, — признавался мнѣ Петръ Семенычъ, — но

я именно для того и ъду, чтобы на мѣстѣ пощупать, понюхать, разузнать.

И Петръ Семенычъ выразительно, жестами и гримасами, показывалъ мнѣ, какъ онъ нащупаетъ и обнюхаетъ.

— О, эта Корсика можетъ оказаться золотымъ дномъ, вы увидите! — говорилъ онъ, поднимая указательный палецъ на уровень носа.

Я познакомился съ Петромъ Семенычемъ на пароходѣ, еще въ Марселе; случайно увидѣвъ въ рукахъ Петра Семеныча русскую газету, я рѣшилъ, что и онъ принадлежитъ къ нашей группѣ, и обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ. Недоразумѣніе быстро выяснилось, но мы тѣмъ не менѣе разговорились и уже не теряли другъ друга изъ виду во все время нашего путешествія.

Я сразу проникся къ Петру Семенычу уваженіемъ и симпатіей. Уваженіемъ потому, что въ немъ я почувствовалъ „дѣльца“, человѣка „съ мозгами“; симпатіей—по причинѣ его крайне благодушного характера, въ чемъ мнѣ за этотъ кратковременный срокъ путешествія не разъ пришлось убѣдиться. Кромѣ того, Петръ Семенычъ объявился человѣкомъ крайне разговорчивымъ и неспособнымъ жить безъ общества. Не успѣли мы выйти въ открытое море, какъ онъ заставилъ меня перезнакомить его со всѣми ъдущими въ лагерь. Мнѣ пришлось представлять его людямъ, съ которыми и самъ я только что

познакомился, а то и вовсе не зналъ. Онъ подходилъ ко всѣмъ съ поклономъ, шаркалъ ножкой и неизмѣнно повторялъ: „Петръ Семенычъ Тушкинъ“. Причемъ, букву Т въ своей фамиліи онъ произносилъ, какъ я потомъ убѣдился, нарочито невнятно, такъ что слышалось скорѣе „Пушкинъ“, что, конечно, заставляло всѣхъ настораживаться и запоминать его лицо и фигуру. Фигура эта такъ врѣзалась въ мою память, какъ будто онъ и сейчасъ стоитъ передо мной; на кривыхъ, коротенькихъ ножкахъ, съ большимъ туловищемъ, съ выпяченной впередъ грудью; надъ широкими плечами возвышалась кудрявая, убѣленная сѣдиной голова, закинутая назадъ. Все въ немъ говорило, что онъ хочетъ имѣть видъ представительный и независимый. Но лицо, до безконечности подвижное, со множествомъ морщинокъ у глазъ, портило эффектъ. Слишкомъ много въ немъ было движенія и гримасъ, а въ маленькихъ глазахъ, подъ густыми нависшими бровями, слишкомъ много доброты и дѣтской шаловливости и лукавства.

Перезнакомивъ Петра Семеныча со всѣми спутниками, я съ радостью оставлялъ его съ ними. Его безостановочная рѣчъ успѣла меня утомить. Я тогда не зналъ еще, что назойливость была одной изъ отличительныхъ его чертъ и что жертвой этой назойливости суждено стать одному изъ нашихъ спутниковъ.

Въ нашей группѣ, среди прочихъ, ъхала молоденькая, хорошенъкая барышня; она вѣчно хохотала и была душою общества. Всѣ ее звали Наташой, никто не зналъ ни ея отчества, ни фамиліи. На Петра Семеныча Наташа съ первого же взгляда произвела неотразимое впечатлѣніе.

— Вотъ, настоящая русская барышня, — говорилъ онъ мнѣ, — и наружность русская (красота какая!), и душа въ ней чувствуется русская! Веселая, разбитная! Вотъ только того, гм... сразу видно, что нѣтъ надъ ней отеческаго надзора. О, это много значитъ, имѣть надъ собой отцово око, видѣть передъ собой перстъ, указующій праведный путь! Вѣдь въ ея годы такъ легко ошибиться, совершить непоправимое!

— А жаль, очень жаль будетъ, если пропадетъ дѣвица, — продолжалъ Петръ Семенычъ такимъ сокрушеннымъ тономъ, будто дѣвица уже пропала. — Очень она симпатичная, эта Наташа. Мы съ Марьей Львовной, — это супруга моя, — вотъ такую, какъ она, страсть какъ имѣть хотѣли бы. Былъ у насъ Левушка, да трехлѣтнимъ Богъ отнялъ, съ тѣхъ поръ дѣтей и не было. Вотъ сейчасъ Лайка, собачка есть... Да развѣ это то?

И Петръ Семенычъ, повидимому, рѣшилъ приглядѣть за Наташой, быть ей „перстомъ, указующимъ праведный путь“. Полагаю, что таково

было намѣреніе Петра Семеныча, ибо съ того самаго часу онъ ни на минуту не выпускалъ Наташу изъ виду, всюду слѣдовалъ за нею. Наташа сначала едва замѣчала присутствіе своего ангела-хранителя, не больше, во всякомъ случаѣ, нежели другихъ. Она была занята мыслями о томъ, какъ бы веселѣе провести лѣто въ лагерѣ, и, щебеча, смѣясь, машинально благодарила Петра Семеныча за заботливость, которую онъ проявлялъ постоянно: то лимонъ принесеть „на случай качки“, то пледъ притащить, „чтобы ночью не было холодно“, то еще что-нибудь. Но если долго не замѣчала Петра Семеныча Наташа, то всѣ остальные давно привыкли къ присутствію возлѣ нея старика и, вслѣдствіе этой близости и его возраста, уже не иначе называли его, какъ Наташинъ отецъ.

Къ концу путешествія, однако, и Наташа убѣдилась, что „миленький старичекъ“, какъ она просто называла Петра Семеныча, не отходилъ отъ нея ни на шагъ. Мысль, что у нея объявился папаша, ей показалась настолько оригинальной и такъ ей понравилась, что она расходилась до слезъ и стала его величать „cher papa“.

3.

Пріѣхали. Спустились на берегъ. Наташа со всѣми нами поѣхала въ лагерь подъ Аяччіо, а *cher papa*, съ которымъ она даже позабыла

попрощаться, отправился искать комнату въ отельчикѣ, въ самомъ городѣ, обстоятельно разспросивъ у начальника группы, какъ найти нашъ лагерь.

Петръ Семенычъ не попрощался съ Наташой совсѣмъ по другой причинѣ, нежели она съ нимъ: онъ просто не намѣренъ былъ оставлять ее въ лагерѣ „такъ“.

И, дѣйствительно, въ первый же день нашего пріѣзда, спустившись послѣ обѣда на пляжъ, мы увидѣли знакомую фигуру. На кривыхъ ножкахъ, въ полосатомъ трико, Петръ Семенычъ бѣжалъ намъ навстрѣчу, гримасничая и дѣлая широкіе жесты.

— Ну, какъ? Ну, какъ устроились? — озабоченно спрашивалъ онъ Наташу, — въ палаткѣ, на землѣ? Ай, какъ нехорошо! Спать на землѣ такъ вредно!

— Да я много спать и не собираюсь,— успокоила его Наташа,—не для того пріѣхала! Сегодня утромъ на пляжѣ корсиканецъ, съ которымъ познакомилась, говорилъ, что тутъ близко отъ лагеря есть ресторанчикъ, въ которомъ танцуютъ до поздней ночи. Онъ обѣщался вечеромъ зайти за нашей компанией.

На лицѣ Петра Семеныча изобразился крайній испугъ. Но онъ не позволилъ себѣ ни единствомъ словомъ выразить своего неодобренія. Сдѣлавъ надъ собой видимое усилие, онъ спросилъ шутливымъ тономъ:

— Надѣюсь, и я числюсь въ вашей компанії?`

Никто тогда не обратилъ вниманія на эти слова, но вечеромъ, когда мы спустились на дорогу, ведущую вдоль берега моря, мы не безъ малаго удивленія увидѣли снова Петра Семеныча.

— Вы съ нами? — спросилъ его кто-то. И онъ съ поспѣшностью отвѣтилъ:

— Обязательно, обязательно! — Вступилъ съ общій разговоръ, смѣялся, шутилъ, рассказывалъ анекдоты — явно поддѣлывался подъ общій тонъ и старался казаться нашимъ ровесникомъ.

Недалеко отъ лагеря, въ ресторанчикѣ у берега моря собиралась по вечерамъ вся русская (прибывшая раньше насы) и корсиканская молодежь. Въ саду, плохо освѣщенномъ ацетиленовыми фонариками, за столиками подъ пальмами, уже сидѣло нѣсколько однокашниковъ и, въ ожиданіи компаніи чтобы танцевать, играли въ бриджъ. Всѣ стали разсаживаться, причемъ Петръ Семенычъ захватилъ стулья рядомъ съ Наташинымъ, къ большому неудовольствію корсиканца, о которомъ была рѣчъ на пляжѣ. Тоніо долго въ упоръ смотрѣлъ на Петра Семеныча, потомъ, боднувъ въ его сторону головой, спросилъ:

— E il suo padre, il questo?

— Въ этомъ родѣ, — отвѣтилъ сосѣдъ, неувѣренно.

Заказали апперитивы. Петръ Семенычъ оказался любителемъ чарочки и знатокомъ по части выпивки. (Онъ мнѣ еще на пароходѣ сказалъ, что,

не будь во Франціи хорошихъ апперитивовъ, ему не удалось бы довести до конца и половины тѣхъ сдѣлокъ, какія заключилъ онъ въ свое время).

— Господа, господа, — кричалъ онъ теперь. — Бросьте ваши „мандарэнъ“ заказывать, ихъ и въ Парижѣ достаточно. Господа, рекомендую „пастисъ“ и корсиканскую водку — *specialité du pays!* — *Garçon, sept pastis!* — распоряжался Петръ Семенычъ. — Вы увидите, господа, это замѣчательная вещь, я уже утромъ попробовалъ.

Отъ вина и апперитивовъ Петръ Семенычъ быстро охмелѣлъ и оттого сначала сдѣлался очень шумливымъ, такъ что его приходилось одергивать. Но затѣмъ, онъ вдругъ успокоился, на его лицѣ появилось выраженіе грусти и покорности, онъ сидѣлъ съ поникшей головой и, вѣроятно, скучалъ. Когда заигралъ оркестръ и Наташа съ другими закружилась въ веселомъ танцѣ, а я съ Петромъ Семенычемъ остались одни за столомъ, онъ перегнулся ко мнѣ и сталъ быстро говорить:

— Вотъ, видите, какъ хорошо, что я нахожусь здѣсь: могу послѣдить за Наташой. А представьте, что меня бы не было? Вотъ она теперь познакомилась съ цѣлой оравой рыбаковъ и хочетъѣхать съ ними на рыбную ловлю. Да развѣ это можно? И этотъ, ея Тоніо, тоже мнѣ вовсе не нравится. Говорить, у него автомобиль есть: вѣдь, отъ этого только онъ болѣе опасенъ... Прямо самъ Богъ меня послалъ поприсмотрѣть за Наташой. Ай, какъ это все нехорошо! Ай, ай,

ай . . . — сокрушенно качалъ головой Петръ Семенычъ.

Въ тотъ вечеръ я вернулся въ лагерь раньше другихъ, не досидѣвъ до конца. А на слѣдующій день за утреннимъ кофе Наташа возбужденно рассказывала:

— Вы подумайте, старецъ-то нашъ каковъ! Онъ, кажется, и на самомъ дѣлѣ вообразилъ себя моимъ папашей. Мало того, что весь вечеръ крутился подлѣ меня, и возвращаться пришлось съ нимъ вмѣстѣ. Тоніо, корсиканецъ, предложилъ до лагеря подвести меня на машинѣ. Сажусь, смотрю и старче лѣзетъ въ машину. Тоніо обидѣлся. „Что же, — говоритъ, — вашъ папа недовѣряетъ мнѣ, не пускаетъ однихъ?“ И со злости остановилъ машину на полдорогѣ подъ предлогомъ, что испортилось что-то. Я пошла пѣшкомъ, а стариkъ за мной. „Вамъ же въ Аяччіо надо идти, *cher papa*“, — говорю ему. „Ничего, — отвѣчаетъ, — я еще успѣю“. И дальше плетется. Я тогда нарочно короткимъ путемъ пошла, черезъ лѣсъ. Слышу, ползетъ за мной и онъ: пыхтитъ, спотыкается, а не пикнетъ. Мнѣ даже жалко его стало . . . — съ улыбкой продолжала Наташа. — „Идите, — говорю, — *cher papa*, обратно, я и сама дойду“. „Нѣтъ!“ — отвѣчаетъ, и самъ ползетъ дальше. Такъ до палатки и проводилъ . . . Чудакъ!

Наташа звонко расхохоталась.

Съ этого дня такъ и повелось: Петръ Семенычъ всюду сопровождалъ Наташу, нигдѣ она не появлялась безъ того, чтобы гдѣ-нибудь сзади, поодаль, онъ не волочился. Рядомъ съ ней онъ никогда не ходилъ и съ нею почти никогда не разговаривалъ: развѣ сама спросить его о чѣмъ-нибудь. Вѣроятно, свою миссію Петръ Семенычъ понималъ въ буквальномъ смыслѣ слова: онъ только „присматривалъ“. Только этой пассивностью Петра Семеныча и можно было объяснить то, что Наташа допускала долгое время надъ собою этотъ своеобразный надзоръ.

— Да онъ безобидный такой, этотъ *cher papa*, — отвѣчала она своимъ спутникамъ, когда тѣ возмущались, почему она не гонитъ старика.

— Онъ вамъ вовсе не компанія, — резонно говорили они.

— Это, конечно, вѣрно, но онъ, впрочемъ, очень компанейскій.

И Наташа рассказывала, какъ Петръ Семенычъ ъездилъ то удить рыбу, то на острова, а вечерами—въ казино, или въ погребокъ, гдѣ пилъ и веселилъ немало компанію.

— Вотъ, только одна у него смѣшная черта,— замѣчала Наташа, — страсть какъ боится и не любить корсиканцевъ.

Объ этой чертѣ Петра Семеныча зналъ я и самъ. Когда, встрѣчая его на пляжѣ, я спраши-

валъ, какъ подвигаются его коммерческія предпріятія, онъ шамкалъ въ отвѣтъ что-нибудь неопределѣленное (дѣло было въ томъ, что, занявши Наташой, онъ дѣла свои откладывалъ), а затѣмъ непремѣнно приводилъ какое-нибудь замѣчаніе о корсиканцахъ, и всегда не въ ихъ пользу.

— Сегодня разговаривалъ съ одной итальянкой, владѣлицей лавки, о томъ—могно ли вести съ корсиканцами дѣла? Такъ что же она говоритъ? „Нѣть хуже народа, чѣмъ эти корсиканцы,—ужасные собственники. Вы у нихъ въ полѣ дикій цвѣточекъ сорвете, такъ, если увидятъ, мстить будутъ, стрѣлять въ васъ станутъ“.

— Да,—добавлялъ отъ себя Петръ Семенычъ,
— пренепріятный народъ.

Долго, быть можетъ, еще продолжался бы надзоръ Петра Семеныча за Наташой, если бы не случилось то, что нормально рано или поздно должно было случиться: Наташѣ надоѣло вѣчное присутствіе ея *cher papa*. Не знаю, что именно послужило причиною Наташиному гнѣву, возможно, что раздраженіе накоплялось понемногу, а можетъ быть, наканунѣ онъ особенно ей мѣшалъ. Но, однажды утромъ она явилась къ столу въ на рѣдкость плохомъ настроеніи:

— Да когда же онъ отстанетъ, этотъ противный старикъ? Онъ мнѣ уже на нервы дѣйствуетъ! Неужели вы не можете его отвадить?
— бросила она гнѣвно въ нашу сторону.

Сидѣвшій со мною рядомъ Жорка, усердно,

но безуспешно ухаживавшій за Наташой и имѣвшій зубъ противъ Петра Семеныча, радостно заерзаль на стулѣ.

— Что же вы раньше не сказали? — закричалъ онъ. — Мы это дѣло въ два счета сладимъ, только, чуръ, вы мнѣ во всемъ повинуетесь.

— Хорошо, — отвѣчала Наташа, — только избавьте меня отъ него.

5.

Въ тотъ же вечеръ, по наущенію Жорки, Наташа пошла „прогуляться вдоль берега“. Слѣдомъ за ней пошелъ, конечно, и Петръ Семенычъ, все время торчавшій въ лагерѣ. Проходя мимо усадьбы, гдѣ жилъ Тоніо, она какъ бы невзначай заглянула въ садъ.

— Cher пapa, — позвала она шопотомъ, — идите скорѣе сюда, смотрите, какіе персики тамъ растутъ.

И, не дожидаясь отвѣта, Наташа забралась въ садъ. Петръ Семенычъ неохотно пошелъ за ней. Онъ зналъ, чѣмъ это пахнетъ, и слова продавщицы-итальянки были у него въ головѣ — „сорвете дикій цвѣточекъ... стрѣлять станутъ“. Но Наташа уже была подъ деревомъ и поспѣшно шептала:

— Заберитесь на дерево и нагните вотъ эту вѣтку. Ну, скорѣе же! — командовала она.

Петръ Семенычъ послушно сталъ карабкаться

на дерево. Съ трудомъ забрался на указанную вѣтку и уже собирался ее нагнуть, какъ въ саду послышались шаги и залаяла собака. Наташа бросилась бѣжать и исчезла за оградой. Пётръ Семенычъ, скатившись съ дерева, калѣча ноги, засѣменилъ за нею. Выбѣжалъ на дорогу, прислушался: погони какъ будто не было. Онъ сталъ искать Наташу, но ея и слѣдъ простишь. Пётръ Семенычъ возвратился домой въ неважномъ настроеніи.

Но самое худшее было впереди. Когда на слѣдующій день онъ пріѣхалъ на пляжъ, вся компанія его встрѣтила съ испуганными, озабоченными лицами. Жорка ему закричалъ:

— Какъ! Вы еще здѣсь? Вы, значитъ, не знаете, что вамъ грозитъ смерть отъ руки корсиканца?

— Вамъ теперь грозитъ вендетта, — вторили Жоркѣ остальные.

Пётръ Семенычъ заморгалъ глазами и немножко поблѣднѣлъ.

— Ну, да, — продолжалъ Жорка. — Вчера вы, вѣдь, „по персики ходили“. Такъ вотъ, хозяинъ сада вѣсъ замѣтилъ, Тоніо этотъ. Сегодня утромъ является въ лагерь, спрашиваетъ, гдѣ „le vieux monsieur?“ Вѣсъ, значитъ. Мы ему говоримъ, что вы въ лагерѣ не живете. „Ахъ, такъ, — говоритъ, а у самого лица такое злое, — ну, вы ему передайте, чтобы онъ мнѣ на глаза не показывался. Увижу, — говоритъ, — застрѣлю, какъ зайца. Самъ знаетъ, за что!“

На Петра Семеныча новость эта произвела больше впечатлѣнія, чѣмъ кто-либо того ожидалъ. На послѣдующіе вопросы онъ отвѣчалъ невпопадъ, нервничалъ, оглядывался поминутно на дорогу—не идетъ ли случайно Тоніо? Наконецъ, не выдержалъ и раньше обычнаго возвратился въ городъ.

6.

Въ тотъ же вечеръ, когда Наташа послѣ ужина спустилась къ себѣ въ палатку, передъ входомъ въ нее въ полутьмѣ она увидѣла Петра Семеныча, сидѣвшаго на травѣ и покорно ее дожидавшагося. Ни слова не говоря, Наташа круто повернулась и побѣжала на верхнюю площадку, гдѣ на парапетѣ сидѣлъ Жорка съ трубкой въ зубахъ.

— Жорка, старецъ опять явился. Я больше не могу, я готова его убить, исколотить...

— Ничего, Наташа, потерпите, — сегодня въ послѣдній разъ онъ крутится возлѣ васъ. Завтра онъ уже не придетъ. Я все устроилъ.

— Что вы придумали? — болѣе спокойнымъ тономъ спросила Наташа.

— Мы сегодня веземъ вашего *cher papa* въ Аяччіо, въ погребокъ, ну, а тамъ... Такъ что черезъ полчаса будьте готовы.

Наташа спустилась снова въ палатку. Петръ Семенычъ сидѣлъ попрежнему на травѣ.

— Какъ, вы не боитесь корсиканской вендетты, *cher papa?*—начала Наташа.—Я на вашемъ мѣстѣ не рѣшилась бы сюда возвратиться. Онъ можетъ снова прийти, этотъ корсиканецъ...

Петръ Семенычъ кашлянулъ въ кулакъ, прочистилъ горло.

— Во время войны... — неуверенно началъ онъ. Но Наташа его перебила:

— Мы сейчасъ ѳдемъ въ городъ пить корсиканское „розэ“, — объявила она.

— Отлично, отлично,—согласился повеселѣвшій Петръ Семенычъ, — это вы отлично придумали.

Черезъ часъ Наташа со своимъ штабомъ уже сидѣла въ одномъ изъ корсиканскихъ кабачковъ-погребковъ, которыхъ такъ много въ Аяччіо, въ старой части города, гдѣ васъ угощаютъ добрымъ розовымъ виномъ и откуда посѣтитель рѣдко выходитъ съ вполнѣ свѣжей головой. Въ узкомъ и длинномъ помѣщеніи, освѣщенному единственной керосиновой лампой, подвѣшенной къ потолку, гости сидѣли за большими и плохо отесанными столами на неудобныхъ скамьяхъ. Было тутъ, кромѣ нашей компаніи, пять или шесть корсиканцевъ въ бархатныхъ костюмахъ. Они сидѣли каждый передъ своей бутылкой, облокотившись на столъ, покуривая трубку и поминутно сплевывая наземь.

Корсиканцы мало между собой разговаривали, лишь изрѣдка перекидывались словами. Ната-

шина же компанія, наоборотъ, шумѣла—всѣ казались очень веселы. Петръ Семенычъ, какъ всегда съ нимъ бывало вначалѣ, былъ оживленъ и не-поддѣльно веселъ. Онъ съ увлеченiemъ рассказывалъ, какъ прошлой ночью „ходилъ по персики“, какъ даже влѣзъ на дерево и какъ ему въ результатѣ была объявлена вендетта. Разсказавъ, онъ первый же громко разсмѣялся и полонъ куражу, поднявъ пустую бутылку, помахалъ ею въ воздухѣ:

— Вотъ, я ему пропишу вендетту, этому „фрюкту“. Будетъ онъ, шельма, знать, какъ честныхъ людей запугивать.

Но, мало по малу, какъ обычно, Петръ Семенычъ сбавлялъ куражу и становился тихимъ.

Вошелъ въ погребъ новый посѣтитель, молодой корсиканецъ въ формѣ желѣзнодорожника. Онъ прошелъ вглубь залы, къ стойкѣ, за которой сидѣлъ хозяинъ, синьоръ Габріэлѣ, и крѣпко пожалъ ему руку. Они были друзьями. Выпивъ нѣсколько рюмокъ корсиканской водки, онъ снялъ со стѣны гитару и, устроившись поудобнѣе на бочкѣ, взялъ нѣсколько аккордовъ и сталъ подпѣвать:

Angeli, lu mio Angelinu,
Di tu vurria una cosa:
Quand' ellu fala l'auto
Tirali una mitragliosa
Ch'un ci lascia un passagieru
E d'angoscia un si riposa.

То была уже слышанная мною однажды печальная пѣсня желѣзнодорожника, жаловавшагося на то, что автомобиль отнимаетъ у него послѣдній кусокъ хлѣба. Кончалась пѣсня словами:

И кабатчикъ, и шоферъ
Объявили намъ вендетту.

При словѣ „вендетта“ Петръ Семенычъ, слушавшій пѣсню и непонимавшій ея смысла, вздрогнулъ и оглянулся по сторонамъ. На его лицѣ изобразился испугъ: теперь, когда отъ его куража не осталось и слѣда, напоминаніе о мести корсиканца ему было не по сердцу.

Ничего подозрительнаго Петръ Семенычъ, однако, не замѣтилъ. Онъ было успокоился и намѣревался снова положить голову на руки, когда шумъ шаговъ заставилъ его вновь насторожиться.

По крутой лѣстницѣ въ погребокъ спускалась компанія новыхъ посѣтителей. И вдругъ Петръ Семенычъ весь затрясся мелкой дрожью: въ одномъ изъ посѣтителей онъ узналъ своего мстителя Тоніо. Съ Тоніо былъ какой-то пожилой, очень полный господинъ, видомъ коммерсантъ, а съ нимъ миніатюрная дама. Тоніо сталъ ихъ усаживать, въ обращеніи постоянно употребляя „Zio“ (Zio — по итальянски — дядя). Лишь когда хозяинъ поставилъ передъ ними раскупоренную бутылку розэ и Zio со своей спутницей о чёмъ-то весело заговорили, Тоніо взглянулъ въ нашу сто-

рону, указалъ Жоркѣ глазами на своихъ спутниковъ и подошелъ къ нашему столу. Привѣтствуя Наташу, онъ машинально протягивалъ всѣмъ для пожатія руку, пока не замѣтилъ, что протянутая рука его осталась висѣть въ воздухѣ. Гнѣвно онъ глянулъ въ ту сторону и увидѣлъ, что передъ нимъ сидитъ Петръ Семенычъ. Минуту назадъ еще веселый, Тоніо совершенно преобразился. Глаза его заметали искры, лицо подернулось судорогой. Съ неимовѣрной быстротой, словно кошка, Тоніо отскочилъ отъ стола; въ рукѣ его блеснуло лезвіе ножа. Ножъ пролетѣлъ надъ головой Петра Семеныча и, стукнувшись о каменную плиту, съ лязгомъ упалъ на землю.

Со всѣхъ сторонъ поднялись крики, послышался шумъ падающихъ скамей. Жорка бросился къ Тоніо, началась возня. Кто-то разбилъ единственную лампу, и все погрузилось во мракъ. Истеричный голосъ спутницы Zio разрѣзalъ пространство, поднялась еще большая суматоха.

Озѣпѣнѣвшаго отъ страха Петра Семеныча кто-то схватилъ за плечо, потащилъ къ выходу, выволокъ на улицу. При свѣтѣ газового рожка онъ узналъ синьора Габріэлѣ, который шепталъ:

— Andatevi presto, andatevi presto, — и толкалъ его прочь.

Не отвѣчая, обливаясь холоднымъ потомъ, Петръ Семенычъ спотыкаясь застѣменилъ безъ оглядки темнымъ переулкомъ въ свой отель.

На другое утро Жорка не вышелъ къ утреннему кофе. Наташѣ, увезенной нами, какъ только началась потасовка, пришлось сообщить, что Жорка былъ сильно помятъ въ дракѣ разъяреннымъ Тоніо и что теперь онъ лежитъ въ постели съ примочками. Прибѣжавшей, перепуганной Наташѣ Жорка говорилъ страдальческимъ голосомъ:

— Видитъ Богъ, Наташа, я невиновенъ. Мы съ Тоніо все по хорошему хотѣли. Тоніо-то вѣдь простиль старцу эти персики. А мы порѣшили свести старика съ дядей Тоніо, толстякомъ тѣмъ. Онъ большой коммерсантъ, въ Бастіи магазины имѣетъ. Вотъ и увезъ бы туда непремѣнно старца дѣла дѣлать . . . — Жорка помолчалъ.

— И чего старикъ побоялся руку Тоніо протянуть! — съ сожалѣніемъ въ голосѣ воскликнулъ Жорка. — Корсиканецъ рѣшилъ, что тотъ его игнорируетъ, знать не желаетъ, вотъ и разсвирѣпѣлъ . . .

— Молчите, Жорка, я виновата во всемъ, — вдругъ строго оборвала его Наташа.

— — —

Черезъ три дня, вся наша компанія пріѣхала въ Аяччіо провожать Петра Семеныча. Два дня мы его не видали, а наканунѣ отхода парохода

на континентъ, онъ вечеромъ пробрался въ лагерь, чтобы сообщить намъ объ отъездѣ и попрощаться со всѣми. Наташа, во искупленіе своей вины, пожелала непремѣнно проводить своего *cher papa*.

На пристани, когда пароходный гудокъ возвѣстилъ о скоромъ отплытии и Петръ Семенычъ, растроганный нашимъ вниманіемъ, крѣпко пожималъ всѣмъ руки, Наташа подошла къ нему и, сунувъ ему въ руку маленький пакетикъ, тихо сказала:

— *Cher papa*, возьмите это. Пусть это вамъ будетъ воспоминаніемъ о плохой дѣвчонкѣ Наташкѣ и о ея дурномъ поступкѣ.

— Спасибо, милая! — прослезился непонимающей Петръ Семенычъ и расцѣловалъ Наташу.

Мы видѣли, какъ, стоя на палубѣ, у фонаря, Петръ Семенычъ осторожно развернулъ пакетикъ съ Наташинымъ презентомъ. Въ бумажкѣ находился небольшой корсиканскій ножичекъ съ костяной рукояткой. На лезвіи были выгравированы слова:

„*Vendetta corsa*“.

Петръ Семенычъ долго, задумчиво, глядѣлъ въ морскую даль. Смысла этихъ словъ онъ, вѣроятно, такъ никогда и не понялъ.

Вокругъ Острова Красоты.

I.

— Павель Федоровичъ, когда же мы, наконецъ, поѣдемъ вокругъ Корсики?

Ростики, самый маленький на видъ, а между тѣмъ, самый старшій изъ „молодыхъ“, ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, то разводя руками, то пряча ихъ въ карманчики своихъ трусиковъ, уговариваетъ Павла Федоровича поскорѣе отправляться въ первую большую экскурсію. Ростику не терпится, а главное, онъ боится, что не успѣетъ побывать съ нами въ предполагающемся послѣ этой экскурсіи большомъ походѣ вглубь страны, въ горы: Ростику нужно возвращаться въ Парижъ въ концѣ этого мѣсяца. Остальные торопятся меньше. Имъ хочется какъ слѣдуетъ отдохнуть передъ тѣмъ, какъ пускаться въ первое долгое путешествіе съ неизвѣстными ночлегами, съ пищей въ сухомятку. Къ тому же, отъ жары всѣ немного размякли и разлѣнились.

Однако, не напрасно же привезли мы сюда изъ Парижа „табунъ“ нашихъ старыхъ стальныхъ коней!

— Завтра, въ пять часовъ утра, отправляемся, — объявилъ Павель Федоровичъ, и, какъ полагается, въ послѣднюю минуту мы принимаемся за приведеніе въ порядокъ нашихъ велосипедовъ. Тѣ, у кого нѣтъ собственныхъ, бѣгутъ, чтобы взять ихъ напрокатъ.

7 августа. Несмотря на рань, помолившись въ путь-дорогу, мы шумной стаей направились, напившись кофе въ портовомъ ресторанчикѣ, въ магазинъ велосипедныхъ дѣлъ мастера. На наши старыя машины онъ посмотрѣлъ очень критически, когда мы сказали ему, что собираемся катить до Бонифачіо, а на вопросъ: выдержать ли онѣ?—ничего не отвѣтилъ и лишь усердно, со своимъ помощникомъ, смазалъ ихъ и подвинтилъ, гдѣ слѣдовало. Затѣмъ пожелалъ намъ доброго пути — и мы длинной вереницей, въ строго указанномъ старшими порядкѣ, отправились . . .

Благодаря жаркому климату, когда днемъ только и думаешь о томъ, какъ бы влѣзть въ воду, или скрыться въ тѣни и прохладѣ — мы рѣшили путешествовать лишь рано по утрамъ и съ наступлениемъ вечера; дневной же промежутокъ предполагалось проводить гдѣ-нибудь въ рощѣ, или на берегу моря — въ отдыkhѣ и снѣ.

Но теперь, когда мы выѣхали изъ Аяччіо, было уже одиннадцать часовъ утра, а вѣдь нужно же было хоть сколько-нибудь отѣхать. Мы съ усердіемъ нажали на педали.

Быстро несутся навстрѣчу первые километровые столбы — много куражу, много силы въ ногахъ: кажется, вѣчность быѣхалъ такъ и не усталъ бы нисколько. Но это — самообманъ:

незамѣтно для самихъ себя смахиваемъ капли пота, появляющіяся на лбу, и темпъ Ѣзды понемногу замедляется. А затѣмъ начинается подъемъ: девять километровъ въ гору до первой деревушки, гдѣ можно достать пищу и, кажущуюся намъ теперь высшимъ благомъ, воду.

Первый оазисъ называется Кауро. Мы поднялись всего лишь на 350 метровъ отъ уровня моря, а тутъ уже вѣтъ дикостью горъ и ихъ обитателей. Впрочемъ, жители хоть и примитивны, но жульническія замашки сюда, видимо, занесены съ давнихъ поръ и хорошо привились. Мы идемъ покупать овощи—насъ обманываютъ; покупаемъ сыръ—намъ недодаютъ сдачи. Здѣсь, какъ и всюду на Корсикѣ, нужно зорко слѣдить, безпрестанно пересчитывать. Устраиваемся въ тѣни деревьевъ, на пригоркѣ, и съ аппетитомъ поѣдаемъ корсиканскій сыръ, хлѣбъ да помидоры, и все запиваемъ виномъ. Хорошее тутъ вино, но ко сну оно располагаетъ, и, позавтракавъ, мы охотно дремлемъ.

— — —

Солнце еще высоко, Ѣхать жарко, а отдохнули вдоволь. Правда, Владимиръ, изъ старшихъ, еще спить (даже присвистываетъ), Юрій же, захвативъ блокъ-нотъ, отправился зарисовывать горный пейзажъ, а остальные „дуются“ въ карты: кто сегодня останется „дурачкомъ“? Изъ рощи несутся смѣхъ и громкіе возгласы, незнакомые суро-вымъ лѣнивымъ корсиканцамъ.

III.

День конченъ. Мы тѣсной группой прогуливаемся вдоль темной дороги, обсаженной двумя рядами толстѣйшихъ деревьевъ, и обмѣниваемся замѣчаніями, впечатлѣніями первого дня.

— „А я поднимаюсь и вдругъ вижу, — на дорогѣ передо мной стоитъ черная свинья. Еле отогналъ ее... тоже еще...“ — говоритъ одинъ изъ младшихъ, Коля, замахиваясь локтемъ и склоняя голову на бокъ, точно снова видить передъ собою, навѣрное, напугавшее его страшное животное. Онъ разсказываетъ дальше, какъ поднимался на Col San Giorgio. Этотъ перевалъ еще у всѣхъ въ памяти. Самый тяжелый во всемъ нашемъ путешествіи, онъ былъ какъ бы крещеніемъ въ этотъ первый день нашей поѣздки. Шутка ли сказать; подняться на 750 метровъ высоты безъ всякой тренировки!

Поразмывъ ноги прогулкою пѣшкомъ, мы оглядываемся по сторонамъ — не ѳдетъ ли кто? А затѣмъ, поочередно перелазимъ черезъ живую ограду въ чье-то пастбище. Тамъ, въ кустахъ, уже спрятаны наши велосипеды, а на ровномъ мѣстѣ постланы постели: просмоленная бумага и простыни. Тутъ, подъ открытымъ небомъ или, какъ выражаются французы: „a la belle étoile“, мы рѣшили сегодня заночевать... Издали доносится шумъ телѣги. Мы замолкаемъ нагнувшись, притаиваемся въ кустахъ. Кто знаетъ корсикан-

скую душу: явится хозяинъ, пожалуй, выгонить непрошеныхъ гостей, а то и солью изъ ружья огрѣеть — весело будетъ! Но двуколка катится мимо, и мы свободно вздыхаемъ: „пронесло!“

IV.

8 августа. Я просыпаюсь и съ удивленіемъ оглядываюсь по сторонамъ: меня окружаетъ кромъшная тьма. Лишь откуда-то снизу пробивается слабый свѣтъ. Въ недоумѣніи вскакиваю на ноги, чувствуя, что подъ ногами у меня сѣно, и только тогда вспоминаю — Павель Федоровичъ, изъ боязни, что мы замерзнемъ подъ утро (было дѣйствительно холодно), пошелъ на рискъ и перевель на сонныхъ въ сарайчикъ, набитый сѣномъ: „Ужъ если пропадать отъ корсиканской руки, такъ хоть было бы за что!“ Тепло и уютно спать на душистомъ сѣнѣ... Я снова ложусь, но уже ненадолго: Павель Федоровичъ зоветъ къ велосипедамъ.

И опять мы въ пути. Подъемъ и спускъ, подъемъ и спускъ — это будетъ безконечнымъ припѣвомъ во время всего нашего путешествія!

Вотъ поднялись высоко, къ горному гнѣзду — Петрето. Это — деревушка, гдѣ началась страшная карьера бандита Бартоли: тутъ у маленькаго бистро, на глазахъ многихъ жителей, онъ убилъ двухъ своихъ враговъ и, никѣмъ не задержанный, спокойно удалился въ маки. Мы видимъ мѣсто

драмы. Утоливъ жажду изъ бьющаго здѣсь горнаго ключа, мы начинаемъ спускъ. А потомъ снова забираемся въ высъ, въ горную деревушку Ольмето, прославленную дѣйствiемъ повѣсти Пропспера Меримэ— „Коломба“ (месть дочери за убитаго отца), и черезъ нее, мимо жителей, высыпавшихъ на улицу посмотрѣть на диковинныхъ *coureurs*’овъ, стрѣлой мчимся внизъ къ морю.

Далеко внизу—кажущаяся намъ отсюда совсѣмъ маленькой бухта, а въ глубинѣ ея — городишко. Картина на диво прекрасная, но сейчасъ намъ не до красоты: дорога извилистая, спускъ крутой. Только и смотри въ оба, не сорвались бы тормоза, да не налетѣть бы на другого, или не кувыркнуться бы подъ откосъ. Страхъ!

Выѣзжаемъ къ берегу моря. Пляжъ. Широченный и длиннющій, совершенно пустынный, съ крупнымъ пескомъ. Кромѣ насъ, на немъ ни души. Меня почему-то беретъ сомнѣніе — здоровое ли мѣсто? (Мы слыхали о какихъ-то нездоровыхъ районахъ). Хорошо было бы спросить, не опасно ли тутъ купаться? Да у кого спросишь! Безъ охоты иду за остальными къ морю. Минуту сижу въ водѣ и торопливо вылажу обратно. Вода тоже не внушаетъ довѣрія: какіе-то жирные круги расходятся отъ насъ. Нездоровья соли? Одинъ изъ насъ смеется: „загаръ“ нашъ сходитъ. Я не очень увѣренъ.

Въ двухъ километрахъ, видѣнныи сверху городокъ, Пропріано. Если вѣрить Бедекеру, это

самый большой корсиканскій портъ для экспорта! Ухмыляемся: въ гавани одинъ-одинешенекъ итальянскій пароходишко и два баркаса. Интенсивна торговля, нечего сказать! Впрочемъ, какое намъ дѣло?! Найти бы мѣсто, гдѣ напиться горячаго кофе съ молокомъ, поѣсть хлѣба съ масломъ... вѣдь, мы съ утра еще ничего не ъели! „Молока“? Въ отвѣтъ намъ смыются: „Вы здѣсь молока не найдете. Молока изъ-за жары не держатъ; возьмите концентрированнаго...“ Дѣлать нечего, покупаемъ коробку Нестлэ, котораго не пили, кажется, со временъ знаменитой „АРА“.

V.

Поѣвъ, рѣшаемъ, вмѣсто того, чтобы пережидать въ городѣ, пока спадетъ зной, выѣхать отсюда и поискать тѣни близъ садовъ-виноградниковъ. Я съ нѣкоторыми остаюсь чинить велосипеды, другіе катятъ впередъ. Черезъ часъ нако димъ ихъ подъ деревомъ, на лужайкѣ близъ дороги, въ обществѣ какого-то молодого корсиканца. Видъ его внушаетъ мало довѣрія: рваные брюки, кое-гдѣ заплатанные, подвязаны бичевкой; на босу ногу надѣты развалившіеся башмаки; на немъ сѣрый отъ пыли и когда-то бывшій, вѣроятно, чернымъ пиджакъ, рукавомъ котораго онъ ежеминутно утираетъ носъ. Развалился и „шикарно“ покуриваетъ. Разговоръ сначала ведется дѣловой — наши „молодцы“ разспрашиваютъ о

дорогъ въ Бонифачіо. Корсиканецъ подробно объясняетъ:

— Сначала асфальтъ, затѣмъ отъ Сартенъ песокъ. — И тутъ же добавляетъ:

— Корсику я знаю, какъ свой карманъ (хлопаетъ ладонью по карману). Вы вокругъ Корсики Ѳдете? Что-жъ, поѣзжайте. Я бы на вашемъ мѣстѣ не поѣхалъ. Сидѣли бы во Франціи...

Минуту спустя, снова:

— Я тамъ тоже скоро буду. Не въ Парижѣ, а въ Бордо. Сдалъ только что конкурсный экзаменъ на „*commis des douanes*“.

Я съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрю на него. По его виду я рѣшилъ, что онъ долженъ быть безграмотнымъ.

— А этотъ малый тоже съ вами „туръ“ совершаетъ? — вдругъ перескакиваетъ на другой предметъ корсиканецъ, и полунѣжно смотритъ на Ростика.

Ростикъ немного обиженъ, а Павель Федоровичъ спѣшитъ объяснить, что „малый“ въ слѣдующемъ году уже будетъ сдавать первое башо.

— Башо? Знаю. Я тоже когда-то учился, правда, не до башо. Но башо знаю, какъ же!

И онъ похлопываетъ Ростика по плечу:

— Какъ тебя звать?

— О, вы все равно не сможете выговорить моего имени, — увѣренно отвѣчаетъ Ростикъ.

— Ну, а какъ?

— Ростиславъ, — рапортуетъ Ростикъ.

— Rostislav, — totchastъ же безъ запинки повторяетъ корсиканецъ.

Теперь Ростикъ полонъ довѣрія къ новому знакомому.

— А чѣмъ вы занимаетесь? — спрашиваетъ онъ.

— Мы работаемъ для себя... виноградники... — неопределенно отвѣчаетъ корсиканецъ, а черезъ минуту продолжаетъ:

— Я у дяди на виноградникахъ сейчасъ работаю. Тамъ, — указываетъ рукой въ направлѣніи города, — около Пропріано, въ сторонѣ отъ дороги.

— Скажите, а бандиты на Корсикѣ еще есть?

— неожиданно для всѣхъ спрашиваетъ Ростикъ.

— Бандиты? — корсиканецъ усмѣхается, — *allez, vous pouvez marcher*, дороги безопасны, *oui, vous pouvez marcher*. Раньше, нѣсколько лѣтъ назадъ, — да, бандиты были, и иногда и туристамъ приходилось плохо. А теперь...

— Но, какъ же такъ? — возмущенно прерываетъ Ростикъ, — вѣдь, это же были бандиты чести, *les bandits d'honneur*, какъ же вы говорите, что туристамъ было отъ нихъ плохо?

— Eh, oui, нападали на туристовъ... да не только на туристовъ! Какіе это были бандиты чести? Это были просто бандиты, разбойники, — усмѣхается нашъ собесѣдникъ.

— Ну, а Спада! Онъ же былъ *bandit d'honneur*? — вступаетъ въ разговоръ Володя, который

передъ самымъ отъездомъ купилъ книгу „Мемуары Спады“ и не успѣлъ ее еще прочесть.

— Нѣтъ, Спада былъ большой разбойникъ и больше ничего. Онъ теперь обезглавленъ. Чикъ! — корсиканецъ съ удовлетвореніемъ проводить по шеѣ рукой.

— А онъ былъ популяренъ, этотъ Спада? — снова спрашиваетъ Володя.

— Спада? Нѣтъ! Спада былъ даже и не чистокровный корсиканецъ. Онъ былъ родомъ изъ Сардиніи. Отецъ его былъ сардъ. А были другіе, болѣе популярные: Романетти, Бартоли... популярные въ своей средѣ и по своему...

— За что же ихъ любили?

— Любили? — съ удивленіемъ переспрашиваетъ корсиканецъ. — Не любили, а боялись. У каждого бандита была своя шайка... угрозой брали. Узнаютъ, у кого деньги есть, пошлютъ своего человѣка: давай столько-то, а не то съ нами имѣть дѣло будешь! Даютъ... Знаютъ, что иначе ножъ въ спину, или пулю въ лобъ. Впрочемъ, давали не всѣ. Съ Бартоли у насъ лично много семейныхъ воспоминаній связано...

Корсиканецъ сѣль, обхватилъ руками колѣни и сталъ рассказывать:

— Насъ зовутъ Моцзаконачіо. Можетъ быть, путешествуя по Корсикѣ, еще услышите эту фамилію. Мой отецъ когда-то съ Бартоли дружилъ, съ дѣтства знакомы были... А потомъ не поладили. Долго не видѣлись, но Бартоли

зналь, что мой отецъ не одобряетъ его разбойничества и не скрываетъ этого отъ другихъ. Бартоли рѣшилъ отомстить ему. Зналъ, что у отца есть деньги (у нась виноградники большіе), и шлетъ ему записку, чтобы прислалъ ни больше, ни меныше, какъ 14000 франковъ. Отецъ, конечно, денегъ не далъ, а съ тѣмъ же человѣкомъ отвѣтилъ: „Дорогой Бартоли, денегъ, которыя ты просишь, я не дамъ тебѣ, потому что заработалъ ихъ честно. Если же хочешь со мной побесѣдовать, то приходи туда-то, гдѣ я буду тебя ждать“. Бартоли, понятно, не явился, а только черезъ нѣсколько дней напалъ на проѣзжавшаго вблизи по дорогѣ моего дядю и пристрѣлилъ его. Кресть у дороги, вы мимо будете проѣзжать, увидите на немъ букву М: Моцзаконачіо!

— Мы уже тогда поняли, что это значитъ. Мой отецъ говорить намъ (нась четверо братьевъ было): „Берите ружья и приготовьтесь“. А самъ работнику приказалъ быть въ полѣ, насторожѣ, чтобы во время предупредилъ, когда явится шайка Бартоли. На слѣдующій день, когда мы съ отцомъ работали на огородѣ, отецъ сказалъ: „Идутъ! — человѣкъ пятеро ихъ будетъ. Ты самый младшій, иди въ домъ, а мнѣ прикажи немедленно ружье принести“. Пошелъ я, а съ боку изъ-за кустовъ въ меня какъ принялись стрѣлять—двѣ пули попало: въ ногу одна, а другая повыше локтя...

Корсиканецъ не спѣша завертываетъ шта-

нину и показываетъ оставившую громадный шрамъ рану. Потомъ такъ же спокойно и безразлично показываетъ прострѣль въ рукѣ. Затѣмъ продолжаетъ:

— Я упалъ, а братья услышали выстрѣлы, выскочили съ ружьями и тутъ же двухъ бандитовъ убили. Третій былъ подстрѣленъ отцомъ, но смогъ убѣжать: его потомъ раненаго нашли вдалекъ... А Бартоли и еще одинъ скрылись...

— Что же, такъ и не поймали?

— Ловили. Братья на дорогахъ засады устраивали. Я не участвовалъ, раненъ былъ; да имъ не пришлось убить его...

— Почему?

— Его убилъ другой врагъ, Сантони... А если бы не Сантони, въ тотъ же вечеръ мои братья убили бы его... немного повыше, тамъ—въ горахъ. А его Сантони прикончилъ тутъ, на дорогѣ. Будете тоже проѣзжать, — крестъ у дороги, съ буквой Б: это и есть могила Бартоли.

— Ну, а какъ власти реагировали на это?

— Что же! Насъ всѣхъ судили, во Франціи. Оправдали.

Корсиканецъ снова усмѣхнулся:

— Бандиты чести!? Это мы — бандиты чести; мой отецъ бандитъ чести, а не Спада, не Бартоли!..

Подъемы и спуски... Нѣтъ, подъемы безъ спусковъ; одинъ безконечный подъемъ, вплоть до горнаго гнѣзда, которое видно снизу издалека и до котораго такъ трудно добраться—вплоть до Сартенъ.

Сартенъ, старинный городокъ, какъ мы узнали потомъ, до послѣдняго времени служилъ убѣжищемъ и мѣстомъ сборищъ корсиканскихъ бандитовъ. Сюда они приходили прямо изъ маки, отдыхали, а подъ утро, темными еще проулками, съ мѣшками, полными провизіей, уходили обратно. И, право, трудно найти мѣсто, гдѣ бандитъ чувствовалъ бы себя въ большей безопасности. Тутъ домикъ къ домику жмутся на скалахъ, иные просто насажены на острѣе ихъ, и погребъ такого дома находится на уровнѣ крыши другого. Улицы? Ихъ здѣсь почти нѣтъ, развѣ найдете проулочекъ, а то все больше лѣстницы, лѣстницы... О какой охотѣ на бандитовъ было здѣсь думать?.. Совсѣмъ недавно, районъ Сартенъ служилъ убѣжищемъ одному изъ послѣднихъ бандитовъ чести—старику Симону Эттори, съ 1907 года державшему маки.

Мы стоимъ у водокачки, освѣжаемся, подходятъ жандармы. Пытливо разглядываютъ:

- Совершаете прогулку?
- Да, вокругъ Корсики...
- Vous avez du courage... Etrangers?

— Мы — русскіе эмигранты!

— Ah, oui!.. C'est peut etre pour ça...

Улыбаются, уходятъ.

За Сартенъ—дикая земля. Камни, малые и большіе, отвалившіеся отъ скаль; изрѣдка межъ ними пробивается кустарникъ, и на протяженіи многихъ километровъ—ни единаго селенія. Иной разъ попадается намъ ферма, или хижина, но двери, окна заколочены—никакихъ признаковъ жизни. Результаты неурожая или посѣщенія бандитовъ... Корсиканская пустыня! А тутъ еще— самое большое зло для путешественника, въ частности для велосипедиста—плохая дорога... Кончилось наше счастье, асфальтовое шоссе, и пошли мы колесить по песку и булыжникамъ, въ горку, подъ горку, тормозя, заворачивая, педаля и снова тормозя... Право, съ этими стальными конями мы похожи на старенькую шхуну, попавшую въ штормъ, и всѣ части нашихъ машинъ скрипятъ, воютъ и плачутъ, словно снасти утлаго суденышка!..

Проклинаемъ, воистину проклинаемъ мы и дороги, и старые велосипеды, и самихъ себя, пустившихся на подобную „авантюру“; а когда темнѣеть и уже не видно каменьевъ, усѣявшихъ дорогу, межъ которыми приходится лавировать наугадъ, отъ злости мы лишь сжимаемъ зубы— въ тайной, впрочемъ, надеждѣ, что эдакъ имъ и выскочить риска меныше... .

— Когда же конецъ испытаніямъ?

Но, вотъ, у дороги домишко; у открытыхъ оконъ появились тѣни. О, счастье! Роккапина—постоялый дворъ. Дальше не ѳдемъ, будемъ здѣсь ночевать! Быстрые сговоры. И вскорѣ за бутылкой доброго вина, при видѣ горячаго омлета, покрытаго толстѣйшимъ кускомъ сала—забываютъ всѣ несчастья, всѣ дорожныя невзгоды, и веселое настроеніе вновь возвращается къ намъ. Таковъ человѣкъ!

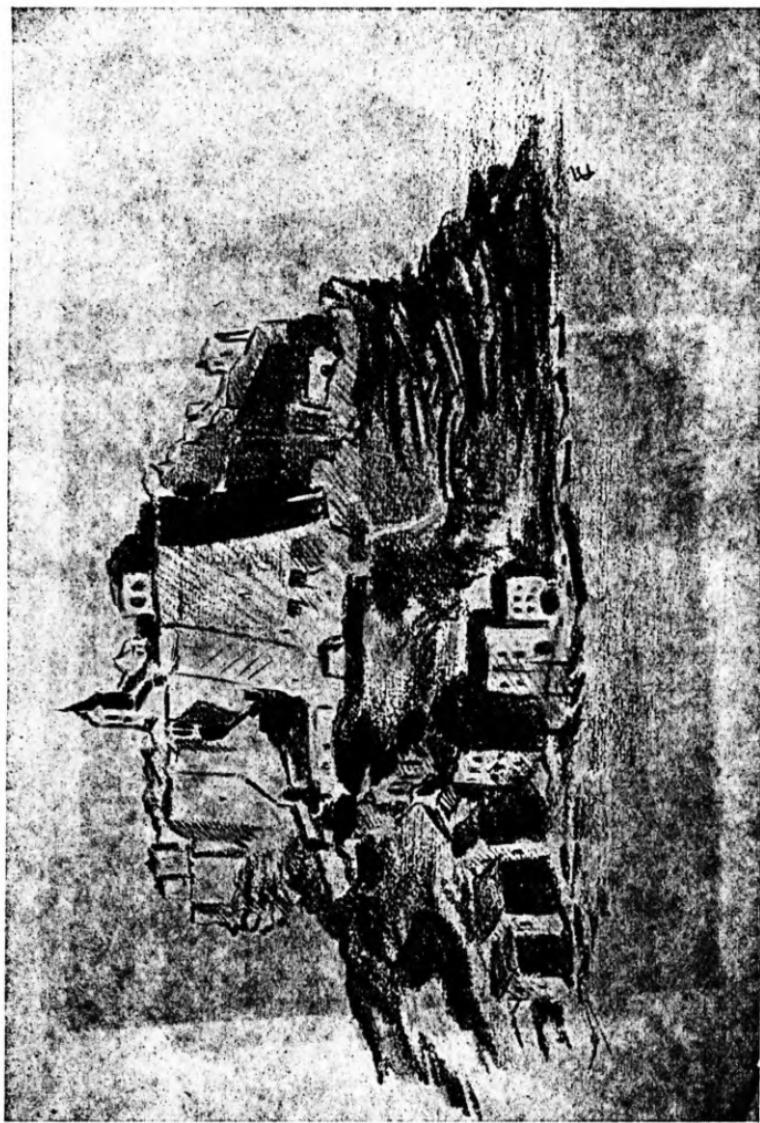
VII.

9 августа. Известковыя скалы, рѣдкіе выжженныя солнцемъ маки, и на пригоркахъ военные укрѣпленія — вотъ окрестности самаго южнаго на Корсикѣ городка — Бонифачіо. Городокъ расположенъ прямо противъ береговъ Сардиніи, въ одиннадцати километрахъ; поэтому и въ пушкахъ имѣется потребность; дула ихъ грозно глядятъ изъ укрѣпленій; поэтому и солдатъ тутъ такъ много — все время намъ встрѣчаются большие отряды да обозы.

Маленький портъ расположенъ внутри узенькой, но длинной бухты и состоять изъ одной всего улицы — набережной. Это — „нижній городъ“. А дальше, на гранитныхъ скалахъ, прямо надъ моремъ, висятъ высокія башни и стѣны съ бойницами; за ними скрывается старый, точнѣе — стариннѣйший на Корсикѣ, городокъ.

Хочется скорѣй заглянуть въ этотъ древній

Бонифачо.

городъ, но нась уже зацѣпилъ корсиканецъ-лодочникъ, сманиваетъ осмотрѣть знаменитые гроты.

— Всѣ туристы первымъ дѣломъ осматриваютъ гроты. Вы сами увидите, вѣщь замѣчательная. Какія краски, какіе контрасты, оттѣнки!..

Черезъ десять минутъ мы уже єдемъ на большомъ моторномъ баркасѣ къ гротамъ. Выѣзжаемъ изъ бухты и направляемся въ скрытый межъ утесовъ проходъ, попадаемъ въ такъ называемый гротъ — Сдрагоната. Въ этомъ гротѣ съ дномъ, точно восточный коверъ, дѣйствительно, мы находимъ всѣ обѣщанныя колоритныя красоты, но помимо нихъ, еще одну оригиналную достопримѣчательность.

Когда баркасъ останавливается въ серединѣ грота, нашъ гидъ предлагаетъ намъ поднять головы и посмотретьъ наверхъ. Мы повинуемся и съ удивленіемъ замѣчаемъ, что „потолокъ“ грота имѣетъ окно на свѣтъ Божій и что у этого окна поразительно знакомая намъ форма...

— Карта Корсики,—поясняетъ гидъ,—совершенно естественно сформировавшіяся изъянья въ скалѣ...

Но мы и безъ его объясненій узнаемъ „карту“: тутъ можно найти почти въ точности всѣ очертанія острова. И лишь сомнѣваемся немножко въ ея естественности: слишкомъ ужъ похоже!..

Позавтракавъ, гурьбой отправляемся въ „верхній“ городъ. Тяжело подниматься по безкочечной лѣстницѣ: здѣсь, на самомъ югѣ острова,

особенно знайно; солнце совсѣмъ несносно... И, какъ нарочно, никакой тѣни!

Входимъ внутрь крѣпостной стѣны, а затѣмъ по висячemu мосту проникаемъ и въ самый городъ. Узкія улочки, гдѣ два человѣка съ трудомъ разойдутся, а съ обѣихъ сторонъ — высокіе, грязные дома съ облѣзшею краской (если они вообще когда-либо были крашены), насквозь пропитанные сыростью, такъ какъ сюда не проникаютъ косые лучи солнца. А глянешь внутрь, увидишь внизу сарай. На верхніе этажи ведетъ такая крутая лѣстница, что только удивляешься, какъ жители умудряются по ней подниматься и, тѣмъ болѣе, спускаться.

— Зачѣмъ вездѣ внизу сараи? — удивленно спрашиваемъ мы и получаемъ въ отвѣтъ:

— Бонифачіо съ окрестностями — „страна ословъ“ (*le pays des bourricots*). Здѣсь до послѣдняго времени не было иного способа передвиженія, какъ на ослахъ. И почти у каждого жителя города былъ осель; ихъ держали въ сарайахъ, въ нижнемъ этажѣ. Представьте себѣ, какой это бывалъ концертъ, когда начиналъ голосить одинъ какой-нибудь осель и ему вторили всѣ другіе... Впрочемъ, такіе концерты бываютъ еще и теперь. Оставаться ночевать въ Бонифачіо путешественникамъ не рекомендуется: не заснете!

Мы слоняемся по кривымъ улочкамъ города... Достопримѣчательности? Эти улочки и есть слава города. Впрочемъ, есть и кое-что другое...

Можно видѣть домъ, гдѣ, возвращаясь изъ Испаніи, останавливался король Карлъ Пятый. Домъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ домовъ, и мы проходимъ мимо.

Входимъ въ казарменный дворъ, съ намѣреніемъ заглянуть въ старинную церковь.

— Церковь закрыта, сторожъ ушелъ обѣдать, вернется часамъ къ шести...

Къ намъ подошелъ молодой офицеръ-французъ, видно, отбывающій въ здѣшнемъ гарнизонѣ службу и очень скучающій. Онъ радъ видѣть всякое свѣжее лицо и потому съ удовольствіемъ, хотя и съ тоскливымъ выраженіемъ на лицѣ (вы, моль, свободны вернуться туда, а я сиди здѣсь!)-объясняетъ намъ:

— Да, церковь закрыта. Но, если вы желаете посмотреть на лѣстницу, выбитую въ скалѣ, я васъ охотно проведу къ ней...

Мы подходимъ къ самому краю отвесной скалы и видимъ узкую крутую лѣстницу, ведущую глубоко внизъ, къ самой водѣ. Нашъ спутникъ предлагаетъ намъ спуститься на нѣсколько ступеней. Мы спускаемся. Оступись... и сорвешься прямо въ воду. Несмотря на веревку, протянутую въ видѣ перилъ, у меня кружится голова. Мы съ опаской пятимся наверхъ.

— Лѣстница эта имѣеть свою исторію, — говорить, между тѣмъ, офицеръ. — Если вѣрить легендѣ, король Альфонсъ Арагонскій, когда оса-

ждалъ съ моря городъ въ 1420 году, рѣшилъ въ теченіи одной ночи пробить лѣстницу въ скалѣ и ворваться въ городъ. Ему, говорятъ, оставалось додѣлать десятокъ ступеней, когда жители замѣтили рабочихъ и не допустили ихъ окончить работу. Теперь тутъ двѣсти семнадцать ступеней.

Мы недовѣрчиво глядимъ—развѣ можно сдѣлать такую работу безшумно, да еще въ одну ночь? Но и самъ разсказчикъ замѣчаетъ, что это лишь легенда.

На обратномъ пути, поймавъ лишній разъ на лицѣ офицера унылое выраженіе, спрашиваемъ:

— Вы отбываете здѣсь срокъ службы? Вѣрно, скучаете?

— И не говорите! — машетъ онъ рукой. — Еще пять мѣсяцевъ до перевода торчать здѣсь...

А когда прощаемся съ нимъ и благодаримъ, у него вырывается:

— Привѣтъ милой Франціи отъ меня!..

И онъ уже краснѣетъ за свою слабость.

VIII.

10 августа. Теперь нашъ путь лежитъ прямо на сѣверъ. Уже остался позади куръезный городокъ Порто-Веккіо съ его красивымъ заливомъ; мыѣдемъ вдоль берега, менѣе скалистаго и съ болѣе живой зеленью. Краски яркія, море лазурное.

Подъѣзжаемъ къ Солензара. Это—село, съ эквалиптовыми рощами вокругъ, наше послѣднее пристанище передъ тѣмъ, какъ отправиться въ „долину смерти“. Мы посмѣиваемся, но въ душѣ не вполнѣ увѣрены, что это намъ сойдетъ съ рукъ даромъ. За Солензара, на протяженіи болѣе полусотни километровъ намъ придется пересѣкать завѣдомо малярійныя мѣста—„и ужъ во всякомъ случаѣ мало полезныя для здоровья“, какъ говорятъ жители.

Въ селѣ мы подробно разспрашиваемъ о возможности схватить малярію и о ея проявленіяхъ. Павель Федоровичъ серьезно слушаетъ и замѣтно беспокоится—„а что, если кто заболѣетъ?“ — но старается не показывать намъ вида. Пока мы сидимъ въ кафе и выжидаемъ, чтобы спала жара, подходятъ двое рабочихъ и заговариваютъ съ нами.

Сначала мы смотримъ на нихъ подозрительно, но затѣмъ выясняется, что одинъ изъ нихъ сербъ и ему просто пріятно поговорить со „словенами“. По-русски онъ, конечно, не говоритъ, хотя и понимаетъ все, что мы ему говоримъ. Отвѣчаетъ онъ на какомъ-то нарѣчіи, куда примѣшиваются слова и цѣлья фразы всѣхъ европейскихъ языковъ—недаромъ, по его словамъ, судьба занесла его чуть ли не во всѣ страны. Его спутникъ и закадычный другъ—итальянецъ, и на языки не столь способенъ. Съ нимъ сербъ говоритъ по-итальянски, хотя тотъ себя за итальянца не считаетъ:

— Sono carne umana, — повторяетъ онъ, — я человѣческая плоть и иныхъ дѣлений не знаю. Для меня всѣ: сербы, итальянцы, французы, всѣ суть — carne umana!

Сербъ посмѣивается и шутя предлагаетъ выпить за Муссолини.

— Viva il duce! — возглашаетъ онъ.

Итальянецъ краснѣетъ, выкатываетъ глаза изъ орбитъ и, хлопая себя кулакомъ по груди, перебивается:

— Evvivo io! Да здравствую я! Сначала я, а дуче потомъ!..

Оба пьютъ, потомъ сербъ хлопаетъ покровительно итальянца по плечу:

— Хорошій товарищъ! — говоритъ онъ намъ, и снова опрокидываетъ рюмку.

Хочеть заставить пить и всю нашу ватагу, старшихъ и малыхъ, пиво и корсиканскую водку. Отказываемся. Сербъ почитаетъ это за кровную обиду. Какъ же — земляки, а за его здоровье не хотятъ выпить?.. Наконецъ, идемъ на компромись: сербъ заказываетъ для всѣхъ насы черный кофе.

— Это поддержитъ ваши силы въ дорогѣ, — уверяетъ онъ насы.

Пока мы отхлебываемъ душистый кофе, сербъ наполняетъ свою и товарища рюмки, поднимаетъ бутылку на свѣтъ, шурить глазъ, потомъ говорить убѣжденно:

— Хорошая вещь корсиканская водка. Спе-

ціально создана для борьбы съ маляріей. Выпьешь, и никакая нечисть не пристанетъ.

И, обернувшись къ итальянцу:

— Вѣрно я говорю, старина?

IX.

А теперь — впередъ! Солнце уже низко, засидѣлись за разговорами, — а путь далекъ. Что, если застрянемъ въ этихъ самыхъ болотахъ? Въ велосипедахъ нашихъ мы не увѣрены.

— Идите пѣшкомъ, идите хоть всю ночь, а на мѣстѣ чтобы не застаивались! — приказалъ Павель Федоровичъ и пустилъ всѣхъ впередъ.

— Отправляйтесь безъ остановки до Прюнетэ-Червіонэ, и кто первый туда пріѣдетъ — ищите тамъ для всѣхъ ночлегъ!

Поѣхали... подъ добрая напутствія всего села. Владіміръ съ главной группой впереди, Павель Федоровичъ и я сзади всѣхъ.

Дорога прямая и ровная, мѣстами асфальтова, мѣстами — песокъ. Вотъ нальво мѣстечко Гизоначчіа. Тутъ было убѣжище послѣдняго бандита чести — старика Феликса Микаэли, сдавшагося властямъ въ экспедицію тысяча девятьсотъ тридцать первого года, послѣ почти сорокалѣтняго пребыванія въ маки. Это былъ послѣдній уважаемый всей Корсикой бандитъ чести.

— Хорошо, что хоть горокъ нѣть, — замѣчаю я.

— Какія тутъ горки: одни болота кругомъ! — отвѣтываетъ Павелъ Федоровичъ.

Дѣйствительно, по обѣ стороны дороги начались болота. Въ нихъ—заплѣсневѣлая вода, отъ которой исходитъ запахъ гнили. Рѣдкія растенія имѣютъ чахлый видъ—листья какіе-то сѣрые. Пруды сплошь покрыты комарами—распространителями злющей тутъ лихорадки. Странно, что ихъ не видно въ воздухѣ, они всѣ на водѣ...

Мы стараемся теперь не разговаривать, не раскрывать ртовъ—дышишімъ носомъ. Никакія предосторожности здѣсь не могутъ быть излишними. Молча смотримъ по сторонамъ: изрѣдка читаемъ надписи вродѣ „Chasse gardée—propriété privée“. Эти болотистыя мѣста полны дичи. Любители пріѣзжаютъ сюда зимой на охоту.

Вдали видимъ одного изъ нашихъ. Отсталъ, стоитъ посреди дороги.

— Навѣрное, что-нибудь съ велосипедомъ случилось? — беспокоится Павелъ Федоровичъ.

Нагоняемъ. Оказывается, сорвалась цѣпь—исправить дѣло одной минуты. Пока я помогаю „молодому“ вправить цѣпь, Павелъ Федоровичъ ходить вокругъ насъ и отгоняетъ большихъ желтыхъ мухъ, то и дѣло облѣпляющихъ насъ. Во времяѣзды мухи на насъ не садятся, а тутъ не даютъ покою. Мнѣ почему-то вспоминается романъ Апухтина: „Мухи, какъ черныя мысли...“, а Павелъ Федоровичъ торопитъ:

— Впередъ, впередъ!

Снова крутимъ ногами. Мы одни на дорогѣ.
Хоть бы обогналъ кто-нибудь, или повстрѣчался!
Но здѣсь нѣтъ ни души. Поистинѣ—жуткая
долина смерти!

Разъ-другой намъ попадаются одинокіе до-
мики. Но у нихъ заколочены двери и окна, а
кресты на бугоркахъ, тутъ же у дверей, возвѣ-
щаютъ о судьбѣ хозяевъ.

Печальная картина!

Потомъ, намъ попадается деревушка—Алерія.
Половина всѣхъ домовъ разрушена, въ другихъ
кто-то еще живетъ. Изъ оконъ глядятъ корси-
канцы: неподвижныя фигуры, безъ всякаго выра-
женія на лицахъ—точно каменныя изваянія.

Послѣдніе представители вымирающаго пле-
мени?

Проѣхавъ поселокъ, невольно замедляемъ
скорость, останавливаемся и, обернувшись, въ
раздумы глядимъ на эти дома съ крестами
передъ дверьми. Вспоминаемъ только что видѣн-
ныхъ жителей деревни, съ покорностью ждущихъ
каждый своего креста.

Намъ становится грустно... и страшно!

— Впередъ! Впередъ! — взыываетъ Павель
Федоровичъ, и мы продолжаемъ нашъ путь.

Лишь къ ночи достигаемъ Прюнетэ. Въ тем-
нотѣ Павель Федоровичъ пересчитываетъ всѣхъ
насъ:

— Славу Богу! Добрались благополучно!
Но что это за люди вокругъ?

Въ долинѣ смерти.

— Жандармы, — отвѣчаетъ старшій, Владимиръ. — Мы пріѣхали сюда часъ назадъ, они насъ остановили и спрашиваютъ документы, а ихъ у насъ нѣтъ. Сказали, что у васъ. Вотъ они и ждутъ; недовольны...

Павель Федоровичъ съ улыбкой достаетъ бумаги старшихъ (у младшихъ ихъ нѣтъ). Жандармы провѣряютъ, возвращаютъ.

— Отчего у васъ здѣсь такія строгости? — спрашиваетъ Павель Федоровичъ! — Вѣдь, на дорогахъ ни души въ этихъ страшныхъ мѣстахъ?

— Потому-то и провѣряемъ, что вы рѣдкіе гости, — смеются жандармы. — Нужно же какимъ-то образомъ исполнять служебныя обязанности...

Мы сомнѣваемся про себя: навѣрное, бандитизмъ есть еще на островѣ; ужъ, очень часто попадаются тутъ эти блюстители порядка, останавливаютъ даже дѣтей.

Черезъ полчаса мы уже сидѣли въ уютной, хотя и необычайно закопченной харчевнѣ, какъ всюду тутъ, и утоляли свой голодъ подъ непрерывные рассказы то одного, то другого о впечатлѣніяхъ дня. Возбужденіе у всѣхъ было очень велико.

Возвращаясь къ дому, гдѣ заготовленъ былъ намъ ночлегъ, мы застали передъ нимъ толпу жителей, явившихся со всей деревушки посмотреть на диковинныхъ и отчаянныхъ путешественниковъ. Несмотря на всю усталость, мы

долго еще отвѣчали имъ на многочисленные вопросы, кто мы и откуда, и имъ было очень пріятно видѣть и разговаривать съ потомками тѣхъ „русовъ“, которые были врагами ихъ кумира—Наполеона.

X.

11 августа. Сегодня должны прибыть въ Бастію, въ старинный и самый большой городъ на Корсикѣ. Воображеніе наше рисуетъ его въ самыхъ радужныхъ тонахъ.

А пока еще ъдемъ болотами, правда, прерываемыи теперь виноградниками и даже полями, засѣянными хлѣбомъ. Встрѣчаются и „образцовая хозяйства“: все это—средства борьбы съ паллюдизмомъ (лихорадкой), болѣе или менѣе успѣшныя. Тутъ уже чувствуется больше жизни. Попадаются работники съ виноградниковъ. Они угощаются виноградомъ, вступаемъ въ бесѣду . . . конечно, на интересующую нась тему:

— Что, здѣсь—нездоровья мѣста?

Улыбаются:

— Теперь ничего. Жить можно. Въ этихъ краяхъ случаи лихорадки теперь очень рѣдки. Вотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ! Да. Тогда утромъ пріѣдешь, а вечеромъ сляжешь. Отъ воды! Вода плохая была. Ну, а теперь съ горъ провели сюду воду. Видите, краны на дорогѣ! Хорошая вода течетъ. Только теплая: инженеры

экономіи ради недостаточно глубоко проложили трубы—нагрѣвается отъ солнца въ пути съ горъ...

Лихорадки больше тутъ дѣйствительно нѣтъ, но еще попадаются бараки съ надписью надъ входомъ: „Dispensaire antipaludique“.

Должно быть, старыя надписи—пусть никому больше не пригодятся эти убѣжища!

XI.

Наконецъ-то, Бастія.

Теперь, когда я вспоминаю о Бастіи, я каждый разъ думаю о томъ, какъ въ глазахъ путешественника первое впечатлѣніе много значитъ при составленіи имъ мнѣнія о странѣ, о людяхъ... Оно зачастую получаетъ такое значение, что все видѣнное послѣ не принимается уже сознаніемъ и не остается въ памяти.

Такъ, „Бастія“ отнынѣ для меня синонимъ грязи, вони, неблагоустроенности. Отъ осмотра города я вынесъ впечатлѣніе, что это—гнѣздо заразы, всѣхъ болѣзней. Поводомъ къ такому нелестному выводу о городѣ, которымъ, вѣроятно, гордится всякий корсиканецъ, послужило полное отсутствіе санитарныхъ условій тамъ, гдѣ живетъ населеніе старыхъ кварталовъ: цитадели и старого порта. Очень ужъ это коробитъ. Грязь и неблагоустройство на Корсикѣ—вещи обычныя, но такого зловоннаго города, какъ Бастія, право, мы раньше не встрѣчали.

Намъ говорили: „пойдите въ старые кварталы, увидите достопримѣчательности города, церковь Креста Господня, мѣсто, гдѣ казнили совсѣмъ недавно послѣдняго знаменитаго бандита—Сладу . . .“

Мы пошли и... ничего не осмотрѣли; неслись впередъ съ единою мыслью: какъ бы поскорѣе выбраться изъ этого лабиринта узенькихъ улочекъ, изъ этой грязи и вони!

Но вотъ мы попадаемъ въ новые кварталы съ широкими улицами, съ приличными магазинами. Выходимъ на площадь св. Николая, широкую, красивую, окаймленную пальмами и платанами, съ памятникомъ Наполеону-Цезарю въ центрѣ ея. Казалось бы, вотъ, настоящая Бастія и именно эту слѣдуетъ запомнить, но нѣтъ: у насъ память сохранится лишь о той, другой . . .!

Не безъ удовольствія мы покидаемъ этотъ городъ. На минуту задерживаемся на набережной: отсюда виденъ небольшой, но всему миру знакомый островокъ—Эльба. А рядомъ—другой, большой, но никому неизвѣстный и никѣмъ не прославленный островъ—Капрайя.

И вотъ мы уже на большой, бѣгущей вдоль берега моря, дорогѣ. Намъ попадаются навстрѣчу торговцы холодной водой, спустившіеся съ горъ, везущіе ее въ боченкахъ, на спинахъ осликовъ въ городъ. Мы обгоняемъ шарабанчики, запряженные ослами. Шарабанчики снуютъ туда и сюда, развозятъ публику по пригородамъ, на

пляжи. Это небольшие омнибусы, но для корсиканца это звучит слишком скромно и здесь пышно называют „трамваями“.

— Ну, и трамвай!.. — усмехается кто-то изъ насъ.

— Ничего не подѣлаешь: югъ любить глядѣть на все черезъ увеличительное стекло . . .

XII.

12 августа. Мы на сѣверѣ Корсики! Капъ-Корсъ—мѣсто, куда возятъ обыкновенно туристовъ, желающихъ осмотрѣть „Островъ Красоты“, какъ именуютъ Корсику ея обитатели и агентства для туристовъ. И они совершенно правы: мысъ, дѣйствительно, прекрасенъ. „Море и горы! Очаровательная дикость природы!“ — значится въ путеводителяхъ, и на этотъ разъ они не преувеличиваютъ. Но, какъ было бы хорошо, если бы хоть мелкимъ шрифтомъ въ нихъ было добавлено: „и ужаснѣйшая дороги!“

Мы медленно подвигаемся впередъ. Лишь къ полудню достигаемъ Морсиліи, деревушки на крайнемъ сѣверѣ острова. Отсюда начинается путь къ югу. Останавливаемся на минуту въ Пино, красивѣйшемъ поселкѣ на мысѣ, живописно расположившемся на зеленыхъ склонахъ горъ.

Къ четыремъ часамъ мы еще только въ Нонза. Хочется ъсть. Бѣжимъ въ лавку—хлѣба

нѣтъ: „сегодня—понедѣльникъ, — объясняетъ лавочникъ, — хлѣба не привозятъ“. Ничего не подѣлаешь, приходится питаться бисквитами.

Что за страна! Пріѣдешь въ деревню— „нѣтъ хлѣба, потому что сегодня суббота“; пріѣдешь въ городъ— „булочные закрыты по случаю воскресенья“; здѣсь хлѣба нѣтъ по понедѣльникамъ.

— То ли дѣло у насъ въ деревняхъ, — вспоминаетъ Павелъ Федоровичъ, — когда-то, въ далекой, милой Россіи!

— Да, у насъ на деревнѣ иначе было! — вдругъ отвѣтилъ ему по-русски чей-то голосъ.

Мы съ удивленіемъ оглядываемся. На бочкѣ въ углу сидитъ человѣкъ съ широкимъ, скуластымъ и загорѣлымъ лицомъ. Только что онъ разговаривалъ съ хозяиномъ лавки на корсиканскомъ нарѣчіи.

— Вы понимаете по-русски! — удивленно спрашиваемъ мы.

— Я русскій... былъ русскимъ, сталъ корсиканцемъ, — поправляется онъ.

— Давно вы здѣсь?

— Пятнадцать лѣтъ на Корсикѣ... русскій языкъ забывать сталъ.

Разговорились. Нашъ новый знакомый по-велъ Павла Федоровича съ нѣсколькими мальчиками осматривать старыя руины. Я и остальные остаемся чинить велосипеды, потомъ поѣхали впередъ.

Ждемъ на горѣ часъ, другой. Нашихъ нѣтъ. Начинаетъ темнѣть. Мы уже беспокоимся. Наконецъ, появляется вдали Павелъ Федоровичъ.

— Въ чёмъ дѣло?

Оказывается, задержалъ тотъ же русскій.

— Представьте себѣ, послѣ десяти лѣтъ молчанія, получилъ онъ съ недѣлю назадъ письмо отъ жены, изъ Россіи! Приходитъ письмо съ совѣтскимъ штемпелемъ на его имя, а постальонъ и давать ему не желаетъ: Ты, говоритъ, не русскій, ты — корсиканецъ. Не можетъ быть тебѣ письма изъ Россіи! Еле отвоевалъ. Распечаталъ, а прочесть не можетъ. Забылъ, вовсе забылъ по-русски читать. Такъ и лежало до сегодня письмо. Я ему прочелъ, конечно, а потомъ предложилъ написать отвѣтъ. Доволенъ былъ. Прослезился. Потомъ, на радостяхъ, что русскихъ встрѣтилъ, всѣхъ мальчиковъ угощать сталъ. Конфекты, бисквиты, всѣ сладости скупилъ въ лавчонкѣ для мальчуганъ. Не знали, куда и дѣваться. И отпускать нась не хотѣлъ...

XIII.

13 августа. Цѣлое утро мы всѣ поголовно проводимъ за починкой велосипедовъ. Плохія дороги все больше даютъ себя знать. Какъ вообще еще держатся наши старыя машины! У насъ уже нѣтъ и инструментовъ: растеряли по дорогѣ немногое, что было, все выскочило изъ

мѣшковъ, когда прыгали по каменьямъ. А велосипедный магазинъ лишь въ Аяччо. Чуть ли не единственный на всю Корсику.

Когда солнце уже высоко, мы выѣзжаемъ изъ С.-Флоранъ и вновь попадаемъ въ гористую, обнаженную на этотъ разъ, мѣстность. А тутъ еще знойный вѣтеръ дуетъ прямо въ лицо. Откуда онъ взялся, да какой сильный? Начинается борьба со стихіей. Ужасный подъемъ. Утомленные, запыхавшіеся, добираемся кое-какъ до верха горы.

Ура, оазисъ! Тѣнь отъ деревьевъ, бьетъ горный ключъ. Больше намъ ничего и не надо!

Разоблачаемся, плещемся въ холодной водѣ. Старшіе собираютъ рубахи, трусики, принимаются за стирку бѣлья, а кто вновь взялся за починку велосипедовъ. „Молодые“ тоже времени не траятъ. Богъ знаетъ откуда приносятся фрукты: виноградъ, груши, орѣхи и, конечно, ежевика. Съ удовольствіемъ все поѣдаемъ.

Къ вечеру—снова въ путь: сегодня ночуемъ въ Иль-Руссъ, въ городкѣ второго (послѣ Наполеона) корсиканского героя—Паскаля Паоли. Ему даже памятникъ поставленъ на главной площади... Намъ, однако, теперь не до героевъ. Скучная дорога утомила, а сильный вѣтеръ окончательно обезсилилъ: мы ищемъ мѣста для отдыха, для ночлега. Въ кабачкѣ, гдѣ ужинаемъ, намъ даютъ совсѣть:

— Да идите прямо на площадь, тамъ и

спите. Для всѣхъ хватитъ удобныхъ скамеекъ; располагайтесь, и вамъ никто ничего не скажетъ. Здѣсь всѣ такъ дѣлаютъ въ жаркія ночи... Или, если хотите, идите на пляжъ. Тамъ тоже хорошо.

Мы предпочитаемъ спать на пляжѣ. Сегодня весь день дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ. На пляжѣ можно найти прикрытие за купальными кабинками. Любезный кабатчикъ даетъ намъ даже одѣяла: „верните завтра утромъ“. Тронутые вниманіемъ, благодаримъ и отправляемся на пляжъ.

XIV.

14 августа. Тяжелый день. Вѣтеръ не утихаетъ. Говорятъ, что это мистраль. Съ утра пошелъ дождь: счастье, что онъ не застигъ насъ на пляжѣ, когда мы спали—спрятаться было бы некуда, кабинки заперты на ключъ.

— У васъ тутъ, на сѣверѣ, часто бываютъ дожди?

— Послѣдній разъ былъ въ апрѣлѣ...

А теперь середина августа. Разъ въ три мѣсяца, и нужно же такъ случиться, чтобы мы какъ разъ попали подъ ливень.

Пережидаемъ, пока онъ кончится, и Ѳдемъ дальше въ Кальви.

Кальви—славный городокъ, болѣе чистый, чѣмъ всѣ остальные, кое-чѣмъ напоминаетъ Аяччіо. Ахъ, Аяччіо! Хорошо бы быть уже тамъ.

Наши путешественники немало устали, хотя и глядятъ еще бодро. Нужно бодриться—въ пути еще предстоятъ большія трудности.

Въ Кальви первая непріятная новость: нашъ денежный запасъ на исходѣ. Быстро перевести деньги изъ Аяччіо сюда? Но почта отказывается это сдѣлать. Дѣло принимаетъ худой оборотъ... Не будь дороги столь плохи, мы давно сидѣли бы дома, въ покоѣ. Необходимо потарапливаться съ возвращеніемъ.

XV.

Противный холодный мистраль дуетъ въ лицо. Какъ бы не простудиться въ горахъ! Надѣваемъ фуфайки. И жарко, и холодно въ то же самое время. Помимо всѣхъ бѣдъ, шины прокалываются на каждомъ километрѣ то у одного, то у другого: износились.

Вечеръ. И опять забота о ночлегѣ. Перспектива провести ночь въ горахъ не изъ пріятныхъ. А деревень нѣтъ. Встрѣчаемъ компанію корсиканцевъ.

— Поѣзжайте въ Галеріа, въ десяти километрахъ отсюда. Тамъ найдете все, что вамъ нужно!

Посылаемъ всѣхъ впередъ, и опять Павель Федоровичъ и я ёдемъ послѣдними. На верстовомъ столбѣ нѣтъ названія Галеріа. Удивляемся, заглядываемъ въ карту. Оказывается, Галеріа не

на нашей дорогѣ, а гдѣ-то въ сторонѣ. Нужноѣхать по проселочной дорогѣ...

Павелъ Федоровичъ взволнованъ:

— А вдругъ наши въ темнотѣ не разберутся, не свернутъ, поѣдутъ дальше въ горы?..

Слѣдуетъ догнать, предупредить, но тутъ, какъ на зло, у него лопнула шина. Даю свой велосипедъ, а самъ сажусь у дороги чинить... Уславливаемся, гдѣ встрѣтиться, и онъ уѣзжаетъ.

Вожусь около получаса. Конечно, напрасно: развѣ найдешь въ темнотѣ крохотную дырочку? Сажусь на велосипедъ и медленно качусь на прорванной шинѣ.

Вотъ и Павелъ Федоровичъ; онъ ждетъ на мосту, отъ которого расходятся дороги и одна изъ нихъ въ злополучную Галеріа.

— Ну, какъ?

— Все благополучно, слава Богу! Четверть часа назадъ встрѣтилъ тутъ трехъ охотниковъ. Сказали, что видѣли нашихъ по дорогѣ въ Галеріа.

Ѣдемъ въ Галеріа. По дорогѣ Павелъ Федоровичъ разсказываетъ:

— Эти охотники мнѣ говорятъ: „мы идемъ охотиться на кабана, такъ вы, говорятъ, не бойтесь. Мы въ вашу сторону его не пустимъ“. Сижу я на камнѣ, жду тебя и вдругъ въ темнотѣ изъ кустовъ, вижу, выкатывается что-то темное на дорогу и прямо направляется ко мнѣ. Сначала, думалъ—человѣкъ вдали, кричу: „Qui va la?“ —

отвѣта никакого. Дѣлаю нѣсколько шаговъ впередъ, различаю какое-то животное, а какое, не разберу въ темнотѣ. Ночь безлунная. Началъ я пугать его, а оно остановилось и ни съ мѣста. Жуть забрала—Богъ знаетъ, что это могло быть. Бросился искать вокругъ себя камень или дубинку. Нашелъ только какую-то палочку, смотрю, а звѣря и слѣдъ простили. Такъ и не узналъ, что это было!

Вспоминаю, какъ днемъ, проѣзжая мимо чьихъ-то владѣній, читалъ надпись: „Attention aux pièges à loups!“ Можетъ быть, и волкъ? — мелькаетъ въ головѣ. А самъ говорю:

— Навѣрное, собака была это, Павелъ Федоровичъ. Собаки испугались!

И мы оба смѣемся, поглядывая, однако, съ опаской по сторонамъ, въ окружающую темноту.

XVI.

15 августа. Въ предпослѣдній день нашего путешествія намъ дано было полюбоваться прелестями самаго прекраснаго изъ всѣхъ видѣнныхъ нами на Корсикѣ уголковъ — Calanches de Piana! Имя это, кажется, получило міровую известность, и не напрасно.

Представьте себѣ на фонѣ голубого неба, вырвавшіяся изъ морской пучины, красныя, красныя, остроконечныя, точно иглы, скалы, изрѣзанныя самымъ хитрымъ образомъ. Какъ причудливы

ихъ формы, какими фантастическими видѣніями онъ представляются! Вотъ изваяніе епископа съ посохомъ, въ митрѣ; вотъ колѣнопреклоненный человѣкъ, а тамъ—гигантская собака. Все это—изъ дикаго краснаго порфира. Въ невообразимомъ хаосѣ перемѣшались хищники, чудовища, грифоны, а къ небу возносятся башни скалистыхъ замковъ. „Ночью тутъ охватить жуть и непугливаго десятка человѣка“—думаю я и вспоминаю слова „Божественной Комедіи“:

„Lasciate ogni speranza
Voi che entrate . . .“

За Піаной путешествіе наше было окончено. Послѣ безподобно красивыхъ Каланокъ, нашего вниманія уже не могла остановить на себѣ скучная прибрежная равнина. Къ тому же, у насъ была одна мысль, одно желаніе—скорѣе попасть въ Аяччіо! А думать объ иномъ мѣстѣ, очень желать тамъ быть, это уже почти что тамъ находиться. Мысленно мы были въ Аяччіо и потому безъ особаго вниманія осмотрѣли (хоть и ночевали тамъ) Каржезъ, который въ другое время несомнѣнно заинтересовалъ бы нась много больше.

Каржезъ—маленький городокъ, построенный въ XVII вѣкѣ нѣсколькими греческими семьями, бѣжавшими съ родины отъ турецкихъ насилий. Насиліямъ со стороны корсиканцевъ греки подвергались, однако, и здѣсь, особенно въ первое время, за свои симпатіи къ „ненавистнымъ генуэз-

цамъ“, которые, какъ владѣльцы острова, позво-
лили имъ здѣсь обосноваться. Много горестей
перетерпѣли греки до 1800 года, но все переме-
няется, ужились и корсиканцы съ греками,
перемѣшались расы, и только вѣра у грековъ
осталась своя: въ Каржезѣ, наряду съ католиче-
скимъ, стоитъ и православный храмъ, напомина-
ющій о происхожденіи жителей селенія.

Да еще странно звучать въ Каржезѣ грече-
ческія названія Кугіе и Chryste Eleïson, или имена:
Кальина, Спиридіо — какъ зовутъ мамки своихъ
ребятишекъ, играющихъ на дорогѣ...

XVII.

16 августа.

— Завтра, въ десять утра мы будемъ въ
Аяччіо!

Послѣдній этапъ. Тоже интересный. Мы про-
ѣзжаемъ Синарку—знаменитый районъ, служив-
шій убѣжищемъ извѣстному бандиту Спада. Онъ,
лейтенантъ не менѣе знаменитаго Романетти, еще
такъ недавно былъ здѣсь грознымъ и полно-
властнымъ властелиномъ. Недаромъ же этотъ
король маки былъ прозванъ „Тигромъ Синарки“.

А вотъ и перевалъ Санъ Бастіано... Вонъ
тамъ, внизу, развалины фермы: здѣсь произошла
страшная кровавая трагедія, при участіі бандита
Бартоли, стоявшая жизни фермеру и его тремъ
сыновьямъ. Эта трагедія вызвала взрывъ негодо-

ванія и ужаса на всей Корсикѣ и заставила правительство Франціи въ 1931 году ускорить посылку на островъ карательной экспедиціі.

Жуткія и до сихъ поръ мѣста!

Десять... девять... восемь... километровъ отдѣляютъ теперь насъ отъ Аяччіо! Быстро идутъ машины подъ горку. Одинъ разъ нажмешь на педаль и несешься сто метровъ. Чувствуютъ наши стальные кони, что скоро и имъ будетъ отдыхъ. Какъ будто и скрипѣть перестали! Пять... четыре... три километра осталось...

Вотъ уже и заливъ Аяччіо. Красота! Недаромъ говорятъ, что онъ красивѣе Неаполитанскаго. Глубокій и окаймленный скалами поразительно яркихъ цвѣтовъ, которые сейчасъ такъ играютъ на солнцѣ...

Ура, Аяччіо!

Мы уже несемся по улицамъ города стройной, длинной вереницей, какъ и выѣзжали десять дней назадъ. Подкатываемъ къ тому же кафѣ съ звучнымъ именемъ: „Tout va bien“. Позади 655 километровъ, десять дней. Десять дней! А кажется, цѣлая вѣчность прошла!

Павель Федоровичъ заказываетъ кофе, бутерброды, бѣжитъ на почту и вскорѣ возвращается съ грудой писемъ, журналовъ, газетъ. Залежавшіяся вѣсти „съ континента“. А мы разглядываемъ толпу на набережной, желтые домики, только что пришедшій пароходъ — и умиляемся:

— Право, Аяччіо не такой ужъ плохой горо-

докъ, какимъ казался намъ раньше. Милый Аяччіо!

Уже дома, когда каждый освободился отъ своей поклажи, Павелъ Федоровичъ собираетъ всѣхъ вокругъ себя, крѣпко пожимаетъ всѣмъ руки:

— Ну, ладно! Слава Богу! И съ благополучнымъ возвращеніемъ!

У всѣхъ сіяющія лица.

Аяччіо.

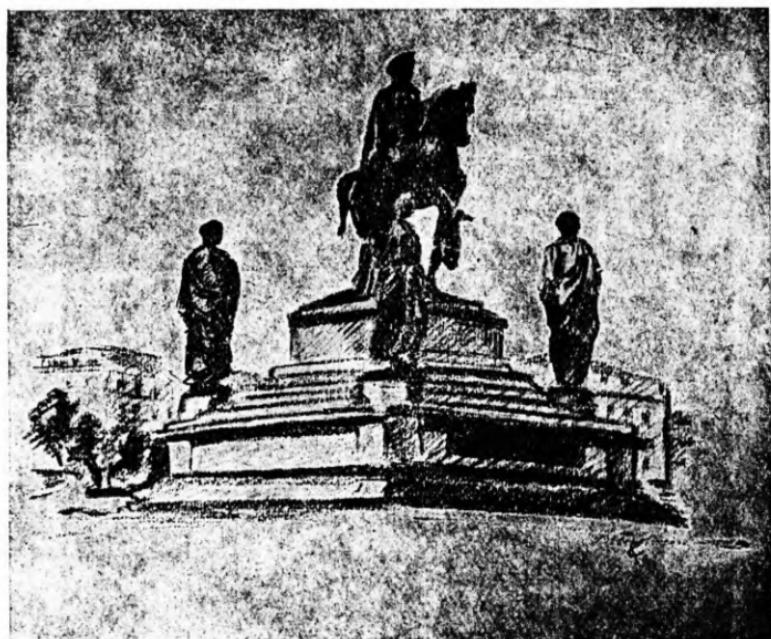
Аяччіо—родина Наполеона. И если сами корсиканцы долгое время не признавали своего героя, то теперь они тѣмъ болѣе стараются загладить передъ собою и передъ другими свою ошибку и показать всему свѣту, какъ они любятъ и чтуть память великаго соотечественника.

И въ самомъ дѣлѣ, въ Аяччіо вамъ ежеминутно напоминаютъ, что вы—на родинѣ славнаго Бонапарта. Площади, улицы, наконецъ рестораны, носятъ его имя. Проспектъ Наполеона чередуется съ Площадью Перваго Консула, отъ которой идетъ Улица Бонапарта. А изъ витринъ магазиновъ, со стѣнъ въ ресторанахъ, не говоря уже о правительстvenныхъ учрежденіяхъ, на васъ глядятъ портреты, изваянія, посмертныя маски былого властителя міра. И куда ихъ только не помѣщаются, эти портреты: на чашки, на перочинные ножи, на ничтожныя бездѣлушки, страдающія, кстати сказать, часто большой безвкусіей,—этимъ портретамъ нѣтъ конца и краю. Отсутствіе мѣры—черта, характерная для корсиканцевъ.

На одной площади стоитъ мраморная статуя Перваго Консула, на другой—главной площади—большой памятникъ Императору съ его четырьмя братьями. Но это громоздкое квадратное сооруженіе до того безвкусно, что даже сами корсиканцы межъ собой (иноземцу они въ этомъ,

конечно, не признаются) называютъ его „большой чернильницей“, — а вѣдь корсиканцы, говорятъ, народъ, лишенный чувства юмора . . .

Память о Наполеонѣ можно найти и въ императорской часовнѣ, гдѣ погребены его мать — Летиція Рамолино и ея сводный братъ, карди-

Памятникъ Наполеону.

наль Фешъ. Въ часовнѣ, между прочимъ, находится запрестольное распятіе, привезенное Бонапартомъ изъ Египта.

Всякому вновь приѣхавшему сюда иностранцу, желающему ознакомиться съ родиной Наполеона, совѣтуютъ прежде всего побывать въ домѣ семьи

Бонапартовъ. Побывали въ немъ и мы, по возвращеніи нашемъ изъ поѣздки вокругъ Корсики. Домъ находится въ старомъ, аристократическомъ кварталѣ города, гдѣ селились раньше почтенные патриціи, а позже рождались и иного рода знаменитости (почти рядомъ съ домомъ, гдѣ родился Наполеонъ, находится домъ, гдѣ увидѣлъ свѣтъ послѣдній большой корсиканскій бандитъ—Спада. Два героя съ одной улицы! . .).

Домъ Бонапартовъ отличается снаружи отъ остальныхъ домовъ лишь памятной доской надъ дверьми, да еще, развѣ, панкартою, оповѣщающей, что постановленіемъ мэра въ домъ входить съ зонтиками и собаками строго воспрещается. Внутри сторожъ вамъ объясняетъ, что Бонапарты, въ сущности, занимали въ домѣ лишь одну квартиру, во второмъ этажѣ—эту квартиру и предлагается вамъ осмотрѣть.

Входишь въ полупустыя комнаты съ ярко раскрашенными потолками и съ громадными комодами у стѣнъ. Въ столовой—столъ, нѣсколько стульевъ стиля Директоріи. Въ спальнѣ—кровать, на которой родился 15 августа 1769 года будущій Императоръ, а въ самомъ концѣ—небольшая темная комната съ письменнымъ столикомъ; здѣсь проживалъ и работалъ генералъ Бонапартъ по возвращеніи изъ Египта и отсюда бѣжалъ, благодаря продѣланному въ полу трапу, спасаясь отъ меча своихъ политическихъ враговъ. Въ этомъ домѣ, гдѣ родился, росъ и куда затѣмъ

наѣзжалъ Наполеонъ, васъ охватываетъ смѣшанное чувство почтенія къ колыбели великаго человѣка и нѣкоторой жалости къ мизерности обстановки, въ которой онъ провелъ свое дѣтство. Тутъ чувствуешь себя смущеннымъ и нѣсколько угнетеннымъ. Впрочемъ, говорять, онъ очень любилъ свой отчій домъ...

Таково Аяччіо Наполеона. Но помимо него есть еще иное Аяччіо, тотъ городокъ беззаботнаго веселья и праздности, который я такъ полюбилъ. Здѣсь люди живутъ инымъ и дышатъ иначе, чѣмъ на континентѣ, въ той же Франціи, напримѣръ. Гдѣ привычная дѣловитость у людей? Гдѣ сумасшедшій темпъ жизни, который царитъ въ Европѣ? Можно ли, живя здѣсь, говорить о напряженіи нервовъ, о городскомъ шумѣ, или о фабричномъ дымѣ? Здѣсь все это звучитъ ироніей.

Въ Аяччіо, какъ, впрочемъ, и вездѣ на Корсикѣ, люди не знаютъ, что такое спѣшка—и знать не желаютъ. Если вы здѣсь увидите кого-нибудь бѣгущимъ, будьте увѣрены—онъ торопится не по дѣлу, а на какую-нибудь пирожную, гдѣ его ждутъ веселье и компания друзей.

Бредешь ли по узкимъ улицамъ стараго города или по широкому проспекту, выйдешь ли на площадь—повсюду та же картина: фланирующіе взадъ и впередъ жители, подсаживающіеся то и дѣло къ столику на террасѣ кафѣ, чтобы поговорить или просто выпить съ пріяте-

лемъ, или же читающіе на углу газету; неторопливо катящіеся по мостовой фаэтоны съ выхоленными лошадками, которыхъ въ Западной Европѣ и глазъ видѣть отвыкъ. Люди вдыхаютъ воздухъ полной грудью, чистый сухой воздухъ, не знающій примѣсей дыма.

Нашъ день.

Мы встаемъ рано, едва солнце выглянетъ изъ-за горъ; лишь только первый шаловливый лучъ проникнетъ въ распахнутыя окна нашего помѣщенія—дортуара и ласкающе скользнетъ по лицамъ спящихъ мальчугановъ — уже эти лица озарились еле уловимой улыбкой, точно спящіе почувствовали присутствіе на себѣ жизненнаго начала. Первый лучъ продолжаетъ свой пробуждающій обходъ. Онъ соскользнулъ съ послѣдней кровати и теперь змѣится по свисающей со стола свѣтлой скатерти, серебря ее какъ рыбью чешую; вотъ добрался доверху и медлительно ползетъ къ вазѣ съ цвѣтами. Онъ долго не рѣшается прервать сонъ дикихъ полевыхъ цвѣтовъ, потомъ вдругъ мелькнетъ по скользкой водѣ и въ мигъ одолѣваетъ весь букетикъ. Зашевелились, привѣтливо закивали головками, узнали ранняго гостя дикіе цвѣты.

А комната уже освѣщена яркимъ свѣтомъ. Шире откинулось охраняющее сонъ покрывало; достаточно малѣйшаго посторонняго шума, чтобы всѣ мгновенно поскатывались со своихъ постелей... Гимнастика, умываніе, общая молитва...

Мы пьемъ утренній кофе на большой просторной открытой террасѣ нашего дома. Отсюда чудный видъ на Аяччіо и на заливъ—море. Намъ не нужно спускаться въ гавань, чтобы знать — пришелъ ли почтовый пароходъ изъ Франціи или

какой-нибудь чужеземный корабль — все это у насъ какъ на ладони.

Кофе пьютъ всѣ молча, молча уплетаютъ густо намазанные масломъ бутерброды и подолгу смотрятъ на заливъ. Тѣмъ временемъ Павелъ Федоровичъ намѣчаетъ программу дня и даетъ каждому заданіе. Коля, передъ тѣмъ какъ отправиться на пляжъ, долженъ написать страничку подъ диктовку одного изъ старшихъ. Первые дни Коля морщился, отбрыкивался „лѣтомъ не занимаются, пріѣхалъ отдыхать“ и т. д. Но его пристыдили, что онъ, четырнадцатилѣтній мальчикъ, вовсе не пишетъ по-русски, тогда какъ его друзья... и пр. и прочее. Сначала онъ на это вовсе не реагировалъ, потомъ сталъ обижаться, что уже было добрымъ признакомъ. Мальчишескій задоръ, это „я ли не могу“, оказались здѣсь очень кстати, и Коля уже втайнѣ предвкушаетъ тотъ моментъ, когда онъ предложитъ поставленному ему въ примѣръ Володѣ соревнованіе: кто меньше сдѣлаетъ ошибокъ въ русскомъ диктанѣ. Пока же Коля готовится къ своему тріумфу молча и лишь со старшими дѣлится своей заповѣдной мечтой.

Петя долженъ къ завтрашнему дню приготовить переложеніе тургеневскаго „Бѣжина Луга“. Петя пишетъ по-русски не худо, но когда ему устно приходится выражать свою мысль, происходятъ вѣчныя недоразумѣнія. Петю обвиняютъ въ томъ, что онъ все перевираетъ, и удивляются,

откуда у него берется фантазия. Дело же, къ его чести, обстоитъ совсѣмъ иначе; Петя хотѣлъ сказать одно, да не вышло: запутался и получилась неразбериха. Кто какъ захотѣлъ, тотъ такъ и понялъ, и потомъ Петю бранять...

И такъ, послѣ кофе, пока жара не окутала пеленой мозги, каждый занимается своимъ дѣломъ. Когда же на лбахъ появляется первая испарина и печатныя буквы начинаютъ морщиться отъ солнца, книги и тетради закрываются и мальчуганы бѣгутъ на пляжъ. Впрочемъ, не всѣ. Есть у насть и такіе, которые, заложивъ за пазуху книжку, садятся на велосипедъ и укатываютъ куда-нибудь въ глушь, подальше отъ людей и ближе къ природѣ, переживаютъ дѣянія героевъ милаго имъ автора. Эти не любятъ говорить, куда ониѣдутъ, ревниво хранятъ секретъ найденаго ими уголка и лишь горячо завѣряютъ старшихъ, что „ни на минуту“ не запаздываютъ къ обѣду.

Давеча я совершенно случайно наткнулся на одного ихъ этихъ ребятъ. Я люблю выискивать эффектныя для зарисовки пейзажи и, даже не имѣя съ собой карандашей, часто останавливаюсь и щурю глаза, какъ бы прицѣливаясь къ данной картинѣ. Такъ, гуляя, я забрался въ прошлый разъ въ гротъ Наполеона. Нѣсколько громаднѣйшихъ камней, расположенныхыхъ на холмѣ за городомъ, въ пальмовой рощѣ, не даютъ представлія даже о подобіи грота. Но будущій императоръ, во дни своей юности, часто заби-

рался на эти камни, читалъ здѣсь своего любимаго Плутарха, мечталъ о подвигахъ героевъ и былъ, кажется, не совсѣмъ равнодушенъ къ открывающемуся отсюда великолѣпному виду на горы и море родной стороны.

Неужели камни, на которыхъ сидѣлъ моло-дой Наполеонъ, могли и дольше оставаться кам-нями? Чуткіе корсиканцы рѣшили переимено-вать эти камни въ гротъ. Какъ бы тамъ ни было, гротъ Наполеона—славное мѣсто для того, кто ищетъ уединенія и не желаетъ бѣжать далеко. Сюда рѣдко кто забредетъ прервать вашу мечту... И тѣмъ не менѣе, я чуть было не оказался такимъ непрошеннымъ гостемъ въ чужую душу.

Приблизившись по моховой дорожкѣ къ камнямъ, я только что занесъ ногу, чтобы вска-рабкаться на нихъ, какъ мое вниманіе привлекъ стоящій тутъ велосипедъ. Велосипедъ мнѣ пока-зался очень знакомымъ, а русскій флагожокъ на рамѣ и вовсе разсѣялъ сомнѣнія. „Никакъ, Дон-чика машина“,—удивился я и, отошедши на нѣсколько шаговъ, хотѣлъ окликнуть мальчугана, но... передумалъ. Окинувъ взоромъ верхушку камня, я замѣтилъ находившуюся ко мнѣ въ профиль фигуру мальчика; закинувъ ногу за ногу, подперши кулакомъ подбородокъ, онъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ свой взоръ на морскую гладь. Я былъ озадаченъ, немного смущенъ. Мальчикъ—поэтъ? Мыслитель? Мнѣ вспомнилось извяяніе Монтэня въ Парижѣ, мимо

котораго я такъ часто проходилъ. Причемъ здѣсь Монтэнъ?—сь досадой оборвалъ я себя; еще разъ взглянуль на Дончика и, стараясь не шумѣть, сталъ быстро удаляться.

Къ полудню всѣ собираются, и въ ожиданіи обѣда на терассѣ ведется оживленная бесѣда на всевозможныя темы. Бесѣда продолжается и послѣ обѣда. Мальчики передаютъ другъ другу всѣ новости, которыя они собрали за утро. Пренія принимаютъ зачастую очень бурный характеръ, особенно въ вопросахъ, касающихся Корсики. Просто удивляешься, какъ близко къ сердцу принимаютъ мальчики корсиканскія событія. А тутъ еще такое несчастье: съ послѣдней почтой пришли русскія газеты, а въ нихъ помѣщенъ разсказъ о происшествіи, бывшемъ на Корсикѣ, и почти у насъ подъ бокомъ. Героями происшествія были будто бы русскіе. Наши ребята прочли разсказъ и заволновались. Какъ это такъ?—произошелъ случай, а они ничего не знали. Замѣчу, что и среди старшихъ по поводу разсказа возникъ споръ, но на литературную тему. Страсти такъ разгорѣлись, что чтобы ихъ унять пришлось прибѣгнуть къ радикальному средству—выпроводить всѣхъ спорящихъ на улицу: на солнечномъ пеклѣ быстро пересыхаетъ во рту и споры прекращаются сами собой.

Вообще, послѣобѣденные часы предпочтi-

тельно проводить подъ крышей. Я въ эти часы нѣсколько разъ заглядывалъ въ городской музей. Тамъ прохлада, полусвѣтъ, пріятная тишина. Музей Аяччіо заключаетъ въ себѣ мало цѣнностей: одинъ Ванъ-Дейкъ, одинъ Филиппо-Липпи, всѣ же прочія полотна—болѣе или менѣе удачные копіи большихъ мастеровъ.

Главный интересъ музея заключается въ томъ, что въ немъ собрано все, что хоть какъ-нибудь относится къ Наполеоновской эпохѣ. Я подолгу расхаживалъ по пустыннымъ заламъ музея, внимательно разглядывалъ плохенькій портретъ злѣйшаго врага Наполеона, генерала-дипломата Поццо-ди-Борго и ловилъ себя на томъ, что въ недавнюю бытность въ Парижѣ Итальянской Выставки (гдѣ были собраны полотна, принадлежавшія кистямъ величайшихъ мастеровъ), я ихъ разглядывалъ съ меньшимъ вниманіемъ. Безъ сомнѣнія, близость Наполеоновской колыбели, тѣсное соприкосновеніе съ бытомъ, который былъ его бытомъ; не сходящее со всѣхъ усть его имя породили въ насъ духовное общеніе съ эпопеей, объясняющее наше участіе ко всему, что касается „Героическихъ Временъ Наполеона“, какъ называлъ ихъ Стэн达尔ъ.

Страннымъ ли покажется послѣ этого то, что наши мальчуганы, заразившись наполеоновской лихорадкой, вдругъ почувствовали потребность противопоставить расцвѣту чужой культуры что-то свое, русское. Такъ, у нихъ проявился особый

интересъ къ изученію родной исторіи. А у подростковъ, что загорится — сю минуту подавай. Счастье наше, что мы захватили изъ Парижа маленькую библіотечку, иначе нечѣмъ было бы питать эту мальчишескую страсть...

Вечерами, когда зайдетъ солнце и въ ближайшемъ форту корсиканецъ - горнистъ сыграетъ зарю, у насъ начинается чтеніе вслухъ историческихъ книгъ. Какая-то сложная мозговая работа видимо происходитъ въ стриженныхъ головахъ слушателей, дѣлаетъ серьезными молодыя лица и заставляетъ блестѣть глаза...

Проводы.

Сегодня нась становится однимъ меньше. Сейчасъ всѣ мы идемъ провожать Ростика, уѣзжающаго въ Парижъ. Онъ отправлялся съ нами лишь на одинъ мѣсяцъ и потому отъѣздъ его былъ заранѣе предрѣшенъ. Павелъ Федоровичъ еще въ Парижѣ отговаривалъ его отъ поѣздки.

— Вѣдь тебѣ непріятно будетъ потомъ уѣзжать одному, друзей покидать. Да и намъ безъ тебя скучно станетъ. Не въ традиціяхъ „Восхода“ разъединяться лѣтомъ.

Но Ростикъ такъ просилъ родителей и Павла Федоровича, что отказать было невозможно.

Сейчасъ онъ уѣзжаетъ обратно. Уѣзжаетъ съ группой русскихъ пловцовъ изъ сосѣдняго лагеря. Хотя мы его и рекомендовали начальнику группы, и просили за нимъ присмотрѣть, особенно въ Марсель, при пересадкѣ съ парохода на поѣздъ, Павелъ Федоровичъ все-же беспокоится:

— Вѣдь онъ такой разсѣянный!

Ростикъ, дѣйствительно, славится изумительной своей разсѣянностью—недаромъ же онъ поэтъ.

Мы его усаживаемъ на пароходъ, старшіе указываютъ ему, гдѣ его чемоданъ, велосипедъ:

— Не забудь же, гдѣ твои вещи!

Онъ нась увѣряетъ, что запомнить, но мы не легко поддаемся его увѣреніямъ.

Пароходъ готовится къ отплытію. Уже сняты главный трапъ. По запасному въ трюмъ спѣшно погружаютъ мѣшки съ почтой. На пристани большая толпа провожающихъ, или просто зѣвакъ. Тутъ же, у самой воды, стоитъ на рельсахъ товарный вагонъ. На крышу его взобрались остающіеся на Корсикѣ русскіе пловцы—такъ удобнѣе разговаривать съ отѣзжающими. Кто-то изъ толпы бросаетъ вверхъ каскетку. На крышѣ вагона ее подхватываютъ множество рукъ, и шляпа уже летитъ на палубу парохода. Оттуда снова на вагонъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока шляпа не попадаетъ въ воду, сопровождаемая гоготаніемъ толпы. Хрипло гудить пароходъ, отдаются канаты, медленно начинаетъ онъ отчаливать. На крышѣ вагона пловцы кричатъ „ура“, а затѣмъ затягиваютъ популярную пѣсенку: „А кто съ пѣсней по жизни шагаетъ...“ Корсиканцы съ удивленіемъ смотрятъ на это импровизированное выступленіе. Но оно еще не кончено. Тутъ же, на крышѣ вагона, нѣсколько человѣкъ сбрасываютъ съ себя верхнюю одежду и, оставшись въ однѣхъ купальныхъ трусахъ, не давая оторопѣвшему жандарму времени сообразить и какъ-либо реагировать, одинъ за другимъ красиво ныряютъ въ воду. Публика съ пристани и парохода рукоплещетъ, и жандармъ, не знающій, что ему предпринять по отношенію къ привѣтствуемымъ нарушителямъ порядка, решаетъ, что лучшее для него—ретироваться.

Засмотрѣвшись на это зрѣлище, мы временно забываемъ даже про Ростика. Теперь оглядываемся: онъ намъ машетъ платкомъ.

— Не растеряй вещей!—кричитъ ему кто-то изъ насъ послѣднее наставленіе. Но и это лишь для того, чтобы какъ-нибудь скрыть тяжесть разлуки съ другомъ.

Пароходъ круто огибаетъ молъ, прибавляеть ходъ и вскорѣ исчезаетъ изъ нашего кругозора, а въ это время въ портъ входитъ красивая бѣлая яхта принца Уэльского.

О корсиканцахъ.

1.

Нужно ли долго, очень долго жить въ странѣ, чтобы составить о ней понятіе? Человѣку, вновь пріѣзжающему въ страну, легче замѣтить все типичное, что въ ней есть, нежели тому, кто привыкъ къ мѣстнымъ особенностямъ. Даже не будучи особенно внимательнымъ, новопріѣзжій замѣчаетъ эти особенности. У свѣжаго человѣка создается представлениe о странѣ и о народѣ, конечно, неполное, но оно отличается яркостью, и въ этомъ его главная цѣнность. Я помню первые дни нашего здѣсь пребыванія. Я возмущался, удивлялся или восхищался, ярко реагировалъ на всѣ проявленія и особенности своеобразной корсиканской жизни, схватывалъ и ощущалъ все здѣшнее. Теперь же съ грустью замѣчаю, что на меня уже больше Корсики „не дѣйствуетъ“: я сжился съ ея бытомъ.

Не желая, чтобы погибли для меня навсегда впечатлѣнія первыхъ дней, я хочу записать ихъ теперь же.

2.

Первое, что меня поразило, лишь только я ступилъ на берегъ Корсики,—холодность, и главное, нелюбезность корсиканцевъ въ обращеніи. Какая разница съ словоохотливостью марсельцевъ,

покинутыхъ нами лишь нѣсколькоъ часовъ назадъ! Какъ далекъ я отъ такъ привычной мнѣ во Франціи любезности (пусть, говорятъ, и приторной), улыбки на лицахъ тѣхъ, съ кѣмъ приходилось случайно тамъ заговорить! Здѣсь другъ на друга смотрятъ исподлобья, волкомъ.

Спросите о чѣмъ-нибудь у прохожаго; одинъ просто отвернется и пройдетъ мимо, другой—пробурчить что-то подъ носъ, сдѣлавъ неопределенный жестъ, и лишь третій болѣе или менѣе холодно отвѣтить на вопросъ. Любезности—и не ищите.

Зайдите въ магазинъ, спросите какую-либо вещь. Вамъ бросятъ, именно бросятъ подъ носъ, словно нарочно, что-нибудь вовсе неподходящее, а если попросите дать что-либо на выборъ, вещь просто уберутъ, не удостоивъ васъ и отвѣтомъ. Хорошіе коммерсанты,—подумаете, и уйдете обиженнымъ. Обижался и я, потомъ привыкъ и пересталъ обращать вниманіе.

Корсиканскій продавецъ не желаетъ казаться заинтересованнымъ вашей покупкой. Когда вы приходите въ лавку, все въ его фигурѣ и выраженіи лица говорить вамъ: „мы клиентами не интересуемся; клиенты приходятъ къ намъ, а не мы къ нимъ“.

Таково поведеніе торговцевъ въ магазинахъ. На рынкѣ—въ васъ все еще заискиваютъ. Но будьте осторожны! Это вамъ не французскій базаръ, гдѣ цѣна, указанная на карточкѣ,—

законъ. Здѣсь тоже цѣна указана, но горе вамъ, если вы ей довѣрите. Торгуйтесь, торгуйтесь, поскольку хватить у васъ терпѣнія. Умѣніе торговаться—единственное здѣсь спасеніе.

Я помню, въ Турціи я встрѣчалъ привычку у продавцовъ запрашивать двойную цѣну противъ той, на которой сходились въ конечномъ итогѣ. На Корсикѣ, когда предлагаются вещь за „cinque sole“ (пять су)—знайте, что при упорствѣ, если у васъ хватить характера, вы сможете ее получить за два, а то и за одно су.

Давая сдачу съ крупной монеты, въ девяти случаяхъ изъ десяти вамъ не дадутъ одного, двухъ су.

Сначала я думалъ, что корсиканецъ случайно ошибся. Но, посмотрѣвъ на него, прочелъ такое явное разочарованіе на его лицѣ въ отвѣтъ на мое замѣчаніе, что сомнѣнія уже быть не могло. И такъ вездѣ и всюду. Это сначала меня тоже возмущало; особенно возмущало то, что, когда уличишь его, корсиканецъ даже не извинится, а бросить недостающую мелочь, точно подаяніе. Потомъ я привыкъ и къ этому, и таскалъ вѣчно мелочь въ карманѣ, стараясь давать сумму, не требующую сдачи.

3.

Корсика, прежде всего, островъ, этого не слѣдуетъ забывать. Французы очень часто склонны думать, что Корсика — это департаментъ Corse,

т. е. болѣе или менѣе искусственно ографленная территорія, ничѣмъ больше не отличающаяся отъ другихъ, къ ней примыкающихъ.

Это далеко не такъ, потому что исторія острова вовсе не похожа на исторію Франціи. Вѣчный гнетъ и вѣчная борьба за независимость такъ и не восторжествовавшую — и, съ другой стороны, невозможность (все изъ-за моря) удобнаго сообщенія съ континентомъ создали характеръ жителей — самомнительный, вызывающе самолюбивый и гордый до непріятности. Говорить, корсиканецъ не любить иностранцевъ. Но онъ никогда вамъ не покажеть, не выскажетъ этого открыто, хотя вы и будете чувствовать скрытую непріязнь. Впрочемъ, слово „иностранецъ“ неточно: Корсика принадлежитъ Франціи, это — часть Франціи, а по отношенію къ француузу некорсиканцу вы замѣтите ту же непріязнь. Да въ лексиконѣ корсиканца слова „иностранецъ“ и не встрѣчаешь. У нихъ другой раздѣль: Корсика и Континентъ. Вы для корсиканца не иностранецъ, а „пинсую“ — презрительный терминъ, обозначающей — континентальный житель. И это вы услышите на каждомъ шагу и на всѣ лады. Здѣсь говорить, какъ и въ Великобританіи: „на Континентѣ“, а не въ Европѣ, а разъ ужъ Корсика французская, то корсиканцы и дѣлятъ Францію на двѣ части: „Франція состоитъ сперва изъ Корсики, а затѣмъ уже изъ части континента“.

Я бы не сказалъ, что теперь еще корсикан-

цы—автономисты. Но у нихъ есть другое желаніе или, во всякомъ случаѣ, поползновеніе, мечта: добиться управлениія Франціей одними корсиканцами. Франціей правили Наполеоны, почему бы этому снова не быть, пусть и при другомъ режимѣ? Въ правительствѣ есть уже корсиканцы, въ парижской ратушѣ предсѣдательствуетъ корсиканецъ. Мечта ихъ, чтобы и здѣсь, и тамъ были только корсиканцы, или же чтобы они были фактическими правителями страны.

Таково мое впечатлѣніе; оно основывается на многочисленныхъ бесѣдахъ съ жителями острова во время нашего путешествія вокругъ Корсики. Наполеонъ, конечно, кумиръ Корсики, его пріемъръ ее окрылилъ, и несомнѣнно лишь благодаря ему корсиканцы предаются такого рода мечтаніямъ; мечтаніямъ, которые кажутся дерзкими доброму французу „континентальной Франціи“...

4.

Есть одна особенность, съ которой я, живя на Корсикѣ, никакъ не могъ примириться. Это—грязь и нечистоплотность корсиканцевъ. Куда бы я ни пошелъ, будь то въ городѣ, или въ деревнѣ—вездѣ я натыкался на эту грязь. Получалось впечатлѣніе, что корсиканцы любятъ жить въ грязи, и больше: казалось, что они безъ грязи жить не могутъ; что они органически не переносятъ чистоты.

Вмѣстѣ съ грязью — неблагоустроенность. Уже одинъ внѣшній видъ города вамъ скажетъ, что корсиканецъ не умѣетъ устроить своего жилища. Не умѣетъ? Или просто не желаетъ? Или лѣнится? Мнѣ кажется, всѣ три предположенія вѣрны въ равной степени. Мнѣ одинъ мѣстный житель говорилъ: „le corse sait se contenter de peu“. Пусть такъ, пусть корсиканецъ умѣетъ обойтись малымъ, но за этимъ гордымъ заявленіемъ скрывается сознаніе самими же корсиканцами своей слабости.

5.

Я сейчашъ говорилъ о внѣшнемъ обликѣ корсиканскаго города. Еще болѣе удручающее впечатлѣніе выносишь, попавъ внутрь этихъ зданій.

Сначала я думалъ, что это слѣдствіе бѣдности островитянъ. Но чѣмъ дольше жилъ, тѣмъ все болѣе и болѣе замѣчалъ, что мое мнѣніе ошибочно. Да они всѣ зажиточны, — удивлялся я, — почему же тогда это безобразіе? Выходило, что корсиканцы, кромѣ неумѣнія, нежеланія и лѣни — скупы и не желаютъ тратить денегъ, чтобы устроить свою жизнь по-людски. Они копятъ деньги. И знаете, для чего корсиканецъ всю жизнь отказываетъ себѣ во всемъ? Для того, чтобы быть лучше похороненнымъ...

Въ то время, какъ городъ, деревня, домъ

корсиканца — образецъ грязи и скучности, могила его — образецъ чистоты и доказательство его богатства.

Вы ъдете по дорогѣ, встрѣчаете нѣсколько полуразвалившихся домишекъ съ выбитыми стеклами, хотя и жилыхъ. „Какая бѣдность!“ Но только лишь проѣдете эту деревушку, въ нѣсколькоихъ сотняхъ метровъ увидите за чистенькой бѣлой оградой другіе домики, тоже бѣленыкіе, съ готическими окнами, съ крестами надъ дверьми — это фамильные склепы. Какой контрастъ! Тамъ, у живыхъ, нищета, безобразіе, тутъ — зелень, цвѣты, забота — глазъ радуется. Неужели здѣсь покоятся жители „той“ деревушки? Даже не вѣрится.

Кладбище на Корсикѣ не таково, какъ на континентѣ. Тутъ могилы не соединены въ одну общую ограду, а разбросаны по полямъ. Каждая могила — склепъ, это — „настоящее жилище“, болѣе вѣрное, нежели всѣ эти пристанища нашей временной жизни. И корсиканецъ любовно слѣдитъ и заботится, чтобы мертвымъ было хорошо.

Въ Аяччіо вдоль дороги, по берегу моря, тянутся большиe и маленькиe сады, огороженные каменными или желѣзными свѣже окрашенными заборами. Загляните во внутрь любого изъ нихъ: зеленая травка, которой на Корсикѣ такъ мало; клумбы съ цвѣтами, а посерединѣ — кипарисовая аллея, мощенная бѣлыми плитами, или усыпанная гравіемъ, ведетъ къ небольшому домику съ готи-

ческими окнами, съ большими желѣзными дверьми. Поражаетъ чистота, богатство; подчасъ приходится отдавать должное и архитектурному вкусу. Что же это? Дачи богатыхъ корсиканцевъ? Нѣтъ, это фамильные склепы. Часовни. Кресты надъ дверьми и на куполахъ и выгравированныя имена усопшихъ гласяты объ ихъ собственникахъ. И это не только въ окрестностяхъ городовъ, но и вокругъ любой деревни.

Вотъ куда уходятъ деньги корсиканца, накопленные за долгую, въ бѣдности и лишеніяхъ проведенную жизнь. Вотъ—оправданіе ихъ скучности.

6.

Такое отношеніе къ посмертному существованію заставляетъ предположить, что корсиканцы—народъ религіозный. Такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Здѣсь даже сохранились многіе обрядности и обычаи, которыхъ уже не встрѣтишь въ Европѣ, хотя бы въ той же Франціи. Какъ-то проходя мимо одного дома, я услышалъ вой, прерываемый причитаніями. По траурной каймѣ надъ дверями я понялъ, что въ домѣ кто-то умеръ.

Вы ёдете въ вагонѣ поѣзда. Напротивъ васъ сидятъ двѣ бабы—торговки рыбой. Онѣ то и дѣло ругаются (какъ умѣютъ только торговки) въ своемъ „дружескомъ“ разговорѣ. Но послѣ каждого нехорошаго слова и та, и другая быстро, быстро крестить ротъ . . .

Я говорилъ о лѣни корсиканцевъ, называя ее одной изъ причинъ неблагоустроенности и безобразія ихъ жизни. Корсиканцы несомнѣнно лѣнивый народъ. Лѣнъ опредѣляетъ весь образъ жизни корсиканцевъ.

Живя въ деревняхъ Франціи, объѣзжая (съ „Восходомъ“) всю долину Лауры и весь центръ страны, я становливался, бывало, гдѣ-нибудь на ночлегъ. На утро, чуть свѣтъ, проснешься—смотришь, давно уже кипитъ жизнь, рабочіе фермъ выѣзжаютъ на поля.

Здѣсь (всюду въ Корсикѣ) заночевавъ, на слѣдующее утро видишь словно вымершія деревни—не видно ни души. Ставни, двери закрыты, тишина: крестьяне еще спятъ. Семь, восемь, девять часовъ—наконецъ, въ ближайшей деревнѣ начинаютъ коситься на васъ заспанныя лица...

Въ городѣ жизнь начинается, пожалуй, нѣсколько раньше, но, конечно, не ранѣе восьмого часа!

Зато, пріѣхавъ въ первый разъ въ Аяччіо, я былъ очень удивленъ тѣмъ, что въ десять часовъ утра, во всѣхъ кафѣ, гдѣ только есть музыка, уже играютъ оркестры, а сами кафѣ полны народа.

— Почему у васъ музыка въ такой неурочный часъ? Праздникъ, что ли, сегодня?

Но никакого праздника не оказалось, а просто

въ этотъ часъ добрые граждане пьютъ утренній апперитивъ. За столиками сидятъ корсиканцы, курятъ, кстати сказать, очень дешевыя здѣсь папиросы и тянутъ свой любимый напитокъ— „пастисъ“, родъ абсента, запрещенный въ континентальной Франціи.

Говорятъ, что отсутствіе на Корсикѣ табачной монополіи и этотъ самый „пастисъ“—являются одной изъ причинъ, почему корсиканцы остаются лояльными гражданами Франціи.

— „Запрети французы „пастисъ“ и повысь они цѣны на табакъ, мы бы всѣхъ этихъ „пин-суро“ повыбрасывали бы въ море!“ — заявилъ мнѣ однажды корсиканецъ.

Кафѣ полны народу не только въ десять часовъ — они полны съ десяти утра и до поздней ночи.

Однако, зачѣмъ наблюдать народъ только въ кафѣ? Куда проще пройтись въ городѣ по улицѣ, на которой есть скамейки: когда бы вы ни прошли, въ любой часъ дня вы найдете скамейки занятыми. Во всевозможныхъ позахъ, сидя съ трубкой во рту, или растянувшись во всю длину скамейки—корсиканцы дремлютъ и спятъ въ ожиданіи конца дня, когда спадетъ зной. А придетъ вечеръ, спадетъ жара, вы всѣхъ ихъ—да и тѣхъ многихъ, кто день провелъ, укрывшись въ сыромъ помѣщеніи,—всѣхъ найдете на площади, гуляющихъ компаниями, въ обнимку, шумящихъ и поющихъ.

Когда же они работаютъ?

На этотъ вопросъ отвѣта я не находилъ, пока не вспомнилъ, уже однажды приведенные мною слова:

— „Le corse sait se contenter de peu“.

Вспомнилъ—и улыбнулся . . .

8.

Корсиканская пѣсня—вотъ то, что оставило во мнѣ самое сильное впечатлѣніе.

Ее я услышалъ впервые раннимъ утромъ, когда вступилъ на эту землю. И съ той поры она меня сопровождаетъ всюду и во всякой часъ... Корсиканецъ поетъ; вотъ самая отличительная черта его отъ француза „съ континента“, отъ „пинсую“.

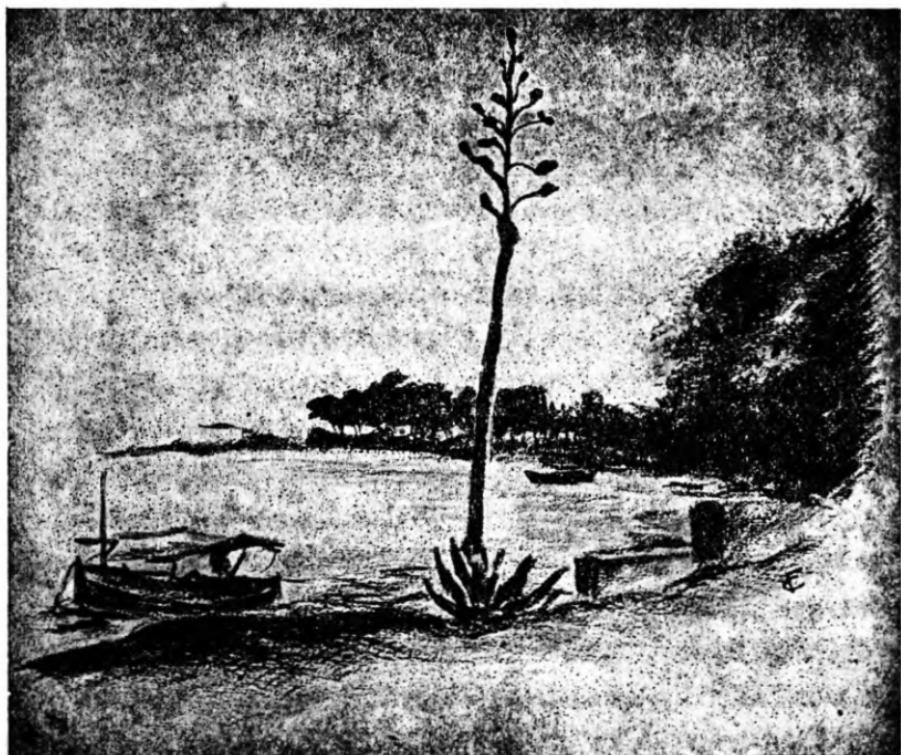
Идетъ по улицѣ мальчишка, съ корзинкой въ рукѣ; въ ней пакетики съ жареной картошкой—„фриты“, здѣсь ихъ ёдятъ, какъ у насъ съмячки, или какъ во Франціи „какауэтки“. Идетъ мальчишка, выкрикиваетъ эти самые „фриты“, да вдругъ какъ запоетъ, зальется, совсѣмъ и не по дѣтски поетъ, за душу хватаетъ. Остановишься, посмотришь на него, увидишь грязное лицо, нечесаную шевелюру, висящія лохмотья—и недоумѣваешь, какъ можетъ сочетаться эта красота пѣсни съ его видомъ и лохмотьями?

Поютъ здѣсь всѣ, поютъ съ душою и обладаютъ хорошими голосами. Корсиканская пѣсня—пѣсня грустная, нѣсколько заунывная; она заклю-

чаетъ въ себѣ нѣчто восточное. Есть въ ней
что-то общее и съ русской пѣснею. Что? Душа.

— — —

Вечеръ въ Скудо (рыбачій поселокъ, въ
пяти километрахъ отъ Аяччіо). Среди сосенъ и

Уголокъ Скудо.

пальмъ на пригоркѣ у дороги мигаютъ огни.
Подвѣшанные бумажные фонарики неровно освѣ-
щають раскинувшійся лагерь русскихъ пловцовъ.
Пальмы и пиніи, палатки, двигающіяся фигуры

самихъ обитателей лагеря, принимаютъ причудливыя формы, когда на нихъ смотришь съ дороги, идущей вдоль берега. Въ чистомъ ночномъ воздухѣ ясно слышна русская рѣчь, отдѣльныя, отрывистыя фразы. А потомъ, вдругъ, аккордъ гитары и понесется вдаль пѣсня, русская, вѣчная, прекрасная. Сядешь у дороги, на парапетѣ, подопрещь щеки ладонями, слушаешь...

Въ безоблачномъ небѣ блестятъ звѣзды, луна еще не взошла, темень кругомъ и лишь на морѣ притаились огоньки, точно они тоже заколдованы пѣснью. Рыбаки-корсиканцы сидятъ въ лодкѣ, не двигаясь, слушаютъ русскій напѣвъ. Едва онъ замолкнетъ—съ моря понесется отвѣтная, странно знакомая, хотя и непонятная, корсиканская пѣсня—и въ ней тоже находишь что-то родное, что-то такое близкое, что русскому такъ дорого.

Такъ, въ вечерній часъ, ведутъ между собою перекличку русская и корсиканская пѣсня — полныя взаимнаго пониманія, сближающія души поющихъ.

1. Въ глубь острова . . .

I.

Второе сентября. Мы обѣѣхали всю Корсику. Кажется, знакомы со всѣми прибрежными городишками и деревушками, но ни разу не побывали еще въ сердцѣ страны. Неужели, можно уѣхать съ Корсики и, можетъ быть, всю жизнь больше на нее не возвращаться — не повидавъ вблизи горъ, не поднявшись хоть на одну изъ нихъ?

Нашъ Старшій Другъ, завзятый путешественникъ и альпинистъ, больше нашего беспокоится и волнуется:

— Вы, какъ хотите; можете оставаться въ Аяччіо, а я завтра же єду въ Вицзавона, оттуда пѣшкомъ въ три дня до Монте-Чинто, а затѣмъ...

У него планъ и маршрутъ до точности выработанъ уже давно—была бы у всѣхъ охота двинуться. Но развѣ можетъ кто отказаться? Горы, прогулка пѣшкомъ и такое звучное слово „Монте-Чинто“ соблазнять хоть кого...

Завтра, всѣ, всѣ єдемъ!

II.

Третье сентября. А на завтра, когда еще городъ спитъ и лишь сонные гарсоны кафэ устанавливаются на улицахъ столики, убранные на ночь, мы—гурьбой, бодро шагаемъ къ вокзалу, съ одѣя-

лами за спинами и съ мѣшечками въ рукахъ. Торопимся—не опоздать бы на поѣздъ. На вокзалѣ прежде всего смотримъ на часы—напрасно. Одни стоять, другіе показываютъ два съ четвертью. Что за вздоръ: вѣдь сейчасъ только утро. Но мы не опоздали, касса и не открыта еще. На вокзалѣ два—три путешественника, вродѣ насъ, да крестьянка съ козой, которая все норовить пожевать торчащую въ кіоскѣ газету. Проходить еще не мало времени, пока открывается дверь на перронъ. Коза, завида между рельсами травку, вырывается изъ рукъ хозяйки, несется туда: крики, погоня—неожиданное развлеченье...

Маленькие вагончики, миниатюрный паровозикъ на узкой колеѣ—какая провинція! Но вѣдь мы въ провинцію иѣдемъ!..

... Скрывается на время Аяччіо, затѣмъ снова выплываетъ, но уже вдалекѣ: мы єдемъ вдоль бухты. Потомъ—первый подъемъ, первый сюрпризъ: нашъ паровозикъ взобрался неожиданно быстро—лихой!

Вдоль полотна желѣзной дороги тянется скаковое поле. По трэку не дрожки бѣговыя катятся, не конь рысью бѣжитъ, но скачетъ галопомъ молодой быкъ. Онъ только что пасся на пелузѣ, а теперь рѣшилъ, вѣроятно, потягаться съ паровозикомъ. Наши молодцы высовываются изъ оконъ, гикаютъ, подгоняютъ...

Пейзажъ мѣняется, дорога поднимается въ гору все круче, скалы по сторонамъ одноколейки

подступаютъ все ближе, къ самыи окнамъ, вотъ-вотъ раздавятъ нась. Головы изъ окна не высунуть — разобьетъ. Путешественники наши начинаютъ искать развлечений внутри вагона. Въ сосѣднемъ купѣ усѣлось семейство корсиканцевъ. Мужъ, жена, вѣроятно, какой-нибудь кузенъ и дѣти. И сколько дѣтей! У мужа, у жены сидятъ на колѣняхъ ребята; другіе, постарше, возятся въ проходахъ съ мячомъ, залѣзаютъ подъ скамейки, вымазываются въ грязи, въ сажѣ, попадаютъ мячомъ въ чью-то корзинку съ виноградомъ, разсыпаютъ его, топчутъ ногами; воютъ, когда отецъ шлепаетъ ихъ. А въ подвязанномъ гамакѣ спятъ дѣти поменьше. Гамакъ раскачивается, и спящіе ребята вываливаются изъ него: мамаша въ ужасѣ голоситъ, путешественники вмѣстѣ съ отцомъ ловятъ дѣтей налету — водворяютъ ихъ снова въ гамакъ и привязываютъ на этотъ разъ веревочками...

... Туннель, потомъ еще туннель и еще, еще. Такъ до самой Вицавона. Намъ говорили на станціи, когда мы спрашивали — красива ли дорога:

— Да вы ничего и не увидите, одни туннели будутъ!

Но это далеко отъ истины. Въ промежуткахъ между туннелями горы убѣгаютъ вдалъ, возносятся къ небесамъ, то покрытыя шапкою хвойнаго лѣса, то блещущія на солнцѣ своими лысинами. Вдали и подъ нами долины съ рѣдкими

деревушками и многоэтажными терассами-вино-градниками, съ тоненькой ленточкой автомобиль-наго шоссе. А вонъ тамъ, совсѣмъ внизу—наше желѣзнодорожное полотно, мостикъ, по которому мы проѣзжали всего лишь пять минутъ назадъ! Вагончики катятся вверхъ, катятся на своихъ маленькихъ колесикахъ, наклоняясь то на одну сторону, то на другую; порою самыя высокія горы кажутся намъ то провалившимися куда-то, то вдругъ возносящимися такъ, что скрываютъ весь небосводъ!

На станціяхъ и полустанкахъ обозначена высота, на которую мы поднялись надъ уровнемъ моря. Давно ли мы были у бухты Аяччіо, а теперь мы уже надъ нимъ на 900 метровъ!

Въ окнахъ—все новые виды, одинъ другого очаровательнѣе. Павелъ Федоровичъ признается:

— Я часто и много раньше путешествовалъ, но болѣе живописныхъ мѣстъ, кажется, не видалъ...

Послѣдній, самый большой туннель: десять минутъ подъ землей. За нимъ Вицзавона.

III.

Вицзавона—деревушка, состоящая изъ нѣ- сколькихъ домиковъ: вдоль дороги, проходящей черезъ великолѣпный высокій сосновый лѣсъ, разбросаны дачки и ресторанчики. Замѣчатель- ный лѣсъ! Тутъ особый видъ сосны—„pins

laricios" и есть деревья, достигающие сорока пяти метровъ.

Изъ Вицавоны начинаются всѣ восхожденія туристовъ „на горы“. Обыкновенно сюда прѣѣзжаютъ, чтобы полюбоваться видомъ на Монте д'Оро, одну изъ самыхъ высокихъ на Корсикѣ горъ. Частью покрытая лѣсомъ, частью совершенно оголенная—на скалахъ и въ эту лѣтнюю пору сверкаетъ на солнцѣ нерастаявшій снѣгъ—она и впрямь красива, и многихъ соблазняетъ подняться. Въ насъ просыпается гордость: Монте-Чинто, самая высокая вершина на Корсикѣ; тамъ мы должны поднять русскій флагъ.

Въ душистомъ лѣсу, подъ высокими соснами, вблизи знаменитаго Грандъ Отеля, гдѣ такъ любилъ отдыхать не менѣе знаменитый бандитъ Романетти, наѣзжая сюда въ прекрасномъ костюмѣ буржуа, безъ ружья, но, конечно, съ револьверами въ карманахъ—мы быстро закусываемъ и отправляемся въ путь.

Сейчасъ полдень; солнце палитъ; наши ребята поснимали рубашки, темнѣютъ коричневыя отъ загара спины. Дорога бѣжитъ передъ нами, крутить, вилять, устремляется внизъ; мы идемъ по ея карниzu, а вдали, гораздо ниже, точно второй, третій ярусы, параллельные нашему—тянутся шоссе. Опытный глазъ Павла Федоровича сразу разбирается:

— Вонъ тамъ, внизу—это наша же дорога. Видите, гдѣ она загибаетъ!..

И сейчасъ же вносится предложеніе „срѣзать путь“, спуститься напрямикъ.

Выбираемъ мѣсто, гдѣ кустарникъ чуть ниже обычнаго... и уже шагаемъ, вѣрнѣе, скатываемся по маки внизъ...

IV.

Снова выходимъ на свою дорогу, теперь всѣ полны интереса къ маленькому бѣлому столбiku съ обозначеніемъ километровъ. Ура! Сократили путь на шесть километровъ! Ноги всѣ исцарапаны, но это сущіе пустяки.

Съ горы спускается молодой корсиканецъ на ослѣ:

— Хотите, положу на осла ваши вещи! — предлагаетъ онъ намъ.

Но оселъ такой крохотный по сравненію съ этимъ рослымъ корсиканцемъ, что мы благодаримъ и отказываемся.

На поворотѣ стоятъ двое жандармовъ съ винтовками въ рукахъ.

— У васъ имѣются документы?

И пока Павелъ Федоровичъ не спѣша вытягиваетъ всѣ нужные бумаги, они задаютъ новый вопросъ:

— Вы только что спустились съ горъ?

— Нѣтъ, мы шли сейчасъ по дорогѣ.

Что за вопросы, однако? — думается намъ, и почему у нихъ въ рукахъ винтовки? не нашей же „банды“ юнцовъ они испугались?

Павель Федоровичъ протягиваетъ документы старшихъ. Долго разглядываютъ, наконецъ, возвращаютъ:

— Comme ça, ça va!

Разговорились. Разспрашиваютъ подняться (на Монте-Ротондо, что вонъ тамъ, передъ нами. По ихъ словамъ, на ней есть очень красивыя озера. Но у насъ другая цѣль. Благодаримъ и идемъ дальше.

Встрѣчается Ѣдущій верхомъ на осликѣ деревенскій курэ въ черной рясѣ. У него полное, широкое лицо, орлиный носъ, пронизывающій взоръ.

Мы съ нимъ здороваемся.

— Иностранны? Путешествуете? — сразу вопросительно опредѣляетъ онъ и тутъ же добавляетъ:

— Если хотите пить, — тутъ, въ сорока метрахъ, за большимъ каштаномъ, что у дороги, бьетъ горный ключъ.

Сказалъ, и Ѣдетъ дальше, больше не оборачиваясь.

V.

Вечерѣеть. Мы сидимъ въ ресторанчикѣ. въ деревушкѣ Венако. Подъ любопытные взоры уставившихся на насъ корсиканцевъ (какъ малышей, такъ равно и стариковъ), подкрѣпляемся консервами (ну и деревня—ничего съѣстнаго не достать!). На минуту толпа, окружающая насъ,

раздвигается, и мы видимъ, какъ по улицѣ двое жандармовъ ведутъ подъ руки человѣка съ воспаленными глазами, имѣющаго крайне забитый видъ.

— Да, вѣдь, это „наши“ жандармы! Тѣ, что останавливали насъ днемъ, — восклицаетъ одинъ изъ мальчугановъ.

Мы впиваляемся глазами въ вечернюю мглу, но наши молчаливые соглядатай уже снова окружаютъ насъ тѣснымъ кольцомъ и мы торопясь кончаемъ вечерять...

VI.

Снова въ пути, но теперь уже не километры считаемъ, а высматриваемъ мѣсто для ночевки. Сонъ валитъ насъ съ ногъ.

Мѣсто выбрать трудно: дорога—настоящій карнизъ; слѣва—скала, справа—обрывъ. Единственная надежда на то, что впереди найдемъ что-либо болѣе подходящее.

И мы идемъ впередъ.

За поворотомъ насъ ожидаетъ сюрпризъ. У дороги—домъ, но такой, что надъ уровнемъ шоссе поднимается лишь плоская крыша-терасса, а этажи слѣдуетъ считать сверху внизъ и видно ихъ только со стороны обрыва. Терасса застлана столиками, а посерединѣ ея кругъ—для танцевъ! Публика сидитъ за столиками, иные кружатся въ медлительномъ танго—далеко несутся

звуки пикопа. Въ вечерней полутьмѣ, въ этомъ дикомъ мѣстѣ, гдѣ, казалось бы, и мысль не придетъ никогда о какомъ-то танго, пикопѣ; гдѣ царитъ одна природа—эта картина кажется намъ такой неожиданной и несуразной. Съ трудомъ вѣримъ глазамъ! Въ самыхъ дебряхъ Корсики!

Между тѣмъ, начинаетъ идти дождь; идетъ все сильнѣй и сильнѣй; сначала мы не обращаемъ на него вниманія, затѣмъ приходится искать убѣжища подъ орѣшникомъ. Становится вовсе темно: „А гдѣ же ночлегъ?“ Уже подъ проливнымъ дождемъ бѣжимъ до первой фермы.

— Можно ли у васъ гдѣ-нибудь переночевать?

— Вонъ тамъ, въ сараѣ на сѣновалѣ,—отвѣчаетъ оторопѣвшій отъ вида всей нашей компании мальчишка-корсиканецъ.

Мы благодаримъ и, стараясь миновать лужи, скачемъ къ сѣновалу, заносимъ уже ногу, но вдругъ слышится голосъ того же мальчишки:

— Эй, вы! Хозяинъ не позволяетъ, уходите!..

Куда уйти? Возвращаемся къ нему, пробуемъ убѣдить, что подъ дождемъ идти никуда мы не можемъ.

— Хозяинъ не хочетъ, — твердить мальчишка, — вотъ во флигелѣ устройтесь, если хотите, но только будьте осторожны и ничего тамъ не портите!

И онъ ведетъ насъ къ „флигелю“; флигель

оказывается обыкновеннымъ свинюшникомъ, да вдабавокъ съ совсѣмъ разрушенной крышей. На землѣ—грязь, одѣяла разстелить нельзя и отъ дождя тутъ тоже не укроешься.

— Что же тутъ портить? — спрашиваемъ мы другъ друга съ нескрываемой насмѣшкой, и уходимъ ни съ чѣмъ.

— Вотъ она хваленая „*hospitalité corse*“; видно, у нихъ гостепріимство только для бандитовъ!

А потомъ не сдержавшись и, обернувшись, кричимъ „хозяину“:

— *Merci!* Спасибо вамъ за радушное гостепріимство!

И, промокшіе до костей, не обращая вниманія на дождь, лужи и грязь, еле волоча отъ усталости ноги, идемъ впередъ, впередъ. На наше счастье поднимается вѣтеръ, разгоняеть тучи. Дождь перестаетъ, и мы обсыхаемъ на вѣтру и на ходу.

VII.

Четвертое сентября. Просыпаемся — идетъ маленький дождикъ. Одѣяла наши сыры, спѣшимъ подняться и поближе подойти къ прикрытию, къ деревьямъ. Осматриваемся.

— Господа, да вѣдь мы спали на кладбищѣ!

Съ трехъ сторонъ нась окружали сады со

склепами, прикрытыми отъ нашихъ глазъ неизбѣжными здѣсь кипарисами. А полянка, на которой мы расположились, точно нарочно оставлена для общей могилы. При этомъ послѣднемъ замѣчаніи нѣкоторые изъ нась морщатся, другіе находятъ въ немъ поводъ для смѣха и шутокъ.

Выходимъ на дорогу. Оттуда виденъ расположенный на холмикѣ городокъ—Кортэ. Это сердце Корсики и, къ тому же, географическій центръ. Плохо встрѣчаетъ нась Кортэ: небо хмурится, все обложено тучами, и у нѣкоторыхъ изъ нась даже пропадаетъ охота продолжать путешествіе. Погода много значитъ въ такомъ походѣ, какъ нашъ.

Съ радостью привѣтствуемъ открытіе первой харчевни (вѣдь еще только восьмой часъ утра!) и всей гурьбой вваливаемся туда. Согрѣваемся, сушимъ сырую одежду. За большой чашкой горячаго кофе снова приходимъ въ доброе расположение духа. Этому способствуетъ и услужливость хозяевъ, милыхъ на удивленіе.

— Какъ вы думаете, долго ли будетъ идти дождь? — спрашиваемъ мы.

— Да все утро продержится такая погода. Потомъ разойдется.

Намъ уже и не вѣрится: неужели когда-нибудь выглянетъ солнышко? Судя по небу, нѣтъ на то и намека.

Сидимъ въ харчевнѣ часъ, другой. Соскучились. Хозяинъ замѣтилъ это и подходитъ къ

Дорога въ Кортэ.

Павлу Федоровичу, предлагаетъ повести всѣхъ, показать намъ городъ.

— Кто идетъ съ нами осматривать городъ? — спрашиваетъ Павелъ Федоровичъ.

Намъ, хоть и хочется посмотретьъ, но не улыбается выходить на дождь: только обсохли вѣдь!

— Дожды! Не промокнемъ ли снова? — неувѣренно спрашиваемъ мы.

— Да развѣ это дождь, это... а впрочемъ, лучше оставайтесь, мы одни пойдемъ.

И Павелъ Федоровичъ направляется къ выходу. Конечно, всѣ сейчасъ же вскакиваютъ съ шумомъ съ мѣстъ и бѣгутъ за нимъ.

VIII.

Городокъ Кортэ отличается отъ другихъ городовъ Корсики не чистотою—онъ такъ же грязенъ, какъ и другіе; есть въ немъ другая характерная черта, которая придаетъ ему, именно, корсиканскій духъ — его дикость и неприступность.

Есть теперь въ Кортэ и новые кварталы съ домами современного стиля, но все-же не они задаютъ городу „тонъ“.

Высокіе, часто пятиэтажные, каменные домища, некрашенные, вѣроятно, вѣками, съ толщеными стѣнами и почти квадратными окошками, передъ каждымъ изъ которыхъ устроена отвод-

ная труба, куда выплескивают помои (высшее достижение корсиканской гигиены!). Вотъ общий видъ этого города.

Кортэ расположенъ на небольшой скалистой горѣ; дома разбросаны по склонамъ ея, а на самой верхушкѣ, надъ оврагомъ, гдѣ течетъ быстрая горная рѣчка, стоитъ неприступная крѣпость, прославившаяся безчисленнымъ количествомъ выдержаныхъ ею осадъ.

Крѣпость Кортэ всегда была послѣдней опорой, надеждой корсиканскихъ патріотовъ въ отчаянномъ сопротивлѣніи, которое они оказывали попыткамъ многихъ иноземцевъ завладѣть всѣмъ островомъ.

Мы забрались на террасу противъ крѣпостной стѣны (входъ въ самую крѣпость запрещенъ), смотримъ на былое убѣщище орловъ. Нашъ чичеронѣ, между тѣмъ, разсказываетъ:

— Двѣсти лѣтъ назадъ, когда крѣпость была въ рукахъ генуэзцевъ, и корсиканскіе патріоты во главѣ съ генераломъ Гаффори хотѣли ее освободить, генуэзцы захватили сына Гаффори и подвѣсили его надъ пропастью, надѣясь этимъ оградить себя отъ нападенія. Но Гаффори, противъ ихъ ожиданій, приказалъ штурмовать крѣпость и выгналъ генуэзцевъ, а сына къ великой своей радости нашелъ здравымъ и невредимымъ.

— Да, Гаффори былъ большимъ корсиканскимъ патріотомъ, но не менѣе патріотична была и его жена, какъ вы это сейчасъ увидите...

Спускаясь съ террасы, мы проходимъ маленькую, плохо вымощенную площадь, гдѣ стоитъ домъ самого Гаффори. Домъ такой же, какъ и остальные, кривой, съ выбитыми стеклами въ окнахъ и, вдобавокъ, со слѣдами бомбъ на стѣнахъ.

— Это воспоминаніе о томъ, — продолжаетъ пояснять корсиканецъ, — какъ въ 1750 году Faustina, жена генерала Гаффори, выдержала здѣсь осаду генуэзцевъ. По преданію, когда свои люди предлагали ей сдаться, она поднесла зажженный фитиль къ бочкѣ съ порохомъ, угрожая все взорвать, если защита будетъ прекращена. Благодаря ея геройскому поведенію, осажденные продержались до того времени, когда Гаффори подоспѣлъ на помощь и освободилъ своихъ.

Домъ этотъ интересенъ и тѣмъ, что въ 1768 году, какъ гласитъ памятная доска, въ немъ жилъ Карлъ Бонапартъ, отецъ Наполеона. Въ домѣ же рядомъ родился Жозефъ Бонапартъ, братъ Наполеона, будущій король Испаніи...

Есть еще, по близости отъ площади, и другой замѣчательный домъ съ громкимъ названіемъ „Palais National Corse“, по виду больше напоминающій казарму, чѣмъ дворецъ. Здѣсь жилъ одно время другой знаменитый герой Корсики— Паскаль Паоли и здѣсь же засѣдало его Национальное Корсиканское Правительство. Не одну осаду выдержало это зданіе — думается при

взглядѣ на этотъ „дворецъ“-сарай съ маленькими рѣшетчатыми окошками на высотѣ третьяго этажа.

Все въ этихъ старыхъ кварталахъ выглядитъ сурово и непривѣтливо. Можетъ быть потому, что накрапываетъ дождикъ? Но тутъ чувствуется воля, бодрость духа, великое желаніе независимости, готовность идти ради нея на безконечныя жертвы. Здѣсь проникаешься уваженіемъ къ корсиканцамъ за ихъ патріотизмъ, за ихъ вѣчную готовность защищать страну отъ пришлага иноzemца—„пинсuto“—до послѣдняго издыhanія.

IX.

Солнышко выглянуло ровно въ полдень, а черезъ полчаса тучи и вовсе разсѣялись, какъ предсказала намъ хозяйка харчевни. Вышло солнце, а вмѣстѣ съ нимъ вышли и мы въ путь-дорогу. Сегодня нашъ путь лежитъ на Калакуччіа. Путь далекій, а между тѣмъ, мы все еще не увѣрены, что будетъ хорошая погода. Въ горахъ часты дожди. Впереди же на двадцать километровъ пути попадется по дорогѣ лишь одна деревушка. Мы торопимся.

Сначала дорога поднимается въ гору, затѣмъ идетъ спускъ, а за мостомъ, черезъ горную рѣчку Голо, начинаются небезызвѣстныя мѣста—Ла Скала ди Санта Режина (La Scala di Santa Regipa)—скалистый хребетъ, по красотѣ своей

справедливо оспариваюшій первенствующее мѣсто у Каланковъ Піаны.

Мы идемъ по краю дороги, вдоль бурлящаго, со множествомъ пороговъ, Голо и, какъ въ Каланкахъ, удивляемся и восторгаемся прічудливыми формами скалъ.

— Какія дикія мѣста, какая грандіозность! — то и дѣло вырываются у насъ восклицанія.

Шестнадцать километровъ такой дороги.

Къ вечеру, мы уже въ Калакуччіи и, по совѣту жителей, идемъ искать ночлега... въ огородахъ, за деревней! Дуешь вѣтерокъ, но это уже не такъ страшно: лучше вѣтеръ, чѣмъ дождь — успокаиваемъ мы себя. Передъ тѣмъ, какъ ложиться, долго глядимъ на тройную макушку Монте-Чинто. Въ ночной темнотѣ жутко смотрѣть на высокую гору, самую высокую на Корсикѣ! Очень грозно выглядитъ она, и быстро бѣгущія подъ макушкой тучи какъ-то мало внушаютъ довѣрія. Что-то обѣщаетъ намъ завтра?..

2. . . на Монте-Чинто!

X.

Пятое сентября. Встали рано. Напились кофе, подкрѣпились и, оставивъ всѣ лишнія вещи въ одномъ отелѣ, захвативъ лишь по одѣялу, фуфайкѣ и на два дня провизіи, начали восхожденіе на гору. Дневника съ собой я брать не хотѣлъ, но мнѣ все-же всунули въ мѣшокъ нѣсколько листковъ бумаги и огрызокъ карандаша—имъ теперь и пишу.

Только что прошли послѣднюю у подножья горы деревушку, а теперь сдѣлали остановку въ лѣсочкѣ—всѣ, у кого нѣть палки, пошли срѣзать ее; какъ въ гору идти безъ палки?

По пути сюда я нашелъ на тропинкѣ подкову, ко мнѣ обращенную выгибомъ. Съ великой радостью поднялъ; говорятъ, къ счастью! Разглядѣлъ: подкова оказалась ослинной. Всѣ смеялись, и я хотѣлъ ее выбросить, но меня убѣдили сохранить, замѣтивъ, что здѣсь, на Корсикѣ, оселъ съ успѣхомъ замѣняетъ лошадь, такъ что здѣсь ослиная подкова то же, чѣмъ была бы лошадиная во всякомъ другомъ мѣстѣ. Подкову, на всякий случай, оставилъ, но въ глубинѣ души думаю, что это только лишній грузъ.

XI.

Говорятъ, мы находимся невдалекѣ отъ „бержери“—прикрытия для пастуховъ на случай непо-

годы, но гдѣ точно находится это „бержери“, никто намъ сказать не можетъ. Пастухъ, повстрѣчавшійся внизу, объяснялъ, какъ пробраться наиболѣе простымъ путемъ къ верхушкѣ Монте-Чинто, и говорилъ:

— Идите вдоль горной рѣчки, что будетъ сейчасъ за этой горой, и часа черезъ три пути набредете на „бержери“, а еще выше будетъ горное озеро Чинто—отсюда въ шести часахъ пути. Пройдя его, слѣдуетъ свернуть вправо и прямо подыматься до верха горы... Подъемъ требуетъ всего восьми часовъ.

Итакъ, судя по времени, сейчасъ мы должны быть гдѣ-то около „бержери“, но его не видно, а сидимъ мы покамѣстъ на дюжихъ, плоскихъ камняхъ и, свѣсивъ ноги въ ледяную воду горнаго потока, съ удовольствiемъ поѣдаемъ бутерброды. Аппетитъ у всѣхъ такой, что картино изобразить его можно лишь раскрытои пастью дракона. И не мудрено. Горный воздухъ уже самъ по себѣ способствуетъ этому, а тутъ еще считайте нашъ переходъ. Легко тому пастуху было говорить: „Идите вдоль берега рѣчки!“ А какъ идти, онъ намъ, небось, не сказалъ: дорожекъ нѣтъ, и крыльевъ нѣтъ у нась, чтобы летѣть надъ дикимъ кустарникомъ. Искололи, исцарапали всѣ ноги, пока дошли до этого мѣста, гдѣ сидимъ и гдѣ можно на другую сторону ручья перейти по камнямъ. А что еще нась ожидаетъ дальше?

Хотѣлось бы здѣсь оставаться подольше, слишкомъ ужъ печеть солнце. Но, говорятъ, задерживаться нельзя: путь невѣренъ и далекъ. Хотѣлось бы окунуться, и ручей около, но вода въ немъ ледяная—небезопасно.

Боже, какой, однако, зной!

XII.

Какой адскій холодъ!

Я еле держу карандашъ въ рукѣ, пальцы коченѣютъ. Не могу, какъ слѣдуетъ, сообразить, какъ мы попали сюда...

Кажется, шли все впередъ, сначала сквозь низкій дикій кустарникъ, скакали по камнямъ, а потомъ начался крутой подъемъ, стали карабкаться напрямикъ, на скалы... И вдругъ, когда уже были на большой высотѣ, подулъ такой леденящій вѣтеръ, что отъ силы его и отъ холода захватывало дыханіе.

Теперь мы на скалистомъ плоскогорье. Справа отъ насъ Монте-Чинто, слѣва—другая гора, чуть пониже, а прямо передъ нами, но еще много выше—„перевалъ“, откуда дуетъ этотъ вѣтеръ, прямо намъ въ лицо...

Бррр!..

Еще рано, солнце высоко. Почему же такой нестерпимый холодъ? И сказать, что всего лишь нѣсколько часовъ назадъ мы страдали отъ жары...

Нѣтъ, жара, право, сноснѣе холода! Бррр!..

Сидимъ всѣ, прижавшись спиной къ большому камню-скалѣ, такъ хоть какая-нибудь есть защита отъ злющаго вѣтра.

Павелъ Федоровичъ пошелъ самъ на развѣдку съ цѣлью подыскать убѣжище между скалъ. Говорить, что дальше сегодня идти безсмысленно и рискованно: до верху дошли бы лишь къ ночи, да и то—вопросъ, а если бы застряли не дойдя, то ночью замерзли бы непремѣнно. Однако, мнѣ лично перспектива провести ночь здѣсь, между скалъ, улыбается не больше.

А Монте-Чинто такъ близокъ! Кажется, за четверть часа достигъ бы вершины. Обманъ зреѣнія, конечно.

Павелъ Федоровичъ вернулся. Найти выше ничего не удалось: чѣмъ выше, тѣмъ камни мельче, а мѣстами—покрыты снѣгомъ. Рѣшено искать убѣжище поблизости. Отъ вѣтра и отъ мороза еле держимся на ногахъ. Если теперь не свалимся въ обрывъ, будетъ, по меньшей мѣрѣ, счастье... Павелъ Федоровичъ все время просить насъ держаться вмѣстѣ и самъ, какъ овчарка, забѣгаешь то въ одну, то въ другую сторону, слѣдя за всѣми и особенно за младшими и зна-ками предупреждая объ опасныхъ мѣстахъ.

XIII.

Большая скала и къ ней приставленный ребромъ огромный трехсаженный камень образуютъ

между собой нѣчто вродѣ пещеры. Съ западной стороны проходъ наполовину заваленъ камнями, съ восточной онъ совсѣмъ открытъ... Таково наше убѣжище. Мы нашли его чуть ли не въ ста метрахъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣли часъ назадъ. Рѣшено, что здѣсь останемся ночевать. Наши молодцы хотѣли сразу же развернуть одѣяла и лечь въ этой пещерѣ, но старшіе не позволили: „Замерзнете ночью“! Общими усилиями засыпали мелкими камнями проходъ, выходящій на западную сторону, откуда дулъ вѣтеръ. Теперь въ пещерѣ нѣтъ сквозняка, даже вовсе нѣтъ вѣтра. Это уже облегченіе, хотя холодъ отъ этого не меньше. Какъ мы будемъ спать— не знаю. Вѣроятно, и спать не придется, а проведемъ ночь такъ. Пока что, подкрѣпляемся консервами, это, къ тому же, и согрѣваетъ...

XIV.

Прекрасная идея: разжечь костеръ! Кто ее предложилъ, не помню, но всѣ съ радостью ее принимаютъ. Выползаемъ изъ убѣжища и, потирая руки отъ мороза, принимаемся ломать сухой кустарникъ. Старшіе ломаютъ, младшіе собираютъ и тащатъ къ пещерѣ. Четверть часа дружной работы, и передъ входомъ въ пещеру выростаетъ огромная куча сухого можжевельника. Какое счастье, что запаслись спичками!

...Съ трескомъ горятъ вѣтки. Въ дырѣ

нашей дымъ коромысломъ. Но зато можно согрѣть озябшіе члены. Теперь, когда стало чуть теплѣе, малые ребята раскладываютъ въ глубинѣ пещеры одѣяла, другими закутываются, стараются заснуть. Старшіе сгрудились у костра, подкладываютъ новые и новые вѣтки, жмурясь отъ Ѣдкаго дыма и поминутно выставляя голову на свѣжій воздухъ.

XV.

Солнце еще не зашло, ночь впереди. Ахъ, скорѣе бы она прошла! Вѣтеръ окончательно расшалился, воетъ со свистомъ. Вотъ-вотъ, кажется, сорветъ какую-нибудь отвѣсную скалу и пустить ее внизъ, на далекую деревню.

Время тянется безконечно медленно. Вотъ ползетъ тѣнь по дальнимъ горамъ, медленно покрыла ихъ. Теперь все окутано дымчатой синевой, на небѣ показалась блѣдная звѣздочка... Горы, всюду вокругъ горы, а внизу — далеко, далеко — долина. Вѣтеръ, который жутко завываетъ, прорывается межъ скалъ. Сознаніе полной нашей одинокости навѣваетъ на меня тоску. А глянешь на высокія черныя вершины Чинто, и снова, какъ вчера, чувствуешь жуть...

XVI.

У меня невыносимая боль въ головѣ. То ли продуло на вѣтру, то ли дымъ отъ костра

подъистровалъ? Ложусь на припасенные вѣтки, закрываю глаза въ надеждѣ уснуть, задремать. Возлѣ меня сидитъ Павелъ Федоровичъ, тихо переговаривается съ остальными бодрствующими: хватить ли вѣтвей до утра? Это—главная сей-часъ забота. Вѣдь самый сильный холодъ впереди. А теперь уже поздно идти за новыми вѣтвями: въ темнотѣ сорвешься, разобьешься...

Изрѣдка открываю глаза, вижу чистое звѣздное небо. Медленно подвигается впередъ часовая стрѣлка. Изъ глубины пещеры выползаетъ очередной изъ молодыхъ:

— Не хочу больше спать, холодно! Хочу у костра посидѣть.

Онъ озябъ, дрожитъ. Сажаемъ его поближе къ огню; я лѣзу на его мѣсто и забываюсь тяжелымъ сномъ...

XVII.

Шестое сентября.

— Юрій, вылѣзай скорѣе! Скорѣе, скорѣе! Сейчасъ солнце выйдетъ!

Уже утро? Такъ не вѣрится, что эта ночь могла когда-нибудь кончиться! Тѣмъ не менѣе, уже совсѣмъ свѣтло, небо блѣдно; блѣдны послѣднія звѣзды.

— Да иди же къ выходу, смотри, какая прелесть!

Поднимаюсь, подползаю къ выходу пещеры

и, какъ очарованный, смотрю на удивительное и рѣдкое зрѣлище.

Прямо передо мной на востокѣ все небо въ узенькихъ розоватыхъ полоскахъ: то тучки на горномъ горизонѣ уже освѣщены невидимымъ намъ еще солнцемъ. Потомъ розовой пеленой покрывается часть неба; краски на тучкахъ становятся все болѣе неустойчивы: они перемѣшиваются, играютъ и, все болѣе румянѣясь, представляютъ безконечное множество оттѣнковъ. А прямо напротивъ, за макушкой горы, все ярче и ярче пылаетъ небесное пламя; вотъ, ужъ и глазамъ становится больно смотрѣть. И въ это время, оттуда пробивается и пронизываетъ насть первый лучъ восходящаго солнца. Еще мгновеніе—и медленно начинаетъ выплывать огненный шаръ...

— „Восходъ“ привѣтствуетъ восходящее солнце! — торжественно провозглашаетъ подъ веселыя восклицанія Павель Федоровичъ.

Мнѣ вспоминается, какъ уже однажды мы такъ же стояли на высокой горѣ, привѣтствовали восходъ солнца и тѣ же слова произнесъ Павель Федоровичъ. То было въ Швейцаріи, восемь лѣтъ назадъ. „Восемь лѣтъ назадъ!“ — мелькаетъ у меня въ головѣ. Право, я начинаю вѣрить, что наша дружная семья будетъ долго существовать. И черезъ много, много лѣтъ, пусть не мы, но пріемники наши, также скажутъ: „Восходъ“ привѣтствуетъ восходъ солнца!“

Да и сейчасъ, всѣ ли „Восходцы“ въ сборѣ? Многихъ сегодня нѣтъ съ нами; инымъ работа не позволила поѣхать вмѣстѣ; Коля въ далекихъ краяхъ, за солнцемъ—никогда его больше не увидимъ. А гдѣ Женя? Бѣдный Женя, пропавшій однажды безъ вѣсти! Не всѣ здѣсь, съ нами, но зато всѣ мы душою съ отсутствующими, и шлемъ имъ отсюда горячій дружескій привѣтъ въ этотъ торжественный для „Восхода“ часъ.

Зрѣлище кончилось, но у меня, да и у всѣхъ насъ, оно надолго останется въ памяти. Въ сердцѣ моемъ все поетъ и играетъ. Мнѣ почему-то весело, очень весело! Хочется прыгать, скакать . . .

XVIII.

Съ восходомъ солнца мы пускаемся въ путь. Тамъ, сидя въ пещерѣ, казалось, что вѣтеръ утихъ. Но, чѣмъ выше поднимаемся, тѣмъ болѣе онъ даетъ о себѣ знать. Зато сегодня мы бодры, весело взбираемся на холодныя скалы. Справа и слѣва—снѣгъ!

Озеро... Гдѣ же озеро, о которомъ вчера намъ говорилъ пастухъ? Оно должно быть здѣсь: откуда же несся бы горный потокъ? Опредившіе меня вдругъ возвѣщаютъ о немъ криками:

— О... о... — доноситъ мнѣ вѣтеръ.

„Озеро“—догадываюсь я, и торопливо карабкаюсь въ высъ.

И, вотъ оно, передо мной, озеро Чинто, тихое, не освѣщенное еще лучами солнца. Оно расположено какъ бы въ кратерѣ потухшаго вулкана, точно въ круглой каменной мискѣ. Молча любуемся имъ. Кто-то замѣчаетъ:

— Должно быть, пріятно въ немъ выкупаться.

У меня пробѣгаютъ мураски по тѣлу. И безъ того холодъ немалый, а тутъ, на-те вамъ, пріятно выкупаться!

Отъ озера начинается самая трудная часть подъема. Передъ нами или скалы, почти отвѣсныя, или насыпь изъ булыжниковъ, которые, чуть только ступишь на нихъ, ручьемъ лютятся внизъ—берегись, кто подо мной лѣзеть! И вдобавокъ, вѣтеръ, противный вѣтеръ, то прижимающій насъ къ утесу, то срывающій насъ такъ, что мы валимся, буквально валимся съ ногъ.

Неужели мы не доберемся до макушки? Терь? Надо, надо! Еще сотня метровъ, еще послѣднее усиление...

И вотъ, наконецъ, она—вершина Монте-Чинто, наивысшая точка Корсики! Я пытаюсь крикнуть „ура“, но не слышу своего голоса: вѣтеръ вырываетъ мой возгласъ, уносить его и съ остервенѣніемъ разбиваетъ о ближайшія скалы. Стоящіе подлѣ меня знаками призываютъ смотрѣть внизъ. Гляжу—никакъ, море видно вдали? Оборачиваюсь — всюду вижу кругомъ далеко море! А ближе: горы, холмы, низменности. Весь

островъ передо мною, какъ на ладони. Нѣ сколько мгновеній стою, любуюсь панорамой, но затѣмъ больше не выдерживаю: вались на камни. Вѣтеръ такъ и норовитъ скинуть въ пропасть. Слѣдую примѣру другихъ и прижимаюсь къ камнямъ. Дрожа отъ холода, ждемъ остальныхъ.

Наконецъ, подползаютъ на четверенькахъ и они. Молча снимаетъ Павель Федоровичъ со спины мѣшокъ и достаетъ оттуда полотнище. Оно почти безцвѣтно, но мы узнаемъ его: русскій флагъ, безсмѣнно въ теченіи почти десяти лѣтъ сопутствующій намъ во всѣхъ лагеряхъ и походахъ. Краски уже выцвѣли, поблѣднѣли, но вѣдь это нашъ „боевой“ флагъ.

Съ уваженіемъ, съ благоговѣніемъ, съ мыслью о далекой своей родинѣ, раскрываемъ полотнище и высоко поднимаемъ его надъ вершиной Монте-Чинто. Вѣтеръ бьетъ его, старается вырвать изъ рукъ, но мы держимъ крѣпко.

Ура-а! Побѣда за нами!

Таковъ апофеозъ нашего восшествія на „пупъ“ Корсики!

XIX.

Теперь... Стоитъ ли разсказывать о быстромъ обратномъ спускѣ, правда, съ приваломъ на снѣгу, гдѣ наши молодцы, поснимавъ рубашки, „согрѣвались“, растираясь снѣгомъ, или перекидывались снѣжками?

Это въ началѣ сентября, совсѣмъ еще лѣтомъ!

Стоить ли рассказывать о возвращеніи изъ Калакуччі въ Кортэ, куда нась подвезъ пустой грузовикъ, забравъ всю нашу компанію съ пол-дороги? О путешествіи изъ Кортэ въ Аяччіо?..

Все это, можетъ быть, и интересно, какъ бываетъ иногда интересенъ эпилогъ романа, но самая драматическая часть уже позади и самому дѣйствію конецъ.

„...А всѣ дѣйствующія лица вернулись живыми и здоровыми, снова поселились въ городкѣ Аяччіо, отыхаютъ и веселятся, набираются новыхъ силъ и частенько вспоминаютъ о своемъ смѣломъ и героическомъ походѣ“.

Кажется, такъ у серьезныхъ романистовъ принято кончать повѣстований?

Бандиты чести на Корсикѣ и драма недавнихъ лѣтъ.

Tant que le monde existera
Des bandits corses il y en aura
Sus aux gendarmes et mort aux trai  res,
Nous aurons toujours pour les apprivoiser
Des „calibre 12“ et des balles blind  es.

(Изъ пѣсни послѣднихъ
корсиканскихъ бандитовъ).

1.

Корсика, патріархальная страна пастуховъ, издавна почиталась страной бандитизма. Расположеніе острова, сравнительно далекаго отъ континента, и его дикая поверхность: горы, скалы, густые лѣса, непроходимые кустарники—„маки“—въками способствовали культивированію бандитизма.

Корсика до недавняго времени, да, пожалуй, и теперь, соединялась въ нашемъ сознаніи со словами: бандитъ и вендетта (мѣсть). Такъ же, какъ Чикаго насытъ наводить на мысль о гангстерствѣ, или Монте-Карло заставляетъ думать о рулеткѣ.

Но эти сравненія требуютъ и оговорки. Тогда какъ представляющій Чикаго гангстеръ вызываетъ у насъ отвращеніе; тогда какъ рулетка, символизирующая Монте-Карло, наводить на насъ мысли о низшихъ инстинктахъ—мысль о корсиканскомъ бандитѣ, особенно для юношей, соеди-

няется съ высокими порывами души, съ отвагой, сильными страстями и геройствомъ.

„Il bandito di onore e di vendetta!“—Какъ отдастъ отъ этихъ словъ средневѣковьемъ, донъ-кихотствомъ!

А вѣдь въ нашъ вѣкъ очень и очень чувствуется потребность въ романтизмѣ, идеализмѣ, пусть и въ донъ-кихотствѣ, и даже предпочтительно въ донъ-кихотствѣ.

Вотъ отчего корсиканскій „бандитъ чести“, уже по одному своему имени, въ которомъ фигурируетъ слово „честь“, вызываетъ (точнѣе, вызывалъ въ прошломъ) нашу симпатію.

Сколько разсказовъ о нихъ передается изъ устъ въ уста. И сколько яркихъ страницъ имѣется о нихъ въ литературѣ: кто не читалъ замѣчательныхъ повѣстей Проспера Меримѣ— „Коломбу“ и „Маттео Фальконѣ“? Корсиканскіе бандиты чести издавна пользовались популярностью. Ихъ жизнь перешла въ легенды.

2.

Откуда брались до послѣдняго времени бандиты чести, какимъ образомъ на протяженіи вѣковъ пополнялись ихъ кадры?

Для объясненія приведу нѣсколько заповѣдей, установленныхъ вѣковой традиціей, которыя строго чтутся каждымъ корсиканцемъ:

У фонтана.

„— Корсиканецъ не долженъ сносить или забывать оскорблений.

— Оскорблениe можетъ быть смыто только кровью.

— Месть должна быть полной. Мщеніе подобно блюду, которое можно ъсть въ холодномъ видѣ. Поэтому, обдумай свою месть прежде, чѣмъ начинать дѣйствовать, а затѣмъ дѣйствуй хладнокровно.

— Можешь мстить по своему усмотрѣнію всякому представителю рода, въ которомъ течетъ кровь тебя оскорбившаго.

— Въ мщеніи ты можешь прибѣгать къ услугамъ своихъ близкихъ, но не принимай помощи отъ постороннихъ, даже если они принадлежать къ твоей же „pieve“ (pieve—церковный приходъ)“.

И все въ такомъ родѣ.

И такъ, одна изъ основныхъ заповѣдей корсиканца—прямое отрицаніе всякаго вмѣшательства представителей писанного закона въ урегулированіе взаимоотношеній между отдельными лицами, или кланами.

Корсиканецъ слѣдуетъ своимъ заповѣдямъ и не желаетъ признавать никакой иной, завезенной къ нему съ континента, морали. Въ тѣхъ случаяхъ, когда его неписанный законъ находится въ противорѣчіи съ французскимъ закономъ, корсиканецъ, ни минуты не колеблясь, будетъ дѣйствовать соответственно своему закону. Пусть

его дѣйствіе будетъ казаться съ точки зрењія французскаго закона преступленіемъ, онъ въ немъ преступленія не признаѣтъ, а потому не желаетъ быть судимымъ. Его будутъ преслѣдоватъ—онъ укроется. Онъ станетъ бандитомъ, но будетъ называть себя бандитомъ чести.

Въ каждомъ новомъ бандитѣ чести можно видѣть проявленіе характера корсиканца, того характера, который всегда былъ причиной всѣхъ его бѣдъ. У корсиканца очень остро развито чувство чести, вѣрности данному слову; это чувство соединяется у него съ большой вспыльчивостью, непримиримостью и мстительностью; при этихъ данныхъ немного нужно, чтобы совершилось непоправимое.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ корсиканецъ становится бандитомъ изъ-за пустяка, „per una reccadilla“,—какъ онъ самъ выражается. Вотъ примѣръ:

Живетъ въ Сартенѣ нѣкій Милалири; живетъ на окраинѣ города, безъ семьи, одинокій, всѣхъ сторонясь, и имѣя лишь пса, своего единственнаго друга, котораго онъ обожаетъ. Однажды, когда онъ идетъ съ собакой за покупками, она, привлеченная, видимо, запахомъ мяса изъсосѣдней мясной, заглядываетъ въ нее. Мясникъ, не любящій этого, выставляетъ ее ударомъ сапога. Милалири, возмущенный такимъ отношеніемъ къ любимому животному, вступаетъ въ споръ съ мясникомъ. Еще минута, и возникаетъ

драка; затѣмъ, ударъ, который сваливаетъ мясника на землю. Неудачное паденіе, разбитый о камень черепъ, и вотъ, Милалири, потерявшій голову, бѣжитъ за городъ, въ ближайшія маки.

Или, вотъ еще, дебютъ знаменитаго Романетти. Романетти, работающій у фермера, крадетъ у хозяина корову. Очень она ему понравилась. Хозяинъ его преслѣдуется. Тогда Романетти предлагаетъ ему возмѣстить убытокъ деньгами. Деньгами? Хозяинъ возмущенъ. Ему нужны не деньги, а его собственная корова. Соглашенія не происходитъ, и Романетти, невозвратившему коровы, остается одно — бѣжать въ маки.

А чаще всего, дѣло обстоитъ и того проще. Сидитъ корсиканецъ въ кабачкѣ, веселится, пьетъ. И вдругъ, до его уха долетаютъ слова, оскорбляющія честь отсутствующаго его друга. „Какъ, моего друга посмѣли оскорбить?“ И онъ — воплощенное возмущеніе — въ ярости, со сжатыми кулаками кидается къ обидчику. И опять драка. Она, быть можетъ, кончилась бы примиреніемъ, такъ какъ вспыльчивость скоро проходитъ, но тутъ, какъ на зло, являются блюстители порядка. Они разнимаютъ дерущихся, даже готовятся надѣть наручники. — Ахъ, такъ! И оба врага выхватываютъ револьверы, стрѣляютъ въ жандармовъ, убиваютъ ихъ, или ранятъ, а затѣмъ оба скрываются въ маки. Они уже примирились, они снова друзья, но непоправимое совершено.

Ихъ преслѣдуетъ законъ. До конца дней надъ ними будетъ тяготѣть обвиненіе въ убийствѣ.

— Эхъ, зачѣмъ явились тогда жандармы? — не можетъ успокоиться бандитъ чести. Чего бы онъ ни далъ, дабы исправить свою ошибку! Отдать себя въ руки властей? Нѣтъ! Только не это! — таковъ ужъ характеръ корсиканца: быть судимымъ онъ почитаетъ за безчестіе!

И онъ предпочитаетъ самовольно и добровольно сѣсть въ другую тюрьму, въ ту тюрьму, которая можетъ казаться волей, а на самомъ дѣлѣ — страшное заключеніе, и которая тутъ называется „la macchia“ (маки).

3.

Бѣжать въ маки легко, но не такъ легко тамъ жить, особенно вначалѣ. Вновь попавшій въ маки человѣкъ долженъ опасаться всѣхъ и вся. За нимъ гонятся жандармы, его въ это время можетъ каждый встрѣтившій его человѣкъ нечаянно выдать; онъ страдаетъ отъ голода и не рискуетъ спуститься въ деревню. Спать приходится въ кустахъ, рѣдко въ пещерахъ. Питаться — каштанами, травами...

Въ эти первыя недѣли и решается его участъ: или онъ нечаянно попадается жандармамъ, или самъ, не выдержавъ голодовки и лишений, постояннаго нервнаго напряженія, придетъ и отдастся въ ихъ руки. Или же онъ сумѣетъ преодолѣть

всѣ бѣдствія этого периода, перетерпить и стать настоящимъ бандитомъ чести.

Такой периодъ испытаній, игры въ маки со смертью, длится двѣ—три недѣли. Рѣдко, больше. Ибо, у жандармовъ пыль къ этому времени охлаждается, охота на человѣка сама собой прекращается, и власти выжидаютъ, чтобы кто-нибудь донесъ на бандита, указавъ его мѣсто-пребываніе, на что, однако, рѣдко кто рѣшается, боясь заслужить проклятие всѣхъ жителей.

Къ этому времени бандиту чести уже нечего опасаться доноса со стороны кого-либо, ибо такой бандитъ, выдержавшій испытаніе, уже начинаетъ пользоваться, какъ человѣкъ, всеобщимъ уваженіемъ. Больше того, жители начинаютъ теперь любить бандита чести, жалѣютъ его: „онъ, несчастненький, попалъ въ бѣду!“ И они съ готовностью снабдятъ его теперь одеждой, вооружатъ для защиты отъ жандармовъ или рѣдкихъ шплюновъ, накормятъ, напоятъ и дадутъ провизіи въ прокъ. Для бандита чести начинается жизнь болѣе сносная и, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, сумѣлъ себя зарекомендовать человѣкомъ честнымъ и смѣлымъ, для мирныхъ жителей онъ является словно высшимъ существомъ, къ которому слабый обратится за защитой, и на судъ которого подчасъ несутъ свои дѣла неполадившіе крестьяне. Его уважаютъ, не боясь. Ему никто не отказываетъ въ гостепріимствѣ, ибо это долгъ каждого корсиканца. Никто не стыдится назвать

себя его другомъ. Спустится ли онъ въ деревню, появится ли на дорогѣ или повстрѣчается съ кѣмъ-нибудь, его никто не станетъ сторониться. Всѣ дома открываются передъ нимъ, его охотно принимаютъ. Онъ можетъ въ общей компаніи пить, играть, веселиться. Его не выдадутъ. И только когда на горизонтѣ появятся жандармы, о чёмъ его предупредять друзья, онъ снова долженъ будетъ бѣжать въ маки, въ свой „*palazzo verde*“, зеленый дворецъ, и пережидать тамъ ихъ ухода.

Съ давнихъ поръ уйти въ маки, быть „*alla campagna*“, быть бандитомъ, не считалось позорнымъ. Вендетта строго соблюдала всѣ правила чести. „*Garde—toi, je te garde!*“—таковы были слова, которыми начиналась месть. Какъ средство мести, вендетта исключала нападенія, соединенные съ кражей. Въ вендеттѣ часто были замѣшаны цѣлые семьи, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Въ такой обстановкѣ властямъ трудно было вмѣшиваться въ нее.

Таковъ былъ характеръ корсиканскихъ бандитовъ чести! Тѣхъ самыхъ бандитовъ, которые дали пищу столькимъ легендамъ, столькимъ страшнымъ героическимъ и захватывающимъ разсказамъ, которые намъ было мило слушать, или читать.

Такъ было почти до тысяча девятьсотъ тридцатаго года!

Констатировавъ лишній разъ ставшее общимъ мѣстомъ положеніе, что за послѣднія два десятилѣтія уровень морали и безусловной, и условной—чрезвычайно понизился во всемъ мірѣ, скажемъ, что не избѣжала этого и Корсики. Главнѣйшею причиной явилась, конечно, война. Много корсиканской молодежи участвовало въ ней и на службѣ въ тылу, и въ колоніяхъ. Нравы и обычаи своей родины, для увидѣвшихъ иные края, стали чуждыми. По возвращеніи ихъ въ родную страну—прицѣлъ ихъ продолжалъ быть мѣткимъ, кровь оставалась такою же горячей, но чувства и понятія стали уже не прежнія.

Съ теченіемъ времени, въ среду бандитовъ чести стали попадать вульгарные проходимцы и просто жулики.

Сначала никто не хотѣлъ вѣрить, что бандитизмъ чести началъ замѣняться простымъ разбойничествомъ. Газеты, журналы, искавшіе матеріала для репортажа, да и снобизмъ туристовъ—пожелали поддерживать, вмѣстѣ съ бандитами, разбойниками съ большой дороги, легенду о благородныхъ корсиканскихъ бандитахъ чести.

Однако, разбойничество, явленіе, прежде совершиенно чуждое духу корсиканского бандитизма и явно наносное, быстро приняло такие размѣры, что настоящіе, оставшіеся еще въ маки, немногіе старые бандиты чести совершенно были

забыты и забиты новыми, молодыми бандитами, получившими сразу прозвище— „dei banditi percittori“.

Все чаще и чаще стали сообщать газеты не о вендеттѣ, а о нападеніи на того или на другого коммерсанта съ цѣлью грабежа, о нападеніяхъ на туристовъ, на жителей. Сперва грабежи, а потомъ убійства и безъ конца убійства!

Дѣло дошло до того, что и жители острова стали видѣть въ каждомъ бандитѣ, уже безъ разбора, лишь насильника и разбойника. Среди самихъ корсиканцевъ слово „бандитъ“ перестало вызывать къ его носителю чувствауваженія и любви, какъ было прежде, и смѣнилось острымъ озлобленіемъ. И озлобленію этому было не мало причинъ.

5.

Разбойничій бандитизмъ родился при Романетти. Ставшій затѣмъ всемірной извѣстностью, Романетти былъ сначала малозамѣтной личностью, маленькимъ бандитомъ чести. Вскорѣ, однако, у юноши завелись друзья, занимавшіеся разбоемъ и имѣвшіе отъ этого большой доходъ. Юноша соблазнился легкой наживой и однажды предложилъ мирнымъ жителямъ всего округа собрать для него нѣкоторую сумму денегъ. Собрали. А собравъ деньги разъ, уже должны были собирать всякий разъ, какъ того требовалъ обнаглѣвшій бандитъ. Введя такимъ образомъ въ

практику бандитовъ обложеніе жителей данью, Романетти зажилъ такъ, какъ не живали до него бандиты чести. Къ нему стали стекаться со всѣхъ концовъ острова люди, предлагавшіе услуги, въ надеждѣ избавиться самимъ отъ новой податной системы и нажиться подъ опекой славнаго бандита. Романетти, любившій почести, окружилъ себя многочисленной шайкой друзей, мелкихъ жуликовъ и большихъ подлецовъ, совершенно ему преданныхъ, и не прошло пяти лѣтъ, какъ онъ былъ провозглашенъ королемъ маки. Властолюбивый, онъ, однако же, не удовлетворился этимъ титуломъ: онъ загорѣлся желаніемъ стать законнымъ правителемъ острова. Онъ избралъ для этого путь, наиболѣе отвѣчавшій его характеру. Съ присущей ему дерзостью, Романетти предложилъ подавать за него голосъ на предстоящихъ выборахъ въ муниципальный совѣтъ и стать проводить своеобразную предвыборную кампанію. Чтобы завоевать всеобщую популярность, онъ сталъ дѣлать пріемы, крутилъ въ маки фильмъ изъ своей „героической“ жизни. Сохранилось письмо Романетти къ директору городского театра въ Аяччіо, въ которомъ бандитъ предлагаетъ поставить оперу „Фра Діаволо“ со своимъ личнымъ участіемъ въ роли Фра Діаволо. Вѣроятно, Романетти надѣялся своимъ голосомъ обезоружить своихъ политическихъ враговъ. Спектакль, однако, не состоялся, такъ какъ друзья бандита, испугавшіеся слишкомъ большого скан-

дала, уговорили его отказаться отъ этого намѣренія.

Романетти сталъ всячески подрывать престижъ властей. Одинъ корсиканецъ разсказывалъ мнѣ такой случай. Однажды машина префекта Аяччіо, совершившаго инспекціонную поѣзdkу, была остановлена въ лѣсу Вицзавоны. Предъ нимъ предсталъ Романетти.

— Господинъ префектъ, не обезсудьте; у меня величайшее желаніе пройтись съ вами въ лѣсъ по грибы. — И видя, что префектъ колеблется, Романетти саркастически замѣтилъ:

— Будьте совершенно спокойны. Здѣсь вы подъ моимъ покровительствомъ . . .

На слѣдующій день, — разсказывалъ корсиканецъ, — мы увидѣли выставленную во многихъ витринахъ магазиновъ фотографію, изображающую бандита Романетти, шагающаго подъ руку съ префектомъ, съ кошолкой для грибовъ въ рукѣ. И корсиканецъ рылся въ комодѣ, доставалъ и показывалъ мнѣ доказательство своихъ словъ, засиженнюю мухами фотографію, произведшую въ свое время на островѣ такую сенсацію.

Блестяще начавшаяся избирательная кампанія Романетти закончилась, однако, для него худо: у Романетти появились политические враги, которые его и убили въ 1926 году, избавивъ Корсику отъ первого бандита—собирателя податей. Сторонники бандита устроили своему благодѣтелю

славные похороны. Катафалкъ утопалъ въ цвѣ-
тахъ, а на родину бандита въ Калгатоджіо его
проводили до восьмидесяти автомобилей.

6.

Въ Зеленомъ Дворцѣ тронъ *bonvivant'a* Рома-
нетти унаслѣдовалъ мистически настроенный
Андреа Спада.

Спада, состоявшій до того лейтенантомъ Романетти, былъ съ нимъ связанъ личной друж-
бой, окруженіе же Романетти было ему вовсе не
по сердцу, и послѣ смерти шефа онъ всячески
старался отмежеваться отъ назойливаго „двора“.
Онъ уединился въ провинцію Синарки, людей
не грабилъ, а только убивалъ, и относился къ
своему занятію съ такой серьезностью и съ такой
увѣренностью въ своей правотѣ, что вызывалъ
у большинства жителей уваженіе. Онъ писалъ
наставленія для дѣтей и поученія блюстителямъ
закона, сочинялъ акафисты Богоматери, хранилъ
въ своемъ домѣ до сотни распятій наряду съ
арсеналомъ оружія и патроновъ. Трижды при-
сужденный заочно къ смертной казни, онъ сдался
карательной экспедиціи въ 1931 году, выйдя изъ
маки навстрѣчу жандармамъ съ большимъ кре-
стомъ на груди, и кончилъ жизнь на эшафотѣ
весною 1935 года.

Окружение Романетти нашло себѣ хозяевъ въ лицѣ иныхъ звѣрей дикаго маки, двухъ Кавильоли, Торре, Борнеа и Перфеттини.

Кавильоли старшій, бывшій прежде солдатомъ колоніального войска, былъ, говорятъ, настоящимъ пугаломъ, и его же друзья чувствовали себя неважно въ его присутствіи. Съ вытекшимъ глазомъ, съ лицомъ, изуродованнымъ пулями ненавидѣвшаго его Спады, и перекошеннымъ вѣчной злобой, онъ ежедневно приговаривалъ къ смерти неподчинившихся жертвъ и наводилъ ужасъ и на своихъ приближенныхъ, и на мирныхъ жителей. Меня увѣряли, что Кавильоли поклялся мстить обществу за то, что былъ созданъ звѣремъ. И дѣйствительно, вся его карьера на поприщѣ бандита заключается въ серіи убийствъ и разрушеній, содѣянныхъ имъ часто безъ всякой для себя пользы. Онъ находилъ удовлетвореніе въ перерѣзываніи телографныхъ проводовъ, въ наложеніи вето на охоту въ мѣстахъ, кишащихъ дичью. Онъ любилъ приходить со своей шайкой раннимъ утромъ въ деревню и будить жителей выпущенными въ воздухъ залпами, и все это ради того, чтобы видѣть перепуганныя лица крестьянъ, наспѣхъ одѣвавшихся и прибѣгавшихъ узнать, чѣмъ они могутъ ему у служить. Униженія людей, боявшихся звѣря, ему совершенно кружили голову, и онъ зачастую

устраивалъ кровавыя оргіи, сдабриваемыя виномъ и серебромъ.

Кавильоли, про которого говорили, что онъ еще при жизни отдалъ душу дьяволу, кончилъ жизнь на той самой дорогѣ близъ Сагоны, гдѣ онъ такъ часто орудовалъ, попавъ въ западню, разставленную ему жандармами.

8.

Жанъ Баптистъ Торре и Туссэнъ Кавильоли младшій были самыми молодыми бандитами острова изъ плеяды бандитовъ - разбойниковъ. Первому было всего лишь 22 года, а второму 18 лѣтъ, когда они стали всюду сопутствовать Кавильоли старшему, соблазнившему ихъ на это страшное ремесло. Отъ ихъ руки и послѣ смерти Кавильоли старшаго кровь невинныхъ лилась широкими потоками, вплоть до прибытія на островъ карательной экспедиціі.

Особенно трагична была судьба молодого Кавильоли, племянника старшаго. Въ юности онъ работалъ шассеромъ въ „Отель Иностранцевъ“ въ Аяччіо. Интригами и провокацией дядюшка заставилъ его уйти съ нимъ въ маки. Послѣ первого преступленія, убийства одного фермера, возврата къ прежней работѣ уже не было. Впрочемъ, молодой Кавильоли посѣтилъ однажды своихъ прежнихъ хозяевъ, чтобы привѣтствовать ихъ и еще... чтобы потребовать у хозяина гостин-

ницы десять тысячъ франковъ въ счетъ послѣдняго мѣсяца работы на должности шассера. Такъ научилъ его дядюшка, мило предупредившій, что если юноша вернется безъ денегъ, то не проживетъ и двухъ дней. Хозяинъ гостинницы безъ долгихъ разговоровъ выдалъ деньги—онъ зналъ, какъ напрасно было бы обращеніе за помощью къ властямъ.

9.

Лѣто 1928 года. Аяччіо, площадь Діамантъ. Толпы народа, апплодисменты, привѣтственные крики со всѣхъ сторонъ.

— Это Бонарди, — кричатъ одни.

— Нѣтъ, это—Борнеа! — кричатъ другіе.

— Борнеа! Борнеа! Браво!

Кончался велосипедный пробѣгъ вокругъ Корсики. Къ финишу легко катитъ большая фигура, красиво сложенного атлета.

— А ну, Франсуа, нажми еще! Послѣдніе сто метровъ...

И вотъ онъ, Франсуа Борнеа, миновавъ линію „арривэ“, легко соскакиваетъ съ велосипеда побѣдителемъ Чемпіоната Корсики, у подножія памятника другому славному герою—Наполеону Бонапарту.

Друзья подхватываютъ его на руки, сыпятся цветы, поцѣлуи, безконечныя поздравленія должностныхъ лицъ подъ несмолкаемыя рукоплесканія несмѣтной толпы и звуки фанфаръ.

Памятникъ Наполеону—Римскому Императору, окруженному четырьмя своими братьями, казалось, соучаствовалъ въ этомъ общемъ энтузіазмѣ. Тотчасъ же побѣдитель вырываются изъ объятій своихъ поклонниковъ, подбѣгаешь къ памятнику и возлагаетъ у подножія его полученные цветы. Этотъ жестъ, дань уваженія побѣдителя великому Императору, вызываетъ взрывъ новыхъ восторженныхъ привѣтствій.

Кто изъ этихъ восторженныхъ зрителей повѣрилъ бы въ этотъ мигъ, что этотъ юноша съ открытымъ лицомъ и съ дѣтской улыбкой, сегодняшній всеобщій любимецъ, черезъ два года будетъ объявленъ виѣ закона и его будетъ преслѣдовать цѣлая армія „охотниковъ на людей“?!

10.

Родился Борнеа въ 1905 году въ деревушкѣ Кампо, которая дала Франціи трехъ маршаловъ и десятокъ генераловъ и гдѣ жилъ постоянно известный корсиканскій патріотъ, Сампіеро Корсо.

Послѣ заграничнаго путешествія въ качествѣ моряка военного флота, Борнеа вернулся на Корсику. Красавецъ собою, любитель легкой жизни, онъ сталъ жандармомъ, но не могъ привыкнуть къ этому ремеслу, не дававшему ему того, къ чему стремилась его душа. Полѣнившись однажды составить протоколъ на одного молодого человѣка, охотившагося безъ разрѣшенія, онъ просто

его убилъ. Чтобы не отвѣтить передъ властями и начальствомъ—ушелъ въ маки. Не уступая другимъ бандитамъ въ количествѣ совершенныхъ убийствъ, онъ не уступалъ имъ и въ разбойничествѣ, грабя всѣхъ, кто только попадался ему навстрѣчу. Печальную жизнь этого бывшаго моряка, чемпиона и жандарма прервала все та же карательная экспедиція.

11.

Плеяду кровавыхъ разбойниковъ завершаетъ знаменитый Жозефъ Бартоли—красавецъ, злой человѣкъ и подлый убийца, жуликъ и негодяй, побившій всѣ рекорды разбойничьяго бандитизма.

Бартоли родился въ 1902 году въ Палнѣка. Къ двадцати двумъ годамъ онъ бѣжалъ въ маки, ставъ бандитомъ вслѣдствіе убийства въ ссорѣ资料 одного моряка. Вначалѣ онъ былъ бандитомъ чести. Но, съ тѣхъ поръ, какъ въ маки къ нему присоединился его кузенъ Сантони (впослѣдствіи его и убившій) и апашъ изъ Марселя—Перфеттини, Бартоли измѣнился до неузнаваемости.

Ихъ первымъ общимъ преступленіемъ было нападеніе на старуху-фермершу, къ которой они явились вооруженные до зубовъ, чтобы потребовать нѣсколько сотъ франковъ. Бѣдная женщина отдала все, что имѣла, и не рѣшилась ничего

сообщить властямъ, такъ какъ была напугана бандитами.

Нѣсколько времени спустя, Бартоли со своими адъютантами нападаетъ на англичанина-доктора, у которого онъ когда-то бесплатно лечился. Нападеніе было совершено близъ Аяччо, въ мѣстечкѣ Портиччіо, на противоположномъ берегу залива. Бандиты забрали на нѣсколько тысячъ денегъ и драгоцѣнностей. Это первое нападеніе на иностранца подняло большой шумъ на Корсикѣ. Самъ докторъ съ женой поспѣшилъ покинуть островъ, а Бартоли, никѣмъ не преслѣдуемый, удалился въ свой округъ, въ Палнэку.

Кажется дикимъ, что въ 1931 году, во французскомъ департаментѣ Corse, въ какихъ-нибудь двадцати часахъ ъзы отъ Парижа, Жозефъ Бартоли былъ абсолютнымъ властителемъ округа и, самъ будучи внѣ закона, писалъ законы, скрѣпляя ихъ своею подписью и печатью, вродѣ слѣдующаго: „Жозефъ Бартоли, бандитъ Палнэки, запрещаетъ жителямъ деревень выходить изъ дома послѣ девяти часовъ вечера; предписывается хозяевамъ кафѣ держать окна чисто вымытыми и не вѣшать занавѣсокъ, дабы снаружи отчетливо было видно, что дѣлается внутри; запрещаетъ въ деревняхъ что-либо продавать, нанимать, или покупать безъ вѣдома и согласія его, или его эмиссаровъ“.

Онъ посыпалъ на рынокъ, къ открытію его, своихъ помощниковъ забирать лучшіе продукты.

Деревушка въ горахъ.

И когда торговецъ спрашивалъ деньги, ему нагло отвѣчали:

— Представь счетъ Бартоли, онъ тебѣ дастъ чекъ на банкъ въ аду!

Жаловаться никто не смѣлъ, такъ какъ Бартоли по праву могъ считать себя абсолютнымъ хозяиномъ чуть ли не всего острова.

Самимъ жандармамъ бандитъ запрещалъ разгуливать въ предѣлахъ его дѣятельности не иначе, какъ держа карабинъ за плечемъ! ..

— Еще два года, — говорилъ онъ своему окружению, — и мы станемъ полновластными хозяевами острова.

Въ 1930 году они уже и были фактическими хозяевами, и корсиканскій поэтъ, Маэстралэ, совершенно правильно писалъ въ издаваемомъ имъ альманахѣ: „I banditi comandanu a Corsica“.

Все, казалось, принадлежало бандиту и все ему дозволялось.

Несмотря на большую награду за поимку Бартоли, или за убийство его, никто изъ жителей на это не рѣшался, и Бартоли спокойно и открыто жилъ въ своей деревушкѣ Палнѣка. Впрочемъ, онъ былъ постоянно подъ вѣрной охраной, немедленно извѣщавшей его о всякой подозрительной личности.

Когда для Бартоли былъ построенъ въ своей деревнѣ новый домъ, онъ рѣшилъ устроить большое празднество и пригласилъ всю свою многочисленную родню и своихъ друзей. Кромѣ

того, онъ рѣшилъ пригласить и жандармовъ, надѣясь отмѣтить день новоселья разстрѣломъ еще нѣсколькихъ изъ нихъ.

По этому поводу въ Аяччіо во дворцѣ правосудія было созвано чрезвычайное совѣщеніе, на которомъ ставился вопросъ объ участіи Бартоли, и было рѣшено временно не трогать бандита.

Неудовлетворенный неявкой на торжество жандармовъ, Бартоли рѣшилъ отомстить властямъ за ихъ невниманіе и послѣ празднества, вмѣстѣ со своими друзьями, принялся разстрѣливать въ деревнѣ всѣ дома тѣхъ, кто не принадлежалъ къ его роду или къ семьямъ его друзей.

Свыше двухсотъ патроновъ въ день выпускалъ Бартоли. Въ своемъ распоряженіи онъ имѣлъ множество конфискованныхъ имъ автомобилей, которыми пользовался, главнымъ образомъ, чтобы быстрѣе собирать дань, которую онъ накладывалъ на неугодныхъ ему лицъ. Онъ внимательно слѣдилъ за всѣми купцами, ведя у себя настоящую счетную книгу съ полными записями ихъ приходовъ и расходовъ. У него была своя печать, на которой значилось: „Joseph Bartoli, bandit, Palneca (Corse)“, которую онъ прикладывалъ къ каждому своему документу. Почти полмилліона франковъ добылъ себѣ Бартоли такими доходами.

Жандармы рѣдко рѣшались появляться въ его округѣ. Въ своей же деревнѣ онъ и вовсе

запретилъ имъ появляться. „Territoire interdit aux gendarmes! Danger de mort!“—вывѣсилъ онъ въ своей деревнѣ. А на своемъ домѣ надъ дверью: „Всѣмъ бандитамъ привѣтъ! Жозефъ Бартоли, бандитъ, предлагаетъ имъ безвозмездно и въ любое время убѣжище и пищу“.

Эта афишка висѣла все время, и ни одинъ жандармъ не рѣшался сорвать ее.

Рассказываютъ, что однажды, арестовавъ какого-то мелкаго воришку, двое жандармовъ вели его деревней, гдѣ жилъ Бартоли. Послѣдній замѣтилъ ихъ изъ своего дома и выскочилъ къ нимъ:

— Вы, вѣдь, знаете, что я запретилъ вамъ появляться въ моихъ краяхъ, да еще въ такомъ видѣ! Знайте же и то, что я держу свое слово!
— И онъ тутъ же прикончилъ ихъ.

Лишь вѣкъ округа Бартоли, жандармы изрѣдка устраивали на него засады, въ надеждѣ, что когда-нибудь онъ попадется такъ же, какъ Кавильоли. Одинъ разъ онъ чуть было и не попался: домъ, въ которомъ онъ случайно заночевалъ, былъ окруженъ большимъ отрядомъ жандармовъ. Для бѣгства оставалось лишь одно окно, на уровнѣ шести метровъ отъ земли. Но и въ это окно пробирался къ нему одинъ изъ жандармовъ. Бартоли его убилъ, ничуть ни смущаясь прыгнулъ, какъ на подстилку, на тѣло врага и былъ таковъ.

Корсиканцы врожденные актеры и большіе фантазеры. Корсиканцу достаточно гдѣ-нибудь однимъ ухомъ услышать о случившемся гдѣ-либо происшествіи, чтобы онъ тотчасъ же ходилъ по городу и рассказывалъ о событии такъ, какъ будто самъ все видѣлъ собственными глазами. Онъ вамъ подробно расскажетъ, какъ и отчего все произошло, кто что сказалъ и что сдѣлалъ. Онъ вамъ наглядно изобразитъ положенія, если будетъ нужно заплачетъ, ляжетъ передъ вами на землю, закричитъ пѣтухомъ соотвѣтственно съ повѣствованіемъ. И все это съ такой неподдѣльностью, съ такимъ чувствомъ передъ вами разыграетъ, что вамъ непремѣнно захочется ему повѣрить вопреки разуму.

Мнѣ однажды довелось услышать изъ устъ корсиканца разсказъ о продѣлкѣ все того же бандита Бартоли.

Узнавъ, что я интересуюсь недавними поработителями острова, онъ покровительственно хлопнулъ меня по плечу, раза два подмигнулъ и, зарядившись въ угловомъ кафе зеленымъ пастисомъ, потащилъ меня на площадь. Тамъ, въ тѣни, растянулся во всю длину на скамейкѣ, оставилъ мнѣ лишь самый ея кончикъ, и подложивъ руки подъ голову сталъ повѣствовать:

— Джуло говорилъ, что ты Корсику знаешь какъ свои пять пальцевъ. Я не вѣрю. Я лучше

тебя знаю ее, небось. Но перевалъ Вердэ ты, вѣроятно, помнишь. Двухъ переваловъ Вердэ въ мірѣ нѣтъ: знаешь, долина рѣки Тараво и массивъ Инкудино и этотъ лѣсь Мармано, что съ розоватымъ оттѣнкомъ. Вотъ тамъ.

— Что, тамъ? — спросилъ я.

Корсиканецъ молчалъ, видимо собираясь съ мыслями.

— Дѣло было, — отвѣтилъ онъ, наконецъ. И вдругъ быстро заговорилъ. — Проѣзжаетъ, значитъ, тамъ автокаръ съ туристами. Лѣтомъ было это. И вдругъ откуда ни возьмись на дорогѣ появляется человѣкъ, ружье въ рукѣ держитъ, ореть шоферу: „Стой, подлецъ, а не то я тебя какъ зайца уложу. Баста, говорю!“ Шоферъ струсилъ, зналъ чѣмъ дѣло пахнетъ. Пока онъ останавливалъ машину, слышать они, другой голосъ изъ-за кустовъ кричитъ тому, кто стоитъ на дорогѣ: „Скажи имъ, Баттести, чтобы повылезали изъ машины, да поснимали бы съ себя драгоцѣнности. Я сейчасъ“. Ну, тутъ путешественники стали уже хохотать. „Что это за комедія?“, говорятъ. „Теперь не времена Картуша или Мандрэна! Это при нихъ останавливали дорожные дилижансы“. Все, понимаешь, пинсуты путешественники были. Да еще какіе: американцы, голландка одна, коммерсантъ изъ Ліона—французъ. Онъ и кричалъ про Картуша, думалъ, что балуются люди. А эти... американцы—рѣшили, что это сюрпризъ, специально

для нихъ агентствомъ экскурсій заготовленный.
Дураки!

Разсказчикъ помолчалъ въ раздумыи, досталъ трубку, набилъ ее скаферлати, предварительно поднося каждую щепотку табаку къ носу и съ сопѣніемъ вдыхая запахъ, раскурилъ ее и продолжалъ:

— Небось, „тѣ“ не шутили. Шоферъ-то самъ вышелъ, а остальнымъ было сдѣлано внушеніе: Бартоли (это онъ былъ въ кустахъ) сбилъ пулей съ головы одного американца его дурацкій пробковый шлемъ.

Корсиканецъ, до сихъ поръ хранившій спокойствіе, вдругъ вскочилъ на ноги и, зажавъ трубку въ кулакъ, завопилъ:

— И правильно! И правильно сдѣлалъ! Регбассо, здѣсь имъ не колонія африканская, чтобы въ пробковыхъ шлемахъ разгуливать. Одно дѣло Африка, а другое—Корсика! Небось...

Мой собесѣдникъ полуобернувшись мотнулъ головой въ сторону моря. На фонѣ яркой синевы его красиво выдѣлялась фигура всадника: Цезарь-Наполеонъ. Корсиканецъ, видимо, хотѣлъ сказать: „Корсика правила міромъ“.

— Да, — согласился я.

Разсказчикъ немного успокоился.

— Что, бишь, я... Да. Какъ только туристы увидѣли, что дѣло серьезно, стали они что-то лопотать на своеі нарѣчіи, такъ что я ничего изъ ихъ разговора не понялъ, но...

— А вы тамъ тоже были? — невольно вырвалось у меня.

— Нѣтъ, — сухо отвѣтилъ корсиканецъ и невозмутимо продолжалъ:

— Вылѣзли, и сами стали снимать съ себя всѣ цѣнности, вплоть до булавокъ къ галстухамъ. Бартоли понравилось такое усердіе. Онъ позволилъ имъ влѣзть обратно и продолжать путь.

Съ этими словами, успокоившись совершенно, корсиканецъ снова растянулся на скамейкѣ. А черезъ секунду, совсѣмъ неожиданно для меня, сорвался съ мѣста и заоралъ:

— Только Бартоли чортъ вдругъ за ногу дернулъ, понимаешь?

— Не понимаю, — съ сожалѣніемъ покачалъ я головой и подумалъ: Вотъ тебя такъ ужъ, навѣрное, чортъ за ногу дернулъ.

— Какъ же не понимать? — продолжалъ, между тѣмъ, корсиканецъ. — Вѣдь я тебѣ говорилъ, что среди туристовъ была молодая голландка. Ну, она была очень красива, вотъ и понравилась Бартоли.

— Вотъ оно что, — понялъ, наконецъ, я.

— Когда всѣ размѣстились въ автокарѣ, онъ и говоритъ Баттести: „Скажи ей, что я ее хочу видѣть. Пусть придетъ“. Баттести перевелъ, и знаешь, что она отвѣтила? Она отвѣтила: „Я ничего общаго съ вашимъ хозяиномъ не имѣю, а если ему что-либо надо мнѣ сказать, пусть самъ придетъ“. Какъ тебѣ нравится, а?

Корсиканецъ заглядывалъ мнѣ въ глаза, какъ бы ища сочувствія. Я изобразилъ на лицѣ восхищеніе.

— Вотъ! — удовлетворенно пробормоталъ рассказчикъ. — Она эдакъ отвѣчаетъ, а Бартоли уже не терпится, и Баттести, зная на что онъ способенъ, когда разозленъ, давай уговаривать голландку не упрямиться. Это, говорить, ни къ чему не приведетъ, барышня, онъ и вѣсъ, и другихъ перестрѣляетъ. Тогда она встала, вышла изъ автомобиля и твердымъ такимъ шагомъ пошла навстрѣчу бандиту. Баттести же велѣлъ шоферуѣхать съ остальными дальше. Туристы запротестовали, но шоферъ былъ такъ всѣмъ напуганъ, что нажаль на рычагъ и тю-тю...

Корсиканецъ сдѣлалъ широкій жестъ.

— Уѣхали! Когда они скрылись изъ виду, Бартоли вышелъ на дорогу, а голландка стала и смотритъ на него, вызывающе-презрительно улыбается. Бандитъ говоритъ: „Ты, bell' uscellino (милая пташка), брось эти штучки. Я шутокъ не люблю“. А самъ намѣревается привлечь ее къ себѣ. А она...

Съ этими словами мой рассказчикъ, пришедший въ совершенный ражъ, вдругъ подскочилъ къ проходившей мимо старухѣ-корсиканкѣ, видимо, желая мнѣ показать, какъ реагировала дѣвушка на претензію Бартоли. Схвативъ корсиканку за локоть, онъ попытался ее обнять, но отвѣтомъ на его притязанія была звонкая пощеч-

чина и потокъ ругани. Я разразился безудержнымъ смѣхомъ, а покраснѣвшій отъ стыда рассказчикъ отошелъ и, сѣвши на скамейку, сталъ угрюмо докуривать трубку.

— Дура! — презрительно бросилъ онъ вслѣдъ уходившей старухи.

— Чѣмъ же кончилось дѣло? — полюбопытствовалъ я.

— Ничѣмъ, — огрызнулся собесѣдникъ. Онъ былъ явно оскорблена моимъ поведеніемъ и не имѣлъ никакой охоты продолжать повѣствованія. Я досадовалъ на себя. Надо же было мнѣ разсмѣяться въ тотъ самый моментъ, когда корсиканецъ, ради большей картиности, приносилъ себя въ жертву старухѣ... Видя, что на этотъ разъ развязки я не узнаю, я поблагодарилъ корсиканца за доставленное удовольствіе и пошелъ прочь.

Лишь недѣлей позже, при участіи познакомившаго насъ раньше Джуло, состоялось наше примиреніе. Въ знакъ того, что онъ больше на меня не сердится, корсиканецъ самъ предложилъ разсказать мнѣ конецъ исторіи. Какъ и слѣдовало ожидать, голландка оказала Бартоли такое упорное сопротивленіе, что разсвирѣпѣвшій бандитъ рѣшилъ ее просто убить. Лишь благодаря вмѣшательству Баттести, она спаслась и смогла бѣжать. Зато Бартоли такъ никогда и не простила своему содругу этого вмѣшательства. Когда попавшагося Баттести судили, Бартоли, переодѣв-

шійся священникомъ, присутствовалъ на процессѣ и послѣ приговора, отсылавшаго Баттести въ каторжныя работы, послалъ ему записку такого содержанія: „Я тебѣ говорилъ, что доброта то-же, что глупость. Я могъ бы тебя спасти, но я дуракъ не спасаю. Жозефъ Бартоли, безпощадный бандитъ“.

13.

Такъ, въ короткій срокъ, Корсика превратилась въ настоящій гнойникъ, въ гнѣздо разбойниковъ самаго низкаго порядка. Режимъ террора, которому бандиты подвергали мирныхъ жителей, способствовалъ развитію бандитизма. Мѣстныя власти были безсильны чѣмъ-либо помочь дѣлу, ибо всякий разъ, какъ начиналось слѣдствіе о какомъ-нибудь убийствѣ или нападеніи, всѣ свидѣтели по дѣлу вдругъ куда-то исчезали. Весь процессъ обыкновенно ограничивался платоническими судоговореніемъ—отсутствовали и свидѣтели, и подсудимый. Заочныя же осужденія лишь веселили бандитовъ: окруженные вѣрными людьми, они были совершенно увѣрены, что никогда закону не удастся привести приговоръ въ исполненіе. — „Руки коротки“. Эта увѣренность въ безнаказанности и въ своей силѣ была такъ велика, что они не боялись довѣрять обыкновенной почтѣ даже свою личную переписку. Такъ, безъ всякихъ задержекъ доходило по назначенію

письмо съ помѣткой на конвертѣ: „Посылается бандитомъ Спадой изъ Синарки бандиту Жозефу Бартоли въ Палнѣка“. Лучше того: какой-нибудь усердный почтовый чиновникъ отъ себя еще наклеивалъ марку „заказное“, чтобы письмо, избави Богъ, случайно не потерялось.

Владычество бандитовъ привело къ упадку нравственности и къ утратѣ старинныхъ традицій и обычаевъ. Разложеніе подчасъ сказывалось и въ семье. Особенно же поддались коррупціи чиновники, которые часто вступали въ сдѣлки съ бандитами и пользовались ихъ услугами. Такъ, напримѣръ, однажды на слѣдствіи выяснилось, что самъ генеральный секретарь префектуры въ Аяччіо обращался за помощью къ Бартоли, чтобы добыть одно очень компрометированное его письмо.

Нѣтъ поэтому ничего удивительного, что одинъ изъ чиновниковъ министерства по возвращеніи изъ служебной командировки на Корсику писалъ въ свое мѣсто рапортѣ къ начальству, излагая положеніе на островѣ: „На Корсикѣ маки начинаются въ зданіи префектуры Аяччіо“.

Казалось, раны, нанесенные разбойниками своей родинѣ, были смертельны. Никто не видѣлъ выхода изъ создавшагося положенія. Населеніе, ненавидѣвшее бандитовъ, было неспособно сопротивляться: „слишкомъ поздно“ — говорило оно. Отдѣльные герои, пытавшіеся свергнуть ненавистное иго, безжалостно лишались банди-

тами жизни. И лишь когда все было безуспешно испробовано, когда отчаяние сковало сердца корсиканцевъ, они согласились пойти на самое большое для нихъ униженіе, воззвать къ помощи презрѣнныхъ „пинсотовъ“.

Въ 1930 году муниципальный совѣтъ города Аяччіо послалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ просьбу объ экстренной присылкѣ войскъ для искорененія бандитизма. И было время: пароходы съ туристами уходили обратно не доходя до Корсики. На самомъ же островѣ кровь текла ручьями.

14.

Посланная на островъ карательная экспедиція состояла изъ многотысячной арміи солдатъ, снаряженной какъ на войну. Ее сопровождали грузовики съ пушками и пулеметами. Былъ мобилизованъ воздушный флотъ, и нѣсколько военныхъ судовъ несли дозорную службу вблизи береговъ, чтобы не дать бандитамъ возможности бѣжать съ острова. Экспедиція была тщательно подготовлена еще въ Парижѣ, и дѣйствія ея разработаны до мельчайшихъ деталей. Приходилось считаться съ тѣмъ, что все населеніе на Корсикѣ вооружено, и было еще неизвѣстно, какъ корсиканцы въ массѣ своей отнесутся къ небывалой еще интервенціи въ „ихъ личныя дѣла“. На этотъ разъ всѣ опасенія оказались, однако, напрасными.

Жители теперь такъ ненавидѣли бандитовъ, что готовы были временно забыть всякой гоноръ. Они даже предложили помочь регулярнымъ войскамъ въ ихъ дѣлѣ и образовали особый отрядъ „охотниковъ на людей“ подъ командой безстрашного Симонетти.

Первое время бандитамъ удавалось ловко убѣгать отъ преслѣдователей, но уже очень скоро они поняли, что означаетъ жизнь людей, объявленныхъ вѣнѣ закона. Они стали метаться, какъ затравленные звѣри. Казалось далекимъ то время, когда они устраивали кровавыя оргіи, когда являлись въ деревню подъ трескъ разстрѣливаемыхъ обоймъ. Умирающіе отъ голода, они не рѣшались теперь обратиться въ деревню за ночлегомъ или за кускомъ хлѣба. Въ эти страдные для нихъ дни, когда слабые теряли голову и надежду на спасеніе, болѣе выносливые старались ихъ утѣшать:

— Allons, les bourgeois feront encore une fois chou blanc!

Но утѣшенія были напрасны. Каждый день приносилъ новое горе: сидѣть за тюремной рѣшеткой родственники, отвернулись бывшіе друзья. И безпощадными щупальцами, одинъ за другимъ, вылавливаются изъ дебрей маки главные виновники корсиканской трагедіи.

Цѣною униженія передъ всѣмъ міромъ избавлена Корсика отъ своихъ преступниковъ. Дорого обошелся корсиканцамъ ихъ разрывъ съ честными, вѣками установленными, традиціями. Слишкомъ хорошо поняли они это, а потому быстро возвратились къ старымъ обычаямъ, къ своей прежней патріархальной жизни.

И вновь „жители древняго Сурнос’а (подъ этимъ именемъ Корсика была известна въ древности), гостепріимные и честные, съ душою изъ такого же чистаго гранита, что ихъ красивыя горы, — какъ сказано у поэта Маэстралэ, — могутъ вдыхать полною грудью пьянящій запахъ дикаго маки...“

Искоренено разбойничество на Корсикѣ. Но съ нимъ вмѣстѣ погибли и послѣдніе могикане вѣкового, традиціоннаго корсиканскаго бандитизма чести. Послѣдними такими бандитами были старики — Эттори и Феликсъ Микаэли. Оба они отдались въ руки властей. Во время ихъ процесса вся Корсика ждала ихъ полнаго оправданія.

Съ исчезновеніемъ этихъ бандитовъ островъ утратилъ и часть своей манящей прелести. Туристы съ меньшей охотой ёдуть сюда. Влекло ихъ невѣдомое; прельщала, пріятно щекотала нервы, смутная опасность, заключавшаяся въ словахъ:

„il bandito di onore e di vendetta corsa!“ ...

Темной ночью.

Завтра мы покидаемъ Корсику. Уже давно сентябрь на дворѣ, желтѣеть и сохнетъ на деревьяхъ листва, умолкли цикады въ садахъ, не стрекочутъ кузнечики. Когда съ горъ дуетъ вѣтеръ, воздухъ наполняется пьянящимъ запахомъ маки и теперь къ этому запаху примѣшивается еще новый какой-то ароматъ, сладкій и пріятный, до сихъ поръ намъ неизвѣстный, и онъ еще больше дурманить...

Завтра мы покидаемъ Корсику. Уже давно поулетали отсюда перелетныя пташки, туристы; поуѣзжали семьи служащихъ здѣсь чиновниковъ-французовъ, исчезли палатки русскихъ лагерей. Кажется, одни мы дольше всѣхъ засидѣлись на островѣ, но близится и нашъ отъѣздъ. И мы стараемся теперь почаше дѣлать прогулки, со-вмѣстно и въ одиночку, чтобы наполнять себя все новыми и новыми впечатлѣніями.

Вчера я одинъ ходилъ на прогулку далеко за городъ и когда возвращался, то было совсѣмъ темно. Ночь была безлунная, и я то и дѣло спотыкался на щебень-дорогѣ и безъ особаго удовольствія думалъ о томъ, что мнѣ въ такой часъ предстоитъ идти мимо кладбища. Я ругалъ себя, что не расчиталъ времени и не вернулся въ городъ засвѣтло. Дорога лежала вдоль берега моря; оно было скрыто отъ меня рощей и до моего уха доносился лишь заглушенный шумъ

волны да ропотъ потревоженныхъ прибрежныхъ камешковъ. Гдѣ-то жалобно-тоскливо заливалась собака въ предвидѣніи неизвѣстной ей самой утраты. Мнѣ становилось все болѣе и болѣе неуютно. Я удивлялся, почему дорога, по которой прежде въ этотъ часъ взадъ и впередъ катились автомобили, сегодня совершенно пустынна. И мнѣ уже казалось, что я одинъ остался въ живыхъ, а всѣ остальные умерли и ихъ всѣхъ оплакиваетъ эта собака. Ускоривъ шагъ, я попробовалъ напѣвать бодрую пѣсенку, но собственный мой голосъ мнѣ показался чуждымъ и такимъ глухимъ, точно онъ исходилъ изъ груди мертвца. Я пересталъ пѣть. Когда я поравнялся съ кладбищемъ, на меня повѣяло сыростью, и я почувствовалъ тошноту. Высокіе кипарисы, казалось, склонялись надо мной и тянулись ко мнѣ; остроконечныя крыши склеповъ превращались въ страшныхъ монаховъ, кивающихъ головами, звавшихъ меня къ нимъ...

Я увидѣлъ межъ склеповъ мигающей огонекъ и, хотя зналъ, что это сторожъ совершаетъ съ фонаремъ свой обходъ, почувствовалъ, какъ мурашки бѣгаютъ по моему тѣлу. Я старался заставить себя не смотрѣть на огонекъ, но не смотрѣть было выше моихъ силъ.

Вдругъ я судорожно вздрогнулъ и остановился, какъ вкопанный: со стороны кладбища мнѣ явственно послышался голосъ: „Кто идетъ?“; затѣмъ отъ кладбищенской стѣны отдѣлилась

тѣнь и стала приближаться ко мнѣ. Когда тѣнь оказалась въ нѣсколькихъ шагахъ, я съ ужасомъ разглядѣлъ на ней треугольную шляпу, сѣрый длиннополый сюртукъ и бѣлый жилетъ.

— „Императоръ!“ — хрипло крикнула тѣнь и дохнула мнѣ въ лицо винными испареніями. — „Я Императоръ“ — повторила она и звонко ударила себя ладонью по груди, изъ которой вырвался глухой, неясный звукъ.

— „Пьяный“ — промелькнуло у меня въ головѣ, а тѣнь между тѣмъ продолжала:

— „Иди со мной, ты будешь командовать моей гвардіей, она...“ — и тѣнь указала на кладбище: — „тамъ“. И вдругъ схватила меня за воротъ и стала тянуть. Я рванулся и, сбивъ съ ногъ пьяного, побѣжалъ, что было силь, по дорогѣ. Въ догонку мнѣ слышны были хохотъ, дикое гиганіе, слова какой-то угрозы... Лишь прибѣжавъ въ городъ я убавилъ ходу и перевелъ духъ.

А на утро мы читали въ корсиканской газетѣ подробное описание празднества, устроенного наканунѣ въ память Наполеона. Въ концѣ замѣтки авторъ ея сконфуженно признавался, что великолѣпная живая картина „Апофеозъ Императора“, къ великому прискорбію, была сорвана вслѣдствіе того, что исполнитель главной роли послѣ репетиціи неожиданно скрылся, унеся съ собою приготовленный для этой роли костюмъ...

Прощай, Аяччіо! Прощай, Корсика!

Ночь. Свѣжая, беззвѣздная сентябрьская ночь. Мы стоимъ на палубѣ парохода; облокотились о перила и съ грустью смотримъ на удаляющійся городъ. Столько разъ мы его видѣли, такъ хорошо знаемъ,—но не отрывая глазъ смотримъ на него, точно стараемся вырвать лишнее впечатлѣніе, унести послѣднее воспоминаніе...

Аяччіо весь передъ нами. Освѣщенный множествомъ огней, онъ сейчасъ живеть будничной своей жизнью. Вонъ, за пальмовой аллеей, на площади передъ пристанью, сидятъ за столиками кафѣ корсиканцы, потягивають свой любимый пастисъ. Легкій вѣтерокъ доноситъ до меня пѣсенку популярнаго Тино Росси. Вырываются звуки изъ-подъ грамофонной иголки: „Ajaccio bello...“ — заливается корсиканецъ-пѣвецъ, и я повторяю за нимъ эти слова, а самъ смотрю на теряющія ясность очертанія зданій, памятники... Уже не различаю, а скорѣе угадываю гуляющія на площади парочки и шныряющихъ между ними мальчишекъ, гоняющихъ другъ за другомъ. Ахъ! Эти мальчишки-корсиканцы! Я представляю себѣ, какъ они сейчасъ облѣпили терассу казино, гдѣ устроенъ кинематографъ на открытомъ воздухѣ. Часть ихъ пріютилась внизу, сидятъ, поджавъ ноги, у самаго экрана, чуть не къ небу задирая голову. Другіе, болѣе хитрые, забрались на верхнюю терассу, и висятъ на карнизѣ. Дабы

показать „мелюзгѣ, что сидитъ тамъ, внизу“, свое привилегированное положеніе и вызвать ея уваженіе, мальчишки съ „верхнихъ ярусовъ“ то и дѣло перегибаются и поплевываютъ тѣмъ на голову. Попадаетъ порою и единственному „ажану“, стоящему внизу для охраны порядка, и тогда въ темнотѣ начинается возня и придушенные возгласы; ажанъ сдергиваетъ за уши первого попавшагося шалопая...

— Прощай, Аяччіо! — произносить кто-то громко надъ моимъ ухомъ и отрываетъ меня отъ моихъ мыслей.

Да, Аяччіо уже далеко; скрылся за скалистой горой. Мы теперь выходимъ изъ бухты, въ которую два мѣсяца тому назадъ въѣзжали въ ранній предутренній часъ... Быстро пролетѣло время, но сколькими новыми впечатлѣніями мы обогатились, столько связано у насъ съ этими мѣстами воспоминаній, что кажется, что мы покидаемъ что-то родное...

Вышли изъ бухты. Прошли „Кровавые Острова“. И сразу подулъ сильнѣйшій вѣтеръ: волны бросаютъ пароходъ, какъ щепку. Качка; зеленые лица пассажировъ; морская болѣзнь. Нѣтъ! Это уже не относится къ Корсикѣ и не должно портить впечатлѣній! Она, Корсика, уже далеко. Вотъ, въ послѣдній разъ блеснулъ лучъ далекаго маяка, неясно освѣтилъ скалистые берега вдали, и островъ потонулъ въ темнотѣ.

Прощай, Корсика!

„Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ...“

На утро пароходъ входитъ въ Ниццкую гавань. У всѣхъ пассажировъ вырываются вздохи облегченія!

— Добрались! Слава Богу!

— Но видъ у большинства изъ нихъ удручающій—пережитая въ страхѣ и мученіяхъ ночь оставила по себѣ слѣды.

Корабль пришвартовывается неимовѣрно долго—къ великому неудовольствію путешественниковъ, которымъ не терпится его покинуть.

Но вотъ уже переброшены сходни, и мы по очереди сбѣгаемъ на берегъ. Поднимаются крики, къ намъ подбѣгаетъ какой-то чиновникъ, держащий за рукава:

— *Holà, messieurs, passez à la douane, въ таможню!*

Мы, моргая глазами, смотримъ на него.

— Вы, вѣрно, ошибаетесь, мосье, какая же тутъ таможня? Мы пріѣхали изъ Корсики!

— *Mais c'est justement pour cela, — отвѣчаетъ чиновникъ.*

Дѣлать нечего, идемъ въ таможню. Тутъ уже полно народу. Шумъ, давка, удары по ногамъ корзинами и чемоданами. Цѣлый штабъ чиновниковъ, инспекторовъ, комиссаровъ переворачиваютъ вещи въ раскрытыхъ чемоданахъ, по десяти разъ спрашивая:

— *Rien à déclarer?*

Чиновники ощупывают карманы и съ хитрой улыбочкой предлагаютъ вынуть изъ нихъ все содержимое.

— Иэъ-за-границы ъдешь, нѣть такихъ дикостей при осмотрѣ, — возмущается стоящій рядомъ французъ. — Подумаешь, много мы можемъ провести контрабанды въ ущербъ казнѣ. Развѣ двѣ папиросы!

— Mieux que ça, tout vieux, — смеется въ отвѣтъ его спутникъ. — Мы веземъ съ собой „корсиканскій духъ“, а на континентѣ онъ считается опаснымъ продуктомъ: взрывчатое вещество!

— — —

Двадцать восьмое сентября. А теперь—въ Парижъ!

„И возвращаются вѣтры на круги свои“.

Юрій Симоновичъ.

Карта Корсики.

(Данныя для настоящей книги.)

О г л а в л е н і е.

	Стр.
1. Отъ Старшаго Друга Содружества „Восходъ“	3
2. Вмѣсто предисловія	7
3. Маріусъ и Оливъ	9
4. „Remember“	11
5. „La Joliette“	12
6. По водамъ	14
7. На сушѣ	18
8. Первые дни	20
9. „Vendetta Corsa“:	
1. Петръ Семенычъ	24
2. Красота какая!	27
3. Тоніо	28
4. „Перстъ, указующій путь“	33
5. „Сорвете дикий цвѣточекъ... стрѣлять станутъ!“	35
6. ???	37
7. Отъѣздъ „cher papa“	42
10. Вокругъ Острова Красоты:	
I. Сборы	44
II. Первый этапъ	45
III. Подъ звѣзднымъ небомъ	47
IV. Утро второго дня	48
V. Случайное знакомство	50
VI. „Не все кату масленица	56
VII. На югъ острова	58
VIII. Еще одно знакомство	63
IX. Въ Долинѣ Смерти	66
X. Снова въ здоровыхъ мѣстахъ	71
XI. Бастія	72

	Стр.
XII. На съверъ острова. Русскій корсиканецъ	74
XIII. Жизнь походная	76
XIV. Страхи.	78
XV. Галерія	79
XVI. Неописуемая красота	81
XVII. Дома!	83
11. Аячіо	86
12. Нашъ день	91
13. Проводы	98
14. О корсиканцахъ:	
1. О впечатлѣніяхъ первыхъ дней	101
2. Характеръ и нравы	101
3. Корсика и Континентъ	103
4. Неблагоустроенность	105
5. Богатство корсиканцевъ	106
6. Курьезные обряды и привычки	108
7. Вліяніе климата	109
8. Корсиканская пѣснь	111
15. Въ глубь острова...:	
I. Не сидится на мѣстѣ	114
II. Въ вагонѣ	114
III. Пѣшкомъ	117
IV. Первая встрѣчи	119
V. Жертва жандармовъ	120
VI. Въ поискахъ ночлега	121
VII. Въ орлиномъ гнѣздѣ	123
VIII. Достопримѣчательности Кортэ	126
IX. „La Scala di Santa Regina“	129
16. ...на Монте-Чинто:	
X. Первый привалъ	131
XI. Второй привалъ. Полдень	131
XII. Между 4 и 5 часами пополудни	133

XIII.	Часомъ позже	134
XIV.	Костеръ	135
XV.	Вечеръ	136
XVI.	И ночью	136
XVII.	Восходъ и... „Восходъ“	137
XVIII.	Русскій флагъ на макушкѣ!	139
XIX.	Два слова о возвращеніи	141
17.	Бандиты чести на Корсикѣ и драма недавнихъ лѣтъ:	
1.	Предисловіе	143
2.	Корсиканскія традиціі	144
3.	Бандиты чести	149
4.	Появленіе разбойничьяго бандитизма . .	152
5.	Романетти	153
6.	Андреа Спада	156
7.	Кавильоли Старшій	157
8.	Торре и Кавильоли Младшій	158
9.	Финишъ велосипеднаго чемпіоната Кор- сики лѣтомъ 1928 года.	159
10.	Борнеа	160
11.	Жозефъ Бартоли—король разбойниковъ	161
12.	Дѣло на перевалѣ Вердэ	167
13.	Корсика въ плѣну разбойниковъ	173
14.	Карательная экспедиція 1931 года	175
15.	Конецъ кошмара, но и... конецъ банди- тизма чести!	177
18.	Темной ночью	178
19.	Прощай, Аяччіо! Прощай, Корсика!	181
20.	„Изъ далекихъ, чуждыx странъ...“	183

„Pirmais Tipografijas Kooperatīvs“
Latvijā, Rīgā, Merķeļa ielā 6